

В. Е. Борейко

Писатели дикой природы

Борейко Владимир Евгеньевич

Писатели дикой природы. — К.: Киевский эколого-культурный центр, 2006. — 168 с. —
(Серия: Охрана дикой природы. Вып. 54)

ISBN 966–581–708–6

В книге приводятся высказывания 170 писателей России, Украины, Польши, США, Канады, Китая, Японии, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Чехии, Тайваня, Австралии, Южной Африки, Беларуси, Киргизии, Казахстана, Австрии, Швеции и Норвегии о дикой природе.

ББК 74.200.51

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА 5

**ПИСАТЕЛИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ
(ФИЛОСОФИЯ, ТЕХНИКИ, ШКОЛЫ)** 6

ПОЯВЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ ДИКОЙ ПРИРОДЫ	9
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПИСАТЕЛЕЙ ДИКОЙ ПРИРОДЫ	11
ПИСАТЕЛИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ КИТАЯ, ЯПОНИИ И ТАЙВАНЯ	13
<i>Ли Бо, Ван Вэй, Ду Фу, Вэй Юн, Се Даюнь, Бао Чжао, Цзо Сы, Шэнь Юэ, Оуян Сю, Се Тяо, Басё, Тиё, Бонтё, Сико, Бусон, Кито, Исса, Ямабэ, Акахито, Отото Якомоти, Нукада, К. Донто, Чин Хен-Пио, Шен Чен-Чунга</i>	
ПИСАТЕЛИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ПОЛЬШИ, АВСТРИИ, НОРВЕГИИ, ШВЕЦИИ, ЧЕХИИ	30
<i>А. Шефтсбери, Делиль, Г. Реем, К. Вин, П. Шеппи, У. Вордсворт, С. Кольридж, Дж. Хопкинс, Дж. Байрон, В. Гюго, Дж. Рескин, А. Мицкевич, Ю. Словацкий, И. Вагнер, Б. Гржимек, Ж. Дорст, Дж. Даррелл, Дж. Адамсон, Ж. Кусто, А. Сандерсон, Я. Линдبلاد, А. Увесен</i>	
ПИСАТЕЛИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ УКРАИНЫ	41
<i>Н. Гоголь, Л. Украинка, В. Талиев, А. Пясецкий, А. Шептицкий, Б. Лучаковский, М. Рыльский, А. Генов</i>	
ПИСАТЕЛИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ КИРГИЗИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА	46
<i>Э. Шукуров, Я. Колос, М. Зверев</i>	
ПИСАТЕЛИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ РОССИИ	49
<i>М. Ломоносов, Г. Державин, Н. Карамзин, С. Аксаков, Е. Баратынский, И. Весеньев, Н. Пржевальский, св. Иоанн Кронштадский, А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Бестужев-Марлинский, Н. Гоголь, К. Батюшков, А. Чехов, А. Васнецов, В. Докучаев, В. Талиев, А. Семенов-Тянь-Шанский, В. Тимонов, И. Бородин, Д. Соловьев, Х. Шапошников, Г. Кожневиков, П. Мельников (Печерский), И. Пузанов, В. Сапожников, В. Арсеньев, Г. Чорос-Гуркин, А. Борисов, И. Тачалов, В. Хитрово, М. Пришвин, Н. Клюев, А. Львов, Д. Андреев, А. Тарковский, М. Лобач, Л. Татьяничева, Л. Трефолев, О. Волков, Ф. Штильмарк, С. Забелин, Н. Морохин, К. Авилова, В. Федорчук</i>	

ПИСАТЕЛИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ АВСТРАЛИИ И ЮЖНОЙ АФРИКИ	80
--	-----------

Ю. Райт, Э. Молвер, М. Поланд

ПИСАТЕЛИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ США И КАНАДЫ	81
--	-----------

*У. Брайант, Ч. Хоффман, Г. Герберн, Е. Ивенса, Дж. Кэтлин,
Э. Дюранд, Э. Форбуш, Ф. Купер, В. Мэррей, Сизтл,
Т. Коул, Дж. Хэдли, В. Ирвинг, С. Хаммонд, В. Колвин,
Р. Эмерсон, Г. Торо, У. Уитмен, Г. Осборн, Д. Пауэлл,
Д. Ван Дайк, Т. Кинг, К. Кинг, Ф. Олмстед, Дж. Мюир,
М. Остин, О. Леопольд, Г. Эбботт, Серая Сова, Э. Миллс,
Э. Сетон-Томпсон, У. Лонг, К. Даттон, Р. Маршалл,
Д. Броуэр, Г. Лоулесс, И. Берд, Э. Эбби, Д. Джеймс,
Р. Джефферс, У. Стегнер, Г. Снайдер, В. Делория,
Д. Тернер, Л. Грэбер, Д. Кратч, Х. Ролстон III, Р. Пейден,
Э. Бернбаум, Д. Формэн, Т. Бирч, Р. Нэш, Д. Хей,
М. Фром, Л. Вотермен, Д. Ла Шапель, Э. Тиле, Д. Черни,
Д. Ноулс, И. Клавер, А. Дрептсон, Д. Доркер, Ф. Моуэт,
Т. Уильямс, У. Дрю, Б. Коллис*

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ДИКОЙ ПРИРОДЫ	133
--	------------

ЛИТЕРАТУРА	134
-------------------	------------

Приложение. Лик Бога в дикой природе 140

От автора

Эта книга является заключительной в моей природоохранной историко-культурологической трилогии («Философы дикой природы и природоохраны», «Художники дикой природы», «Писатели дикой природы»). В ней я рассказываю о писательском творчестве 170 поэтов, прозаиков, философов, путешественников, ученых-естественников, природоохранников из 21 страны мира, посвященном дикой природе.

Книга представляет собой, по сути, краткую антологию основных идей, наиболее красочных пейзажных описаний и дает общее представление о различных стилях, направлениях и писательских школах дикой природы.

Немногочисленные природоохранники ведут сейчас ожесточенную борьбу за дикую природу. К сожалению, их дебаты не могут быть разрешены наукой. Наука дает совет: стоит ли рубить лес в горах или как спасти зубра от исчезновения, но воспринимаются эти проблемы или нет — зависит от ценностей конкретной личности. А эти ценности формируются теми историями, которые мы впитали с детства и которыми руководствуемся в жизни.

Скорее не ученые, экономисты и политики, а поэты, музыканты, художники, писатели смогут передать миру уважение, любовь и восхищение дикой природой. Талантливые рассказчики — вот кто в конечном счете сможет заинтересовать людей и изменить их отношение к дикой природе.

Владимир БОРЕЙКО

директор Киевского эколого-культурного центра

Писатели дикой природы

(философия, техники, школы)

Интерес к охране природы возникает не столько из-за научных обоснований и экономических мотивов, а сколько благодаря тесной связи с культурными и духовными ценностями. Такие ценности находят свое отражение в философии, религии, народных традициях, живописи, а также в литературе.

Особую роль в их популяризации играют писатели дикой природы. Под термином «писатели дикой природы» я подразумеваю поэтов, прозаиков, литераторов, философов, а также путешественников, религиозных мыслителей, альпинистов, ученых-естественников, природоохранников и т.п., творивших в различных жанрах: литература о путешествиях, диких животных, природоохранные статьи, ландшафтная лирика, документалистика, художественная проза, исторические, приключенческие повести и романы, эссе, письма, автобиографии и т.п. В своих произведениях они художественно изображают дикую природу, описывают ее красоту, божественность, призывают к уважению, благоговению, любви, требуют защиты дикой природы. Эти литературные произведения могут относиться к различным направлениям: сентиментализму, романтизму, реализму.

Писатели дикой природы могли посвятить этой теме все свое творчество (Дж. Мюир, Ф. Штильмарк), или коснуться ее лишь ненароком (Н. Гоголь, Н. Карамзин), вместе с тем оставив яркий, самобытный след в описании или философском осмыслении дикой природы.

Благодаря острому восприятию и сопереживанию, писатели дикой природы чувствуют то, что другие не замечают или не хотят замечать. Где бы не находились, они бросают вызов тем силам в обществе — бизнесу, технологии, машинам, деньгам, жадности, цинизму, которые нацелены на то, чтобы покончить с дикой природой и забыть о ней. Острое понимание необходимости защиты природы толкает ее писателей на поступки, вызванные чувством долга.

Для многих писателей дикой природы характерна общая философия и техники.

Философия

Писатели дикой природы впитали в себя философию даосизма, пантеизма, язычества, буддизма, трансцендентализма, либерализма, анархизма, а также экологические знания. Вместе с тем, практически все они воспевают красоту, первозданность и величие дикой природы, благоговеют перед ее божественностью, воспринимают ее как храм, лик Бога, Совершенно Иное, Богиню-Мать.

Наиболее интересна и современна, с моей точки зрения, философия школы радикальных писателей дикой природы. Они полагают, что люди не более ценны, чем часть дикой природы. Они верят, что дикая природа имеет право на свободу и существование и ей должна быть отведена по справедливости половина территории Земли. Вместе с тем те, кто описывал дикую природу как враждебную стихию, или прославлял гибель ее или отдельных ее представителей (диких растений, животных), например, во время любительской охоты (убийство ради развлечения), не могут быть в полной мере отнесены к писателям дикой природы. Или по этическим причинам не могут быть отнесены к ним вообще.

Техники

В целом для писателей дикой природы характерны некие общие техники, которые выгодно отличают их работы от других произведений по схожей тематике.

1. Дикая природа всегда стоит на первом месте, человек же описывается как равноправный партнер или не изображается вообще.

2. Практически все произведения, посвященные дикой природе, несут некую философскую нагрузку, а не только ограничиваются описанием диких ландшафтов или диких животных.

3. Природа описывается как дикая, свободная, а не окультуренная.

4. Писатели дикой природы дают необыкновенно яркие, запоминающиеся описания свободной природы.

5. Особый стиль изложения, например, стихи хайку.

6. Описывая свои путешествия по дикой природе, многие из них стараются не указывать точный адрес участков свободной природы.

Школы писателей дикой природы

На основе философии и техник можно выделить следующие основные писательские школы дикой природы:

1. Школа американских писателей-трансценденталистов (Р. Эмерсон, Г. Торо и др.)

2. Школа стародавней китайской пейзажной лирики — поэзия гор и вод (шань шуй ши) — (Ли Бо, Ван Вэй, Ду Фу и др.).

3. Экологическая школа дикой природы (О. Леопольд, Э. Шукуров и др.)

4. Европейская романтическая школа дикой природы (У. Вордсворт, А. Мицкевич, В. Гюго, Дж. Байрон и др.).
5. Школа радикальных писателей дикой природы (Дж. Тернер, Э. Эбби, Т. Бирч, Д. Формэн и др.).
6. Школа языческих писателей дикой природы (Сиэтл, Г. Чорос-Гуркин, Серая Сова и др.).
7. Школа стародавней японской пейзажной лирики (Басё, Тиё, Сико и др.).
8. Документальная школа дикой природы (Н. Карамзин, В. Мэртэй, Н. Пржевальский и др.).
9. Анималистическая школа дикой природы (Дж. Даррелл, Дж. Адамсон и др.).
10. Школа практической природоохраны (Г. Кожевников, Б. Гржимек, Ф. Штильмарк и др.).
11. Школа религиозного восприятия дикой природы (Дж. Мюир, Л. Грэбер, Э. Барнбаум и др.).

Появление писателей дикой природы

Как и в случае с художниками дикой природы, первые писатели дикой природы появились в стародавнем Китае примерно в 5 веке. Это были поэты, специализирующиеся в пейзажной лирике «гор и вод» — шань шуй ши. Многие из них являлись также известными художниками, философами, вели монашеский образ жизни. Они проповедовали даосизм, одним из главных постулатов которого было «ничего не делание» в отношении дикой природы. Позже каноны китайской пейзажной лирики распространились на соседние страны — Корею, Японию.

В Европе писателей дикой природы создало движение романтизма 18–19 веков. Граф Шефтсбери, Дж. Байрон, С. Кольридж, Дж. Рескин, В. Гюго, А. Мицкевич стали первыми европейскими писателями дикой природы.

В 19 веке в России о дикой природе начали писать литераторы И. Весеньев, Н. Карамзин, С. Аксаков, Н. Гоголь, в США традиции американских писателей дикой природы заложили философы-трансценденталисты Р. Эмерсон, Г. Торо, а также путешественники и писатели-романтики Ф. Купер, У. Брайант, Е. Ивенс, Дж. Хедли, С. Хаммонд, В. Колвин.

В настоящее время первое место по количеству и качеству своих произведений о дикой природе, несомненно, занимают американские писатели. Их работы отличает особая философичность, религиозное отношение к дикой природе. Можно с уверенностью сказать, что подобной литературы о дикой природе, как в США, нет нигде в мире.

Томас Лион, составитель литературоведческого сборника об американских писателях дикой природы писал:

«В короткой журнальной заметке Барри Лопез недавно высказал предположение, что литература о природе «однажды не только составит главное тело американской литературы, но и станет основой для реорганизации американской политической мысли». В некотором смысле, я думаю, это уже

произошло, основа заложена, если воспринимать политическую мысль как восприятие отношений. Уильям Бартрам, Генри Торо, Джон Мюир, Джон Берроуз, Олдо Леопольд, Уинделл Бери и многие другие сформировали видение мира полностью политического и демократического. Правильно понимаемая политика — это не просто человеческие дела, она включает расположение каждого элемента, который составляет мир, биосферу, частью которой мы являемся. Правильно понятая демократия дает право голоса деревьям и другим существам. Демократия, как её представляет американская литература о природе, расширяет и наполняет американские основы. Это не распределение власти в человеческом обществе, но более глубокое движение разума и сердца, открытие своего «я» в признании и почитании все-включающего большого «Я».

(Цит. по: THIS INCOMPERABLE..., 1991)

Крестовый поход писателей дикой природы

Писатели дикой природы всегда стояли в первых рядах её защитников. Американец Дж. Мюир являлся организатором первых национальных парков США, его соотечественник В. Колвин добился создания Адирондакского национального парка. Российский природоохранник и литератор Ф. Штильмарк — создатель более полутора десятков российских заповедников и республиканских заказников.

Канадский писатель Серая Сова способствовал принятию в Канаде Закона о защите бобров и охране мест их обитания.

Б. Гржимек, Дж. Адамсон, И. Вагнер, Я. Линдبلاد немало сделали своими книгами для защиты диких животных Африки и Индии.

Однако, главная заслуга писателей дикой природы, без сомнения лежит в пробуждении движения в защиту дикой природы, у истоков которого в США стояли такие выдающиеся писатели как Генри Торо, Джон Мюир, Олдо Леопольд, в России — Г. Кожевников, И. Бородин, А. Семенов-Тянь-Шанский, В. Талиев, которые будучи биологами, немало потрудились и на литературном поприще.

Писатели дикой природы воспитывали вкус своих читателей, учили их любоваться дикой природой, благоговеть перед ней, уважать её, внушали беспокойство по поводу её исчезновения. Они создали особую идеологию защиты дикой природы, разработали современную идею дикой природы. В России писатели дикой природы и ученые-естественники стали авторами особого этико-эстетического подхода в охране дикой природы и заповедного дела.

Один из наиболее самобытных современных американских писателей дикой природы Джек Тернер пишет, что спасая дикую природу, мы прежде всего должны спасти её ауру:

«Первичная задача поэтов, и мыслителей, и художников, как мне кажется, состоит в том, чтобы расширить ее ценность (дикой природы — В.Б.), которые мы ценим глубже всего — источник нашей морали и духовной практики...».

Распространим эти моральные и духовные ценности на природу, и духи каждого лелеянного как сокровище места заговорят, как они говорили всегда — через искусство, мифы, сны, танец, литературу, поэзию, мастерство».

(ТЕРНЕР, 2003)

Каждый из цитируемых мной в этой книге писателей дикой природы совершил свой персональный крестовый поход в её защиту. Не всегда этот одиночный поход оказывался удачным. Однако все они вместе сделали огромное дело: разбудили мировое движение в защиту дикой природы.

Писатели дикой природы Китая, Японии и Тайваня

Поэзия на даосско-религиозные и даосско-философские темы привела к возникновению в Китае особой пейзажной лирики («поэзия гор и вод» — шань шуй ши), выделившейся в V веке. Первым среди стародавних китайских писателей дикой природы по праву считается выдающийся поэт Ли Бо.

Ли Бо называл себя «изгнанным сянем» (изгнанным небожителем), то есть святым отшельником, постигающим тайны дикой природы. Ли Бо жил в провинции Шу, славящейся своей дикой природой, с 5-ти летнего возраста. Именно на фоне свободной природы сформировались его эстетика и философия.

Пытали однажды:

мол что за нужда

В нефритовых скалах

гнездо себе вью?

В ответ улыбнулся

и промолчал

А сердце запело:

свободу люблю...

Стремнина

персиковых лепестков

Летящих с обрыва

в ущелье теней,

Лишь здесь — небеса

и земля — только здесь

А не среди

людей.

(Китайская, 1984)

Ли Бо провел несколько лет в горах Миньшань вместе с даосским отшельником, постигая таинство даосизма. После недолгого перерыва он вновь вернулся туда. Особенно его привлекали Горы Крутых бровей — Эмейшань. «В царстве Шу немало гор, где обитают бессмертные, но с таинственными Крутыми Бровями ни одна не сравнится», — писал Ли Бо (Китайская, 1984).

В минуты особой душевной раскрепощенности, которую приносило вино или любование природой, Ли Бо играл на лютне, стараясь довести найденную с дикими горами гармонию до совершенства.

Известный китайский поэт Хэ Чжи-Чжан как-то сказал Ли Бо: «Ты бессмертный какой-то гений, с небес в наказание на землю поверженный» (Ли Бо, 2000).

Высокие пики вздымаются в небо рядами,

Чуть выше и вот уж коснутся они облаков.

Высокие сосны над пропастью к скалам прижались,

Ручьи и потоки сплетаются, грозно шумя.

Внезапно валун исполинский срывается сверху,

И горное эхо ему отвечает как гром...

(Цит. по: Фишман, 1958)

Современники говорили о Ли Бо: «Опустит кисть — и устрасает ветры и ливни. А напишет стих — и вызовет слезы у злых и добрых духов (...). Ему нужны не укромные уголки, чуть освещенные вечерним солнцем, а крутые вершины, летучие водопады, бурные реки» (Поэзия, 1987).

СМОТРЮ НА ВОДОПАД В ГОРАХ ЛУШАНЬ

За сизой дымкою вдали

Горит закат.

Гляжу на горные хребты,

На водопад.

Летит он с облачных высот

Сквозь горный лес —

И кажется, то Млечный Путь

Упал с небес.

ХРАМ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

На горной вершине
Ночью в покинутом храме.
К мерцающим звездам
Могу прикоснуться рукой.

Боюсь разговаривать громко:
Земными словами

Я жителей неба
Не смею тревожить покой.

(Поэзия, 1987)

ПЕСНЬ ЛУНЕ ЭМЕЙШАНЬСКИХ ГОР

Луна Эмейшаньских гор,
полумесяц осенний!

В реке усмиранных Цянов
купаются тени...

От Чистых Ручьев плыву
по дороге к Трем Безднам

Тоскую... к Юйчшою
спускаюсь вниз по течению.

В ОДИНОЧЕСТВЕ СИЖУ НА ГОРЕ ЦЗИНТИШАНЬ

Растаяла стая,

изведав предел восхожденья.

Одно только облачко

праздно плывет в отдаленье.

Глядим друг на друга —

и наглядеться не можем...

Воистину это

Беседка Благоговенья.

(КИТАЙСКАЯ, 1984)

**В ГОРАХ ЛУШАНЬ СМОТРЮ НА ЮГО-ВОСТОК
НА ПИК ПЯТИ СТАРИКОВ**

Смотрю на пик Пяти Стариков,

На Лушань, на юго-восток,

Он поднимается в небеса,

Как золотой цветок.

С него я видел бы все кругом

И всем любоваться мог...

Вот тут бы жить и окончить мне

Последнюю из дорог.

О ТОМ, КАК ЮАНЬ ДАНЬ-УЮ ЖИЛ ОТШЕЛЬНИКОМ В ГОРАХ

В восточных горах

Он выстроил дом

Крошечный —

Среди скал.

С весны он лежал
В лесу пустом
И даже днем
Не вставал.
И ручейка
Он слышал звон
И песенки
Ветерка.
Ни дрызг и ни ссор
Не ведал он —
И жить бы ему
Века.

(Ли Бо, 2000)

ВЕСЕННИМ ДНЕМ БРОЖУ У РУЧЬЯ ЛОФУТАНЬ

Один, в горах
Я напеваю песню,
Здесь, наконец,
Не встречу я людей.
Все круче склоны, скалы все отвесней.
Бреду в ущелье.
Где течет ручей (...)

Особая музыка, очарованность свободной природой слышится в стихах других стародавних китайских писателей дикой природы.

Вкушаю покой.
Отцветает корица вокруг.
Затишная ночь.
Горы пустынно весной.
Явилась луна,

Всполошила дремных пичуг:

Поют — не смолкают

Над вешней влагой речной.

Ван Вэй

ВЗИРАЯ НА СВЯЩЕННУЮ ВЕРШИНУ

Великая горная цепь —

К острию — острие!

От Ци и до Лу

Зеленеет Тайшань на просторе

Как будто природа

Собрала искусство свое,

Чтоб север и юг

Разделить здесь на сумрак и зори.

Ду Фу

Родившись на склонах,

Плывут облака без труда,

Завидую птицам

И в трепете дивном немею.

Но я на вершину взойду

И увижу тогда

Как горы другие

Малы по сравнению с нею.

Ду Фу (Поэзия, 1987)

НОЧУЮ В ГОРАХ ШИ-И

Сравняться с этими высокими горами
И сами облака плавучие не в силах.
Покрыла дымка все — и густо голубеет.
Слабеет и теряется все больше зренье.
Мгновенье — в тысячах деревьев на рассвете
То светит, то таит луна свое сиянье...
За гранью многих гор, осеннего потока
Далеко воды тихие вперед струятся.

Вэй Юн (Антология, 1922)

В своих стихах стародавние поэты нередко описывали самые красивые во всем Китае уголки дикой природы. Одним из таких являлось ущелье Страх За Спinoй (Цзюйтань), через которое пробивалась река Янцзы.

Горло ущелья Страх За Спinoй,
корень излуки Речки Кривой.
Тысячи ли... осенней порой
скрадены белой мглой.
Венчик Цветка, двойная стена
духов величия напоена
Лotosовый запущенный сад...
правит в нем скорбь одна.
Полог жемчужный, резные столбы,
желтых цапель парад.
Вожжи парчовые, бивни мачт,
белые чайки парят.
Сил нет смотреть: жаль эту даль...
Пляски минувших дней.
Самое сердце Циньской земли...
Вотчина древних царей.

Ду Фу (Китайская, 1984)

Призрачные видения далекой китайской столицы — Венчик Цветка, двойная стена, редкие столбы возникают у Ду Фу на фоне волшебных картин окружающей его дикой природы.

ПОДНИМАЯСЬ В ГОРЫ

Хребет восточный

грозен и велик, —

Пронзает синеву

могучий пик!

На горных кручах —

одинокий скит,

Во мраке все

безмолвие хранит.

Нет, точный глаз,

искусная рука

Не создадут

такие облака!

И запахи и воздух

этих гор

Меня влекут

в заоблачный простор!

Отныне я

даю себе зарок —

Здесь скоротать

отпущенный мне срок.

СЕ Даюнь (Цит. по: БЕЖИН, 1982)

Есть в ханьских владеньях

гряда удивительных гор.

Смотрю на вершины -

возносятся к тучам они.

На склонах тенистых

и летом не тают снега,

В цветущих долинах

прекрасны осенние дни.

БАО ЧЖАО (КИТАЙСКАЯ, 1984)

«Поднимаясь в горы, — писал известный российский китаевед И.С. Лисевич, — поэт поднимался над миром, над мирской суетой. Созерцая открывшиеся взору извивы рек, открывал свое сердце ритмам Вселенной, воды которой «подобны Дао», оставшись наедине с одиноким деревом, сливался с ним мыслью» (Китайская, 1984).

Древнему китайскому поэту никогда бы не пришла в голову мысль покорять дикую природу, он никогда бы не решился метить горную вершину знаком своего «я».

Древние китайские поэты и художники были близки друг другу во всем: своей даосской философией непричинения вреда дикой природе, своим восхищением первозданными горами и реками, и даже материалом, которым пользовались: кисть, шелк, тушь.

Картины дикой природы писали такие выдающиеся писатели дикой природы как Ван Вэй, Ду Фу, Су Ши, Ван АньШи, Ли Циньчжао. «В его стихах — картины, в его живописи — поэзия» — сказал Су Ши о Ван Вэе.

Следует добавить, что многие стародавние китайские художники дикой природы свои пейзажи украшали стихотворными строками из сочинений своих коллег-поэтов, творцов пейзажной лирики «гор-вод».

Приведу отдельные строки:

«Музыка гор и лесов затаенна и беззаботна. Кто это выбрал жилье там среди облаков?»

«...Ветви сосны склонила роса, подернула синевой. Издалека слышится крик дикого журавля. Небожитель-старик не знал никогда каких-либо пут и преград. В келье своей он с легкой душой читает о Дао-пути».

«Горная вершина над весенним лесом: — Ни Юнь... Идея, мысль в ней прозрачна, легка, чувства вне мира вещей...».

(Соколов-Ремизов, 1979)

НАВЕЩАЮ ОТШЕЛЬНИКА

К отшельнику в горы

отправился с посохом я.

Пустынной тропею

к вершинам взбирался один.

В скалистых ущельях

не видно людского жилья.

Лишь пение лютни

доносится с горных вершин (...)

О, как я хотел бы

бежать от мирской суеты,

Навеки забросив

чиновничий жалкий убор!

Цзо Сы

У РУЧЬЯ ШИТАН СЛУШАЮ ОБЕЗЬЯН

Как печально звучат

по ночам голоса обезьян,

А к утру над рекой

собирается белый туман...

Голоса обезьян

то с одной, то с другой стороны,

Надо мною с хребтов

нависают вокруг валуны...

Только песнь обезьян

долетит от восточных камней,

Как другие утесы

ответствуют с запада ей...

Шэнь Юэ (Китайская, 1984)

Стародавние китайские поэты являлись подлинными ценителями красоты дикой природы и были чужды практицизма. Они относились к природе свободно и не заинтересованно, не стремясь извлечь практическую выгоду из общения с ней.

ДАЛЕКИЕ ГОРЫ

Вдали, вблизи ли горы?

Нет меры расстоянья!

Навстречу им иду —

И все — передо мной!

Чуть поверну — и горы

Меняют очертанья.

А я, скиталец сирый,

Пред ними кто такой?

Оуян Сю

ГУЛЯЮ В ГОРАХ ЦЗИНТИН

Грядую утесы

уходят в бескрайнюю даль,

Зубцами скалистыми

тянутся вверх к облакам.

Ты только доверься

безмолвию горных вершин,

И в мире чудесном

и странном окажешься там.

Вверху заслоняют громады их

солнечный свет,

Внизу опоясал уступы

прозрачный ручей.

Густые лианы

опутали сумрачный лес,

Деревья сплелись

от макушек до самых корней.

Журавль одинокий

на ранней заре протрубит,

Крик дикого зверя

раздастся во мраке ночном.

Тяжелые тучи

опутают весь горизонт,

Вечерняя изморось

выпадет мелким дождем.

Не зря по тропинке

я долго кружил и плутал:

Откроется мне

одинокость горных громад.

Уйду вдоль ручья,

что манит и манит без конца,

И в даях бескрайних

забуду дорогу назад.

Хочу полюбить

этот странный неведомый мир,

По красным ступеням

дойти до небесной страны.

Любовью своею

оставил меня государь,

Но горные кручи

мне будут вовеки верны.

Се Тяо (Китайская, 1984)

Горы являлись для стародавних китайских поэтов главными символами дикой природы. Один из них, живший в четвертом столетии, написал о своем восхождении на священный пик:

Цепляясь, подобно карабкающемуся медведю,

Ты остаешься неподвижным на месте,

Пот капает к твоим ногам.

Ты чувствуешь себя потерянным,
Испытываешь головокружение.
Пронизанным болью, вне себя;
И твой дух, потрясенный
Погружается в ужас без причины.

(Цит. по: БОРЕЙКО, 2005-А)

Традиции стародавних китайских писателей, воспевавших дикую природу, развил в своих стихах великий японский поэт Басё:

О, этот путь в глуши!

Сгущается сумрак осенний —

И ни живой души.

Сын самурая Басё (подлинное имя — Мацуо Мунэфуса) жил и творил свои бессмертные хайку в 17 веке. Любил странствовать, любясь дикими горами и водопадами Японии. Он иногда проникал в самую глубь гор, где «никто не подберет с земли упавший плод дикого каштана». Он мог сказать многое в немногих словах. Хайки Басё и его последователей — своего рода смотровая щель в дикую природу Японии. Немного воображения, и перед читателем или слушателем открываются вершины священной Фудзи, дикие горы, все в вишневом цвете, водопады, залитые весенними дождями, стаи диких гусей и уток над сумраком моря, блеск звезд, белые буруны. А вокруг, насколько хватает глаз, первозданная, нетронутая, дикая природа. И ни одного человека рядом...

Парящих жаворонков выше,

Я в небе отдохнуть присел, —

На самом гребне перевала.

* * *

Долгий путь пройден,

За далеким облаком

Сяду отдохнуть.

* * *

Притихли травы,

Некому больше слушать

Шелест ковыля.

БАСЁ (МАЦУО, 2003)

Луна или утренний снег...

Любуясь прекрасным, я жил, как хотел.

Вот так и кончаю год.

* * *

Майские дожди

Водопад похоронили —

Залили водой.

* * *

Тишина кругом.

Проникают в сердце скал

Голоса цикад.

* * *

Прозрачный водопад...

Упала в светлую волну

Сосновая игла.

* * *

Повисло на солнце

Облако...Вкось по нему —

Перелетные птицы.

* * *

Сумрак над морем.

Лишь крики диких уток вдали

Смутно белеют.

А вот стихи его коллег — других стародавних японских писателей дикой природы:

Только их крики слышны...

Белые цапли невидимы

Утром на свежем снегу.

Тиё

Гуси пролетные!

И вы обратились в сумрак

Весеннего вечера.

Бонтё

О, кленовые листья!

Крылья вы обжигаете

Пролетающим птицам.

Сико

Лишь вершину Фудзи

Под собой не погребли

Молодые листья.

Бусон

Идешь по облакам,

И вдруг на горной тропке

Сквозь дождь — вишневый цвет!

Кито

Ах, не топчи траву!

Там светляки сияли

Вчера ночной порой.

Тихо, тихо ползи,

Улитка, по склону Фудзи

Вверх, до самых высот!

Исса (Бабочки..., 1997).

Символом не только Японии, но и японской дикой природы с давних времен для японских поэтов являлась гора Фудзи, которой они посвятили немало стихотворений.

Снег падал с вершины.

Из уст в уста пойдет рассказ

О красоте твоей.

Из уст в уста, из века в век

Высокая вершина Фудзи —

Писал один из поэтов (Воронова, 1975).

ОДА, ВОСПЕВАЮЩАЯ ГОРУ ФУДЗИ

...Лишь только небо и земля

Разверзлись, — в тот же миг,

Как отраженье божества,

Величественна, велика,

В стране Суруга поднялась

Высокая вершина Фудзи!

И вот, когда я поднял взор

К далеким небесам,

Она, сверкая белизной,

Предстала в вышине.

И солнца полуденный луч

Вдруг потерял свой блеск,

И ночью яркий свет луны

Сиять нам перестал.

И только плыли облака
В великой тишине,
И, забывая счет времен,
Снег падал с вышины.
Из уст в уста пойдет рассказ
О красоте твоей,
Из уст в уста, из века в век...
Высокая вершина Фудзи!

ЯМАЭ АКАХИТО (МАНЬЕСЮ, 1987).

Или еще такие строки неизвестного поэта:

Полет диких гусей,
Фудзи сквозь заросли бамбука,
Луна, хурма и кузнечик,
Водопад в провинции Мино.

(ВОРОНОВА, 1963)

Кроме Фудзи японские писатели дикой природы воспевали и другие дикие горные вершины, считавшиеся в народе тоже священными.

ОДА ГОРЕ ФУТАГАМИ

О гора Футагами —
Ларчик с крышкой дорогой,
Окруженная внизу
Быстрой Идзуми-рекой!
В день весны, когда цветут
В полном блеске все цветы,
Или осенью,
Когда блещет кленов алый лист,

Ах, когда я выхожу
И оглядываю даль,
Оттого ль, что боги там,
Величава та гора,
Оттого ль, что хороша,
Все смотрел бы на нее!
У пустынных берегов
Возле мыса,
Что зовут
Сибутани, —
Что вдали
Тянется, как длинный шлейф
Той горы Футагами,
Здесь слывущей божеством, —
У пустынных берегов
В час затишья поутру
Набегает на песок
В пене белая волна,
В час затишья ввечеру
Из морей идет прилив,
Заливая все вокруг.
И как белая волна
Набегает без конца,
Как нахлынувший прилив
Все становится сильней,
Точно так же без конца,
С каждым разом все сильней,
Тот, кто на гору глядел,
Отдается сердцем ей,
Хвалит красоту ее

С давних пор до сей поры.

ОДА, ВОСПЕВАЮЩАЯ ГОРУ ТАТИЯМА

Средь глухих далеких мест,

Дальних,

Как небесный свод,

Громко славится она.

И хотя в стране Коси

В каждой, каждой стороне

Гор полным-полно кругом,

И хотя прозрачных рек много,

Много там течет,

Но одна там есть гора

Удивительной красоты,

То гора —

Татияма

В Ниикава, где живет,

Правит божество небес,

Жаркой летнею порой,

Падая, ложится снег,

И над чистою струей

На реке Катакаи,

Что, как пояс, обвила

Горное подножье там,

Поутру и ввечеру

Каждый раз встает туман

И проходит...

Но пройти

Сможет ли любовь моя?..

Ах, ведь каждый, каждый год

Буду приходить не раз
И хоть издали смотреть,
Взор подняв свой в небеса,
На прекрасную гору.
И чтоб шел о ней рассказ
Много, много тысяч лет,
Людам я о ней скажу,
Что не видели ее,
Так,
Чтоб только звук один,
Лишь название услышав,
Восторгались бы они
Ее дивной красотой!

Отото Якамоти

*Песня, которой принцесса Нукада ответила,
когда император повелел министру двора
Фудзивара Каматари устроить спор о том,
что лучше — прелесть множества цветов
в весенних горах или краски тысячи листьев
среди осенних гор.*

Все засыпает зимою.
А когда весна наступает,
Птицы, что раньше молчали,
Начинают петь свои песни.
Цветы, что невидимы были,
Цвести начинают повсюду.
Но их сорвать невозможно:
Так в горах разросся кустарник.

А сорвешь — нельзя любоваться:

Такие высокие травы.

А вот осенью — все иное:

Взглянешь на купы деревьев,

Алые клены увидишь,

Листья сорвешь, любуясь.

А весной зеленые листья,

Пожалев, оставишь на ветке.

Вот она — осени прелесть!

Мне милей осенние горы!

НУКАДА (МАНЬЕСЮ, 1987)

В конце 19-го начале 20 века (эра Мэйжи) в Японии появилось новое поколение писателей дикой природы. Один из наиболее известных — Киникида Доппо, написавший знаменитое стихотворение «Свобода находится в горах и лесах» (Kinoshita, Ota, 1998).

Тайвань — еще один центр писателей дикой природы на азиатском континенте. Книга Чин Хен-Пи-ао «Спасите тропические леса» в увлекательной форме повествует об охране этой важной части азиатской дикой природы.

Достоинством книги «История орлов» Шен Чен-чунга является реализм. Продолжатель дела Дж. Адамсон и Б. Гржимека, автор проник в дремучий лес в горах, где провел много дней, наблюдая за жизнью орлов и прислушиваясь к их крикам. Описывая жизнь орлов, автор забывает о том, что он — человек. Он становится подобным птицам, роднится с ними. Чувства орла, его любовь к жизни, экстаз паренья в небе, страх смерти от выстрела охотников трогает сердце читателя. Шен передает свой восторг орлами и учит людей уважать и благоговеть перед ними, как это делает он сам (Ming-tu, 1998).

Писатели дикой природы Великобритании, Франции, Германии, Италии, Польши, Австрии, Норвегии, Швеции, Чехии

Европейские поэты и писатели-романтики 18–19 веков одними из первых в западной культуре стали воспевать дикую природу.

Английский философ граф Шефтсбери писал: «И грубые скалы, и покрытые мхом пещеры, и гроты неправильные и никем не вырытые, и водопады на реках, и все эти навевающие страх прелести диких и непристойных мест — все это больше представляет природу, будет зрелищем более захватывающим и явится с величием, оставляющим далеко позади все выкрутасы княжеских садов» (Цит. по: Борейко, 2005).

У французского поэта Делиля герой находит сочувствие в свободной природе: «Он любит пустынные места, дикие леса, темные горные потоки, стволы деревьев, разбитых бурей, скалы, траур которых отвечал бы его горю, он любит страшные места, беспокойные, как он сам» (цит. по: Хорват, 1973).

Настоящий «прорыв» в европейской поэзии в отношении дикой природы осуществил великий и мятежный Байрон. В «Чайльде Гарольде» он пишет:

Я не в себе живу: я лишь частица
Того, что вокруг меня; меня вершины гор
Волнуют, а столица столица —
Мне пытка. Здесь ничто не ранит взор
Среди природы (...)
Где встали горы, там его друзья;
Где океан клубится, там он дома;
Где небо сине, жгучий зной струя,
Там страсть бродить была ему знакома.
Лес, грот, пустыня, хоры волн и грома
Ему сродни, и дружный их язык
Ему ясней, чем речь любого тома
Английского, и он читать привык
В игре луча и вод — Природу, книгу книг.

(Цит. по: Хорват, 1973)

Байрон восхищается различными регионами дикой природы.

Морем:

Сам бог в великом зеркале твоём
В час бури отражен. И ты — спокойный
Иль бешенный, шторм или штиль кругом,
Белея льдом или в солнца зоны знойной

Сгущая синь — все тот же трон достойный
Незримого.

(Цит. по: Хорват, 1973)

Горами:

Но предо мною Альпы встали —
Природы вечные дворцы —
И облака от глаз скрывали
Вершин их снежные венцы (...)
Они как будто тем гордятся,
Что близко к небу подошли; —
И до пределов тех высот
Никто из смертных не дойдет.

В Англии свободная природа, по мнению Байрона,

Не весела и не мрачна,
Хоть дика, но не страшна...

(Цит. по: Бизе, 2000)

В своей «Исповеди» (1816), взятой его поколением за манифест, читаем: «Есть наслаждение от дремучих лесов, есть восторг от одинокого берега, есть общество, где совсем нет вторжения... Я люблю больше не человека, а природу» (Цит. по: Нэш, 2001). Байрон писал именно о дикой природе, и эта его работа явилась высшей точкой достижений европейских романтиков.

Другой английский поэт-романтик — Уильям Вордсворт, описывая в поэме «Прелюдия» свое восхождение в Альпы, один из первых в европейской культуре сказал о дикой природе как «ликке бога», и опять, чуть ли не первым, призвал защищать права дикой природы. В своем «Путеводителе по озерам» он написал о необходимости «сохранять древние права этого и других сходных горных уголков от уничтожения». Известны его знаменитые строки: «Дикая природа богата свободой». (Цит по: Kinoshita, Ota, 1998).

Вордсворту вторил другой английский писатель дикой природы, поэт-романтик П. Шелли: «Я люблю снег и все виды сияющего мороза, люблю волны, ветры и бури, и почти все, что является частью Природы, не загрязненной человеческой нищетой» (Цит. по: Хорват, 1973).

В «Освобожденном Прометее» П. Шелли писал:

Бессмертные сосны-громады
Поют вековые баллады;
Их голос могуч,
Звенят их вершины;
Плещется ключ,
Музыке внемлют долины,
Радость везде,
В восторге истома
Рождаются громы.

(Цит. по: Хорват, 1973)

Следует упомянуть и еще одного интересного английского поэта 19 века — Джерарда Хопкинса. Ему принадлежат следующие проникновенные строки:

Каков был бы мир, однажды лишенный
Сырой земли и дикой природы?
Позвольте ему быть сохраненным.
О, позвольте остаться дикой природе и сырой земле;
Пусть здравствуют сорняки и дикая местность все же.

(THE WILDERNESS..., 1985)

Выдающийся английский культуролог и философ Джон Рескин развил взгляды своих предшественников на дикую природу. По его мнению, прототип и критерии красоты можно найти только в дикой природе, поскольку «только она является ничем не обезображенной и не оскверненной» (Цит. по: Борейко, 2004).

«Чистую любовь к природе всегда вызывает во мне природа дикая, т.е. места совершенно естественные и, преимущественно оживленные реками или морем. Тут чувствуется сила и свободная, ничем не нарушаемая власть природы. Все, приближающееся к ней, стремится к красоте, все, удаляющееся от нее, склоняется к безобразию!»

(Цит. по: Борейко, 2004)

Таким образом, вслед за своими друзьями — поэтами, писателями и художниками-романтиками, Рескин четко сформулировал вывод: самой красивой природой является природа дикая.

Особенно увлекался Рескин такой выдающейся и загадочной частью дикой природы как горы, которые он рассматривал как «великие соборы земли с вратами из скал, подножием из облаков, хорами из

потоков и камня, алтарями из снега и сводами из пурпура, пересеченными немеркнущими звездами» (Bernbaum, 1998).

Дикая природа как проявление святого хорошо описана Джоном Рескиным в его объяснении своего собственного восприятия божественного:

«...Я ощутил святость во всей природе, от самого малого до самого большого: это было инстинктивное благоговение, смешанное с восхищением; невыразимое волнение, которое обычно бывает при ощущении бестелесного духа: я лучше всего это ощущал, когда я был наедине и тогда мог дрожать и от радости и от страха перед ним. Когда я впервые подхожу к берегу горной речки или вижу горизонт, оттененный вечерним закатом или вижу развалины, поросшие мхом, я не могу описать это чувство радости, которое, как мне кажется, приходит благодаря сердечному голоду, удовлетворенному наконец присутствием Великого и Святого духа».

(Цит. по: БОРЕЙКО, 2004)

Чувством благоговения и восхищения дикой природой Литвы наполняется душа каждого, кто читает бессмертные строки поэмы «Пан Тадеуш» выдающегося польского поэта Адама Мицкевича.

Не перебраться нам сквозь гиблые озера,
Во веки вечные за них не бросить взора,
Скрывает облако глухую чашу бора.
Оно всегда стоит над сумрачной трясиной
За мглою, говорят, за дивною лощиной,
Что в заповеднике от глаз людских таится —
Деревьев и зверей заветная столица.
Хранятся в ней ростки и семена растений.
Всей зелени лесной, цветущей в день весенний.
И, словно в Ноевом ковчеге, для приплода
По паре всех зверей там собрала природа(...)
Здесь свято чтит зверье исконные уставы,
Хранит обычаи — залогом доброй славы.
Цивилизации нет в заповедной шири
И собственности нет, поспорившей всех в мире (...)
Ту чашу дикую во всем великолепии
Зовут охотники в своих беседах «Крепью».
Когда бы человек забрел сюда случайно,
Его бы встретило зверье необычайно:

Глядело б на него, застыв от изумленья,
Как в тот субботний день, последний день творенья,
Их праотцы в раю глядели на Адама,
До ссоры роковой — доверчиво и прямо.
Однако человек сюда не глянет даже, —
Тревога, Труд и Смерть стоят на вечной страже!

(Мицкевич, 1965)

Несравненные образы дикой природы Крыма запечатлел Мицкевич в «Крымских сонетах».

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Я выплыл на простор сухого океана;
Возок мой, как ладья, ныряет по волнам
Шумящих буйных трав, минуя там и сям
Уступы островов коралловых бурьяна.

Темнеет... Ни тропы не видно, ни кургана.
Ищу на небе звезд, небесных вех ладьям;
Сверкает облако вдали, светает там?..
То блещет Днестр, зажглась лампада Аккермана.

Как тихо!..Постоим...Я слышу журавлей,
Незримых соколу, и то, как меж стеблей
Порхает мотылек, их тонкий стан колыша,

Как скользкая змея среди травы ползет...
Я в этой тишине, быть может, зов услышу
С Литвы...Но дальше в путь — никто не позовет.

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

ПИЛИГРИМ И МИРЗА

П и л и г р и м

Аллах ли там оплот из ледяных громад
Воздвиг и ангелам престол отлил из тучи?
Иль Дивы этот вал поставили могучий,
Чтоб звездам преграждать дорогу на закат?

Какой там блеск вверху! Пылает ли Царьград,
Иль то Аллах зажег маяк на горной круче,
Чтобы указывать пути в ночи дремучей
Мирам, которые во мгле небес кружат?

М и р з а

Туда взбирался я... Там, пасти рек питаю
И клювы родников, сидит Зима седая;
Там исторгали снег, дыша, мои уста;

Я был, где и орлам дороги незнакомы,
Я тучи миновал, в которых дремлют громы,
И над моей чалмой стояла лишь звезда.
То Чатырдаг наш!

П и л и г р и м

А!

ЧАТЫРДАГ

М и р з а

Великий Чатырдаг! Дрожа, целует прах
Подножья твоего ислама сын смиренный;
Ты — мачта крымская! Ты — минарет вселенной,

Всех поднебесных гор великий падишах!

На страже ты стоишь, красуясь в небесах,
Как Гавриил у врат обители нетленной;
Твой плащ — дремучий лес, из туч тюрбан священный,
Расшитый молниями, внушает смертный страх.

Палит ли солнце нас, иль жжет гуяр селенья,
Иль губит саранча посевы наших нив, —
Ты вечно недвижим, и глух, и молчалив,

Меж небом и землей, как драгоман творенья, —
Под ноги гром, людей и земли подстелив, —
Внимаешь одному: глаголам провиденья. *(Мицкевич, 1965)*

Нельзя не упомянуть и другого выдающегося польского писателя дикой природы, поэта-романтика Юлиуша Словацкого. Всего несколько строк из его поэмы «В Швейцарии», в которой он ярко описывает дикую природу гор:

В горах Швейцарии есть водопад.
Ревущий столб воды голубоват,
И радуга пластается в тумане
Над крутизной и местом бушеванья,
Она горит, под ней водоворот...(...)

Едва ли кто слышал о перевале,
Где духи гор бывало ночевали,
Как лебеди, рассевшись тяжело
И головы запрятав под крыло. (...)
Садится солнце, сумрак в глубине,

Но долго-долго выси гор в огне.
Здесь через пропасти, как привиденья,

Бесшумно переносятся олени.
И парой крыл орлы сквозь бирюзу
Бросают тень на облака внизу.

(Словацкий, 1984)

А вот описание дикой природы, которое дал еще один непревзойденный романтик и лирик Виктор Гюго:

«Я был один вблизи волн в звездную ночь: ни облака в небе, ни паруса в море; и леса, и горы, и вся природа, казалось, вопрошали смутным шепотом волны моря, огни неба. И золотые звезды, бесконечные легионы, то громким, то тихим голосом с тысячью мелодий говорили, склоняя свои огненные венцы, и голубые волны, ненаправляемые и неудержимые говорили, сгибая свой пенистый хребет: «Это Господь Бог, Господь Бог!». *(Цит. по: Бизе, 1891)*

В других своих произведениях Гюго писал:

«Природа — это храм, и Бог в том храме правит;

Все мироздание поет его и славит...»

«О рощи! О леса! Убежище! Покой!»

(Цит. по: Хорват, 1973)

Один безымянный польский автор сказал о знаменитом, чудом уцелевшем уголке европейской дикой природы — Беловежской Пуще:

«Пуща должна остаться на веки-вечные как неприкасаемый лес, как жилища старых идолов, по которому бродит Святой Олень, как пристанище отшельников, как великое дыхание Земли и живая песня вечности! Пуща есть ничья — ни моя, ни твоя, ни наша — только Бога, святая».

(KOLBUSZEWSKI, 1992)

Горы волновали многих европейских писателей дикой природы, среди которых были профессиональные поэты, литераторы, путешественники и альпинисты. Известный английский поэт С. Кольридж написал «Гимн горы Бланк»:

О, наводящая ужас, молчаливая Гора!

Я вглядываюсь в тебя,

Ты заполняешь все мое сознание,

Не покидаешь моих мыслей, ты внутри

меня, молящегося,

Я склоняюсь в глубоком поклоне к тебе,

незамеченный, одинокий.

Снова и снова ты, изумительная Гора.

(Цит. по: Борейко, 2003-а)

В другом своем произведении С. Кольридж сказал:

И он, исполнен чувств и дум, поймет

Отраду созерцанья и постигнет

Священный смысл в обличиях Природы.

(Цит. по: Аникин, 1986)

Восторженное описание дикой природы Альп в сумерках оставил итальянский альпинист Гидо Рем:

«...Пики казались сверкающими в одиночестве в бесцветных сводах и висящими, как бы не касаясь земли; они были похожи на нереальные формы, созданные из ничего, подобно фантомам, которые живут по ночам в ужасающих высотах неба и только время от времени приходят во снах к спящим. Я и не узнал прекрасных форм, которые я видел днем, они неизмеримо увеличились, они изменили свой внешний вид, они более не принадлежали к нему, они были тенями других неизвестных гор, которые необъяснимый феномен отбрасывал на наше небо от какой то отдаленной звезды».

(Цит. по: Борейко, 2003-а)

Другой альпинист (из Германии) Карл Вин, оказавшийся в Гималаях, с благоговением писал: «Так в этот день гора по-прежнему стояла перед нами, и то, что мы достигли ее вершины, казалось божественным благорасположением, которое наполняло нас счастьем и благодарностью, и которое мы видели и испытывали в те часы, когда пробивались на склоны, только углубило наше почтение ко всему Божьему творению» (Цит. по: Борейко, 2003-а).

В начале 1960-х годов в Европе появляется созвездие новых писателей дикой природы, как правило талантливых натуралистов, не лишенных писательского дара. Они много путешествовали по малоизвестным местам Азии, Африки и Океании, создавая там национальные парки и охраняя диких животных. Их кинофильмы и книги являлись для этих благородных дел великолепным подспорьем.

Советский литератор В. Акимушкин сопровождал одну из таких книг, переведенных на русский язык, емким комментарием: «Неоценима здесь роль хороших, содержательных книг, на страницах которых авторы поменьше бы охотились с ружьем, а побольше с фотоаппаратом и записной книжкой. Прошло то время, когда спортивная охота нуждалась в рекламе и поощрении, а охотничья литература помогала любить красоты природы. Теперь это слишком расточительный способ любви» (Акимушкин, 1963).

В 1960-х годах творчество директора зоопарка Франкфурт-на-Майне Бернгарда Гржимека ознаменовало собой рождение новой школы писателей дикой природы — школы практической природоохраны. В своих популярных книгах «Серенгети не должен умереть», «Борьба за животный мир Африки»,

«Они принадлежат всем», «Для диких животных места нет» и других Гржимек рассказал о своей работе по защите дикой природы и диких животных чернокожего континента. Эти книги совместили в себе черты различных школ писателей дикой природы: анималистической, экологической, романтической. Это был уникальный коктейль из путешествий, красочных описаний природы, захватывающих фотографий и, главное, реальных, конкретных действий в защиту дикой природы. Публика с огромным интересом потребляла этот «коктейль»: только на 1968 г. его «Серенгети» уже была переведена на 26 языков, а снятый по этой книге фильм демонстрировался в 63 странах.

Конечно, и до Гржимека некоторые писатели дикой природы рассказывали о своей природоохранной работе, но именно немецкий зоолог нашел ту «золотую середину» гармоничного сочетания слова и дела.

«Вечной останется на Земле только природа, если мы ее бездумно не разрушим. Через 50 лет вряд ли кого-нибудь будут интересовать конференции, репортажи о которых сегодня заполняют страницы всех газет. А вот если даже через 50 лет на утренней заре из кустов величественно выйдет лев и огласит окрестности своим могучим рыком, у любого человека захватит дух и сильнее забьется сердце».

(Гржимек, 1968)

Несколько в иной манере писал другой известный в 20 веке европейский писатель дикой природы — английский зоолог Джералд Даррелл. Он занимался ловлей редких диких животных и их разведением в своем частном зоопарке. Его книги «Земля шорохов», «Путь кенгуренка», «Зоопарк в моем багаже», «Моя семья и другие звери», «Ковчег на острове», изданные в 1970-х годах, стали настоящими бестселлерами анималистической школы дикой природы.

Австрийская литератор Джой Адамсон, переселившаяся в Африку и посвятившая себя защите диких животных (погибла от рук браконьеров) обессмертила свое имя как писательница дикой природы книгами «Рожденная свободной», «Пиппа бросает вызов», «Африка глазами Джой Адамсон». Гонорары за свои книги Джой отдавала Международному союзу охраны природы, а также создала на них свой Фонд Эльсы, откуда финансировала создание национальных парков.

Ее книги отличает страстная любовь, сопереживание, преклонение перед дикими животными Африки, на которое способны лишь единицы: «Я очень люблю сетчатых жирафов и, когда я увидела, что животное лежит на боку с мордой, погруженной в воду, мне показалось, будто умер мой близкий друг» (Адамс, 1976).

Не менее известным являлся шведский писатель дикой природы и ее защитник Ян Линдبلاد. Его перу принадлежат: «Путешествие к красным ибисам», «В совином царстве», «Мой зеленый рай», «Гвиана — континент птиц», «Гвиана — тропическая глухомань», «Мир книги джунглей», «Тигры — наша самая захватывающая сказка», «Мои тропические миры». В своих книгах Линдبلاد не раз обрушивался на богатых охотников, убивающих уникальных животных — тигров, львов ради развлечения:

«Послать в живого зверя несколько пуль и смотреть, как он после более или менее меткого выстрела, взревев от боли, катается по земле в собственной крови, почиталось царской привилегией, конечным выражением которой являлась косматая шкура на стене или под чайным столиком. Удивительно, сколь живуче варварство в аристократических кругах!».

(Линдبلاد, 1983)

Защите экзотических диких животных посвятили свои книги шотландец Айвет Сандерсон (переехавший затем в США): «Сокровища животного мира», «Карибские сокровища», «В мире неизведанного», а также чех Йозеф Вагнер — «Африка: рай для животных», «Царь зверей не лев».

Норвежский писатель дикой природы Алберт Увесен вступился за бобров, написав книгу «В бобровом лесу»: «Когда какой-то вид животного исчезает полностью, земля теряет навсегда часть той живой сказки, какую мы получили в наследство» (Увесен, 1983).

Список европейских писателей дикой природы продолжает француз Жак Ив Кусто («Очерки об обитателях подводного мира», «Лососи, бобры, каланы», «В мире безмолвия»), немало сделавший для популяризации дикой природы океана и защиты ее от радиоактивных отходов.

Выдающийся французский эколог и писатель дикой природы Жан Дорст в своем классическом труде «До того как умрет природа» сказал:

«У человека вполне достаточно объективных причин, чтобы стремиться к сохранению дикой природы. Но в конечном счете природу может спасти только любовь. Природа будет ограждена от опасности только в том случае, если человек хоть немного полюбит ее просто потому, что она прекрасна, и потому, что он не может жить без красоты...».

(Дорст, 1968)

Писатели дикой природы Украины

Первым украинским писателем дикой природы по праву может считаться выдающаяся поэтесса Леся Украинка. В своей драме-феерии «Лесная песня» она рассказала о дивных дремучих лесах Волыни, которые с детства хорошо знала и любила.

Поэма начинается описанием украинской дикой природы: «Старый, густой девственный лес на Волыни. Среди леса просторная поляна с плакучей березой и огромным столетним дубом(...) Вся местность дикая, таинственная, но не мрачная — она полна нежной, задумчивой красоты Полесья» (Украинка, 1953).

Поэма пронизана идеей бережного отношения к древним лесам. Когда один из главных героев поэмы — Лукаш — хочет срубить молодое дерево, его возлюбленная Мавка останавливает парня: «Не тронь его, любимый! Оно живое!» (Украинка, 1953).

Справедливости ради в этом обзоре следует еще раз упомянуть Николая Васильевича Гоголя и его великолепные описания диких украинских степей (никто лучше украинские степи описать не смог), данное им в «Тарасе Бульбе» (см. главу «Писатели дикой природы России»).

Приват-доцент Харьковского университета Валерий Иванович Талиев являлся одним из выдающихся пионеров охраны природы Российской империи. В начале 1917 года, сразу после февральской революции, Харьковское общество любителей природы издало плакат, на котором было помещено обращение В.И. Талиева к правительству и всему народу с просьбой взять под защиту оставшиеся в Украине участки дикой природы: «...там и сям случайно сохранились по большей части небольшие участки хороших старых лесов и целинных непаханных степей, которые теперь представляют громадную ценность для науки (...). Эти «памятники» нужны не только непосредственно для науки: они должны быть дороги для всего народа, для каждого, как воспоминание того отдаленного прошлого, при котором жили наши деды и прадеды и слагались история и культура каждой страны. Они должны служить естественным живым музеем под открытым небом для воспитания подрастающих поколений и умственного отдыха трудящихся масс» (Цит.по: Борейко, 2002).

В 1930-х годах несколько громких голосов в защиту дикой природы Карпат раздалось в Западной Украине. В июне 1935 г. в популярном галицком еженедельнике «Недиля» лесной инженер Богдан Лу-

чаковский поместил интересную обзорную статью «Заповедники и памятники природы на землях, где живет украинский народ».

«Памятники природы не безделица, а живые музеи пейзажа, флоры и фауны. Они имеют свое великое моральное значение, как убежище, где человеческий дух очищается от бесполезных земных забот, оживает, бодрится и становится благороднее, как будто приближается человек к своему творцу».

(Цит. по: Борејко, 2002)

Другой западно-украинский лесной инженер и деятель заповедного дела Андрей Пясецкий (растрелянный фашистами в 1942 г. за то, что пытался помешать им вырубить участок девственных карпатских лесов Ростоцье), в 1937г. выступил в альманахе «Наша Батькивщина» со статьей «Украинские карпатские заповедники». В ней он красочно описал дикую природу украинских Карпат:

«Гнездо Горганских вершин — Грофа, Паренки, Канусяки, Попадья, Мшана и Лелинское яйцо — это самая длинная и девственная полоса наших Карпат. Притаилась там в своей пышной красе, непогубленная наступлением цивилизации, первобытная горная природа, какой равной нет не только на просторах Карпат, но, наверное, и во всей Европе (...) Пихтовые и кедровые пралисы, не тронутые топором, роскошные полонины с северным гостем — яловцем, ... быстрые горные ручьи, богатство дикого зверя: медведей, оленей, рыси, волков, коз и несравненные ландшафты делают этот парк настоящей жемчужиной нашей земли, сохранение которой является почетным заданием украинского естествознания».

(Пясецкий, 1937)

Думаю, что мы не погрешим против истины, если включим в список украинских писателей дикой природы Галицкого митрополита Андрея Шептицкого. В 1934 г. он добился создания на землях Греко-католической церкви Кедрового заповедника на горе Яйцо, подписав по этому поводу специальную грамоту.

«Имея ввиду большое значение, которое имеет для науки и культуры Украинского народа творение из ценных участков нашей земли отдельных заповедников, которые навсегда существовали бы для грядущих поколений, из которых бы молодежь черпала бы любовь к родной земле и училась бы познавать ее красоту, и которые были бы великим неиссякаемым источником для научных естествоиспытательских опытов и исследований и создавали бы общую национальную ценность, чтобы дать основы будущему украинскому национальному парку в Карпатах... Мы создали... Кедровый заповедник...».

(Цит. по: Борејко, 2002)

Выдающийся украинский поэт 20-го века Максим Рыльский, немало сделавший и для природоохраны, был большим поклонником дикой природы.

В лесной глуши, где только след звериный,

Где строй стволов недвижим и жесток,

Вдруг неба виден проблеск нежно-синий,
Как милый взор. Вокруг — ветвей поток,

Гуденье сосен, будто вой эриний,
Ворчанье злобной рыси, молоток
Седого дятла. В этой мгле пустынной
Так славно встретить тихий уголок...

(РЫЛЬСКИЙ, 1988)

Одно из других стихотворений поэт посвятил небольшому киевскому заповеднику Конча-Заспа, назвав его «мудрым царством Шарлеманя» (Н.В. Шарлемань — пионер охраны природы Украины).

Максиму Рыльскому принадлежат и такие мудрые строки:

Люби природу не как символ,
С тобою схожий, —
Не для себя люби природу,
А для нее же.

(РЫЛЬСКИЙ, 1988)

Анатолий Петрович Генев около 30 лет руководил Украинским степным заповедником. В 2000 г. был издан небольшой сборник его прекрасных стихов, несколько из которых посвящены украинским и российским степным заповедникам, их необыкновенной дикой природе:

ХОМУТОВСКАЯ СТЕПЬ

На приазовском голубом просторе
В излучине Еланчика-реки,
Здесь плещется катрана море,
Кольшутся ковыль и типчаки.

Они нам память о тех мифах,
Когда простор родной земли
Сарматы, половцы и скифы

Сжечь, уничтожить не смогли.
Простор степной! Далек, безбрежен
Господь придумать еще мог,
Ведь столько света, столько песен
Впитал сей дивный уголок.

ЗАПОВЕДНИК «ГАЛИЧЬЯ ГОРА» (отрывок)

Сколько я мечтал увидеть
Этот рай, что создал Бог!
Где сплелися воедино
Флоры разных стран, эпох...
Я на Галичьею вершине
Восторгаюсь до слез...
А за далью — даль, долины,
Ленты сосен и берез.
Не окинуть степи взором,
Красотою я пленен!

В ДУБРАВЕ «ЛЕС НА ВОРСКЛЕ»

Как в храм мы входим в лес осенний,
В долине гладь реки блестит,
И солнца теплый луч последний
Нас всех ласкает, вдаль манит.
Грибами пахнет от земли
И наши трудности земные
Куда-то сразу отошли.
В порыве сладостной мечты
Я к лесу чувств своих не скрою.
Вот так бы мерить здесь версты
И восторгаться красотою!

(Генов, 2000)

Писатели дикой природы Киргизии, Беларуси и Казахстана

Современный киргизский ученый — биолог и географ, деятель заповедного дела Эмиль Джапарович Шукуров известен как талантливый художник-карикатурист и автор небольших эссе дикой природе. В одной из них, названной «Смысл Дикой Жизни», он пишет: «Одичание современного человека прямо пропорционально сокращению дикой природы. И только отдельные люди оберегают хранилища Священных Текстов Природы. Эти хранилища — Заповедные Территории (...) Заповедные Территории — Хранители Смысла Жизни. Заповедные Территории — Стражи жизни. Каждая Заповедная Территория — центр мироздания (...) Заповедники — Божественная Заповедь. Священная Заповедь Природы». (Шукуров, 2000).

Другое эссе Шукуров посвятил защите волков как части дикой природы: «Волк — достойное творение матери-природы. Он могуч, умен, силен и опасен. Не заигрывать с ним, не ненавидеть — его надо принимать таким, каков он есть... Волк должен остаться частью дикой природы. Но именно дикой» (Шукуров, 2004).

По мнению автора:

«Жизнь творится и прирастает дикой природой... Не человек, а дикая природа каждое мгновение создает жизнь на узкой грани небытия...

Мы, считающие себя порядочными людьми, с негодованием отвергнем любое благо, если оно будет отобрано у других. Мы признаем, что делить награбленное аморально, если даже ты сам не грабил и не убивал. Но мы с легкостью необыкновенной захватываем все новые и новые земли дикой природы, обрекая на смерть миллионы существ и тысячи видов, уничтожая сотворенные ими уголья, лишая их возможности жить.

Отвратительное лицо расизма проглядывает через присвоение человеком права убивать существа других видов. С биосферной точки зрения человек такой же вид, как и прочие. Он такое же Божье создание, как и остальные, наделенные способностью расти, размножаться, страдать и умирать. И не человеку решать, кого помиловать, а кого отправить на тот свет.

Человека не может оправдать то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев он даже не представляет, на какую муку и смерть он обрекает множество ни в чем неповинных существ. Благополучие, достигнутое преступными средствами, аморально, независимо от того, знает ли об этом хоть кто-нибудь или нет. И речь идет не только и не столько о законах, писанных людьми для людей, а о законах Жизни, Чести и Совести.

Победы человека над живой природой аморальны, нечестны и по своей идеологии, и по своим методам и средствам, и по своим последствиям для множества видов, включая самого человека. Человек преодолел видовую ограниченность. Это не превосходство и повод для чванства, но огромная

ответственность, не оставляющая места для оправдания пренебрежению интересами других видов. Если ты в состоянии осознать нужду другого существа, то помоги или не мешай. И не смей притеснять безответного!»

(ШУКУРОВ, 2003)

Из белорусских писателей дикой природы можно отметить Якуба Колоса. В созданной им поэме «Суд в лесу» он восклицает: «Люблю я лес, вековечный бор...» (Цит. по: Прошу..., 1996).

Первым и непревзойденным писателем дикой природы Казахстана был известный казахский ученый, писатель и природоохранник Максим Дмитриевич Зверев. Расцвет его творчества пришелся на 1950-е — 1970-е годы. Им выпущено 145 книг общим тиражом несколько десятков миллионов экземпляров, многие из которых переизданы в 12 странах.

Дикие животные и дикая природа — главная забота и главная тема писателя. А любимые им заповедники он назвал «сокровищницами прошлых веков».

«Бешено ревет горная речка Аксу по камням, покрывая их белой пеной. С боков теснятся высокие отвесные скалы. Река мчится в глубоком каменном коридоре-каньоне по северным склонам Таласского Ала-Тау. До полкилометра поднимаются вверх его отвесные каменные стены (...) Синие птицы, выходцы из Индии и Южного Китая, звонкими, как флейты, голосами перекрывают шум реки. Райские мухоловки, гималайские синицы, дикобразы и другие южане создают неизгладимое впечатление...», — ярко описывает он дикую природу заповедника Аксу-Джабаглы.

(Зверев, 1951)

Писатели дикой природы России

Первым русским писателем дикой природы по праву нужно считать академика Петербургской Академии наук и поэта Михаила Ломоносова.

В своей «Оде на день восшествия на Всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны, 1747 года» он оставил сильные образы дикой природы:

Коль многи смертным неизвестны

Творит натура чудеса,

Где густостью животным тесны

Стоят глубокие леса,

Где в роскоши прохладных теней

На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял:
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

(Цит. по: Морохин, 2001)

Известный российский историк, Почетный член Петербургской Академии наук Николай Карамзин первым в российской культурной традиции стал воспевать дикость и священность первобытной природы: «Нет, нет! Я никогда не буду украшать Природы (...) Дикость для меня священна; она возвеличивает дух мой. Рощи мои будут целы, пусть зарастают они высокою травую!» (Цит. по: Борейко, 2003).

В 1789 году, посещая дикие швейцарские Альпы и любуясь знаменитыми рейнскими водопадами Штаубахх, Триммербах и Рейхенбах, Карамзин ощутил божественность дикой природы: он вдруг почти ослеп, встал на колени и принялся молиться. Позже он написал в «Письмах русского путешественника»: «Тщетно воображение мое ищет сравнения, подобие, образа!.. Рейн и Рейхенбах, великолепные явления, величественные чудеса природы! В молчании удивляться будет вам всякий, имеющий чувство: но кто может изобразить вас кистью и словами? — Я почти совсем лишился чувств, будучи оглушен гремящим громом падения и упал на землю» (Цит. по: Борейко, 2003).

Как и Карамзин, Александр Пушкин, побывав в горах, тоже почувствовал божественность дикой природы. Свои чувства он описал в одном из лучших стихотворений: «Монастырь на Казбеке»:

Высоко над семьею гор
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами,
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами,
Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной тишине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

(Цит. по: Борейко, 2003)

Впечатляюще изображена дикая природа гор в его поэме «Кавказский пленник»:

Влачатся меж угрюмых скал
В час ранней, утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
Эльбрус огромный, величавый
Белел на небе голубом.

Михаил Лермонтов истинное вдохновение нашел в мире дикой природы гор:

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

Или вот шедевр из поэмы «Демон»:

Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял.

(Цит. по: ХОРВАТ, 1973)

Известный путешественник Н.М. Пржевальский оставил свое восхищение дикостью уссурийской тайги:

«...Кругом не видно ни малейшего следа руки человека, все дико, пустынно, нетронуто. Только звери, которые то там, до здесь мелькают по сторонам, напоминают путнику, что и эти леса полны жизни, но жизни дикой, своеобразной».

(ПРЖЕВАЛЬСКИЙ, 1890)

Отправленный в ссылку в Сибирь поэт и декабрист А.А. Бестужев-Марлинский оставил несколько красочных описаний дикой природы в стиле романтизма:

Финляндия

Там рыщет волк, от глаза свирепея,
На черепе там коршун точит клев,
Печальный мох мерцает следом змея,
Трепещет ель пролетом облаков;
Туманы там — утесов неизменной
И дышит век прохладой осенней.

Не смущены долины жизни шумом;
Истлением седеет дальний бор;
Уснула тень в величии угрюмом
На зеркале незыблемых озер;
И с крутизны в пустынные заливы,
Как радуги, бегут ключи игривы.
Там силой вод пробитые громады
Задвинули порогом пенный ад,
И в бездну их крутятся водопады,
Гремучие, как воющий набат;
Им вторит гул, жилец пещеры дальней,
Как тяжкий млат по адской наковальне.

ШЕБУТУЙ

(ВОДОПАД СТАНОВОГО ХРЕБТА)

Стенай, шуми, поток пустынный,
Неизмеримый Шебутуй,
Сверкай от высоты стремнинной
И кудри пенные волнуй!

Туманы, тучи и метели
На лоне тающих громад,
В гранитной зыбля колыбели,
Тебя перунами поят.

Но, пробужденный, ты затворы
Льдяных пелен преодолев,
Играя, скачешь с гор на горы,
Как на ловитве юный лев.

Как летопад из весной урны,
Как неба звездомлечный путь,
Ты низвергаешь волны бурны
На халцедоновую грудь;

И над тобой краса природы,
Блестя, как райской птицы хвост,
Склоняет радужные своды
Полувоздушных перлов мост.

Орел на громовой дороге
Купает в радуге крыле
И серна, преклоняя роги,
Глядится в зеркальной скале.

(БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ, 1961)

Удивительному явлению дикой природы — водопаду посвятили свои творения также Гаврила Державин и Евгений Баратынский:

ВОДОПАД (*отрывок*)

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит, и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает споро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Г. ДЕРЖАВИН

ВОДОПАД

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрипучей,
И с непогодю ревучей
Твой рев мятежный согласен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный, стою
Над дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

Е. БАРАТЫНСКИЙ (Очей..., 1976)

Красочно описал заволжские дремучие леса в своих произведениях «В лесах» и «На горах» русский писатель дикой природы Павел Мельников (Андрей Печерский).

В них чувствуется не только благоговение перед первозданной природой, но и желание защитить, спасти эти боры, рощи и дубравы.

«Летней порой в дикую глушь редко кто заглядывал.
Не то, что дорог, даже мало-мальских торных тропинок там вовсе почти нет; зато много мест непроходимых...Гниющего валежника пропасть, да, кроме того, то и дело попадаются обширные глубокие болота, а местами трясины с окнами, вадьями и чарусами...»
(МЕЛЬНИКОВ, 1987)

«Последний бедный остаток дремучих дубовых лесов, когда-то сплошь покрывавших нагорный берег Оки. От Ровнеди как бы отщепилась скала и нависла над рекою.
Она тоже поросла дубом... То место Островом зовется. Красив, величав вид на эти места с водной равнины Оки. Шуми, шуми, зеленая дубрава, зеленейте дубы, предками холеные, возвращенные! Пока жив я, не коснется топор древних стволов ваших! Шуми лес, зеленей, родная дубрава!»

(МЕЛЬНИКОВ, 1978)

Сергей Аксаков одним из первых среди русских писателей дикой природы обеспокоился исчезновением свободной природы. Он писал в «Семейной хронике»:

«Боже мой, как я думаю, была хороша тогда эта дикая, девственная природа!.. Нет, ты уже не та теперь, не та, какую даже и я знал тебя — свежую, цветущую, неизмятую отовсюду набежавшим

разнородным народонаселением! Ты не та, но все еще прекрасна, также обширна, плодоносна и бесконечно разнообразна, Оренбургская губерния!..

Чудесный край, благословенный,
Хранилище земных богатств,
Не вечно будешь ты, забвенный,
Служить для пастырей и паств!
И люди набегут толпами,
Твое приволье полюбя,
И не узнаешь ты себя
Под их нечистыми руками!
Помнут луга, порубят лес,
Взмутят в воде лазурь небес!
И горы соляных кристаллов
По тузлукам твоим найдут,
И руды дорогих металлов
Из недр глубоких извлекут!
И дух земли неистощенный
Всосут чужие семена,
Чужие снимут племена
Их плод, сторицей возвращенный!
И в глубь лесов и в даль степей
Разгонят дорогих зверей!

Так писал о тебе, лет тридцать тому назад, один из твоих уроженцев, и все это отчасти уже исполнилось или исполняется с тобою, но все еще прекрасен ты, чудесный край!»

(Аксаков, 1966)

Константин Батюшков один из первых в русской поэзии почувствовал наслаждение в «дикости лесов».

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,

И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже»

(Очей..., 1976)

В 1860 г. популярный российский журнал «Отечественные записки» опубликовал повесть «Как люди любят природу» малоизвестного прозаика И. Весеньева. В ней автор рассказал, как несколько русских туристов отдыхают в Альпах, любуясь красотами тамошней дикой природы. Один из героев возмущается, что человек лишает дикую природу ее красоты, гармонии, тем самым губя «свое неоценимое благо — наслаждаться свободной природой». Затем он говорит о том, что когда люди поумнеют, они поедут в Россию наслаждаться ее целинными степями:

«Что за краса! — сказал Повел Дмитриевич, положив голову на руку, покачивая ею с благоговением, — Умрешь и едва ли это лучше увидишь на том свете. Хочется глазом окинуть, — нет! — не окинешь: простор, необъятное море. Потеряется человек, как незаметная мошка. А уж как пойдет ветер гулять по ковылю, и тут припасть ухом к земле, да послушать, да посмотреть!.. Одна-одна малая тень на траве колышется, летит высоко степная птица — только и есть во всем небе, что ее крылья да солнце. Дыханье от радости захватит, растеряешься. Попробуй кто-нибудь положить на музыку все, что услышишь — не совладает, а нарисовать — помешаешься. Кто сделает эту даль и как уместит ее на полотне? (...) Тем и хороша степь, что передать ее никаким искусством не под силу человеку, так создал ее Бог, что и придумать ей подобие не допускает; иди только весь мир и наслаждайся». *(ВЕСЕНЬЕВ, 1860)*

Девственную степь воспел в своем замечательном стихотворении «1831 года, июня 11» Михаил Лермонтов:

(...) Как нравились всегда пустыни мне!

Люблю я ветер меж ночных холмов,

И коршуна в небесной вышине,

И на равнине тени облаков.

Ярма не знает резвый здесь табун

И кровожадный тешится летун

Под синевой, и облако степей

Свободней как-то мчится и светлей.

И мысль о вечности, как великан,

Ум человека поражает вдруг,

Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами: каждый звук

Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости — для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе(...)

(Цит. по: ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ..., 1999)

Немногим позже на дикую природу русской целинной степи обратил свое внимание Антон Чехов:

«Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик-курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землею ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и все то, что сам сумел увидеть и постичь душою. И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в голубом небе, в лунном свете, в полете ночной птицы, во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетая и никому не нужная, и сквозь радостный гул слышится ее тоскливый, безнадежный призыв: Певца! Певца!»

(ЧЕХОВ, 1985)

И певец такой родился. Его имя — Гоголь. Я не знаю, кто лучше смог бы описать целинную степь.

«Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытапывали их. Ничто в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть в каком дальнем озере. Из травы поднималась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Черт вас возьми, степи, как вы хороши!.. (...)»

Вечером вся степь совершенно переменялась. Все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебежала по нем, и она становилась темно-зеленою; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и дотрагивался до щек. Вся музыка, звучавшая днем, утихала и сменя-

лась другою. Пестрые суслики выползали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. (...) На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали свои ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, стрекотанье, — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянную блестящими искрами светящихся червей.

Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевшая на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные пятна летели по темному небу».

(Гоголь, 1984)

Красочные, запоминающиеся, художественные описания целинной степи, гор, других уголков дикой природы, сделанные лучшими поэтами и прозаиками России, основанные на эстетической и религиозной ценностях, воспитывали вкус у читающей публики, пробуждали интерес к тому, что раньше не понималось и не ценилось.

В конце 19-го — начале 20-го века в России рождается новое общественное движение, ставившее своей целью защиту памятников свободной природы. Его главными идеологами являлись ученые-естественники: профессор В.В. Докучаев, академик, ботаник И.П. Бородин, профессор-зоолог Московского университета Г.А. Кожевников, ботаник, приват-доцент Харьковского университета В.И. Талиев, зоолог, петербургский профессор А.П. Семенов-Тянь-Шанский и петербургский инженер В.Е. Тимонов.

Обладая определенным литературным даром, в первые 2–3 десятилетия 20 века они опубликовали немало статей в газетах, журналах и популярных брошюр, посвященных охране дикой, или как тогда говорили, свободной природы. Ими были разработаны и сформулированы принципы этико-эстетического подхода в заповедном деле и охране дикой природы.

1. «Красота природы имеет собственную высокую ценность: она должна быть охраняема независимо от узкопрактических задач!» (В.И. Талиев).

2. Дикая природа имеет право на существование (Г.А. Кожевников).

3. «Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование здесь (в заповедниках — В.Б.) недопустимы... Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе» (Г.А. Кожевников).

4. «Охранять первобытную дикую природу ради нее самой, смотря на прикладные вопросы как на стоящие на втором плане — вот основная идея охраны природы» (Г.А. Кожевников).

5. «Раскинувшись на огромном пространстве в двух частях света, мы являемся обладателями в своем роде единственных сокровищ природы. Это такие же уникалы, как картины, например, Рафаэля — уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности. Охрана их — это наш нравственный долг перед родиной, человечеством и наукою» (И.П. Бородин).

6. Все живое имеет священное право на жизнь (А.П. Семенов-Тянь-Шанский).

7. «Ради сохранения... «резервов свободной природы» (...) надо систематически воспитывать в населении чувство сострадательной любви ко всему живущему, ко всему имеющему право существования наряду с человеком» (А.П. Семенов-Тянь-Шанский).

8. «Всякое «хозяйство» по существу своему в корне противоречит идее охраны природы. Человеческое хозяйство есть уродование (дикой — В.Б.) природы. Только невмешательство в жизнь природы делает природу научно интересной» (Г.А. Кожевников).

9. «Свобода необходима для природы так же, как она необходима для людей» (А.П. Семенов-Тян-Шанский).

10. «Для непрерывного роста национальной культуры каждый народ должен оберегать ее корни в первоначальной природе. Ни музеи, ни книги не могут заменить национального музея свободной природы» (В.Е. Тимонов). *(Цит. по: ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ..., 1999)*

11. Заповедником... называется определенная площадь, объявленная неприкосновенной навсегда... (Д.К. Соловьев). *(СОЛОВЬЕВ, 1992)*

12. «... Государству следовало бы заповедать... на юге России большой или меньший участок девственной степи и предоставить его в исключительное пользование первобытных степных обитателей, каковы вышеупомянутые, ныне вымирающие организмы» (В.В. Докучаев). *(Цит. по: БОРЕЙКО, 2002)*

Все тот же академик И.П. Бородин писал в 1914 г.: «Наиболее неотложным представляется мне образование степных заповедных участков. Степные вопросы, это наши, чисто русские вопросы, между тем именно степь, девственную степь, мы рискуем потерять скорее всего» (Этико-эстетический...1999).

Профессор из Петербурга Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский, пионер охраны природы, сын известного русского путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского, опубликовал в 1919 г. в популярном научном журнале «Природа» очень важную статью «Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения», которая и спустя почти век читается как злободневный манифест в защиту дикой природы.

«Ведь есть еще одна сторона в деле охраны очагов свободной природы... Это — сторона вопроса чисто этическая. Не говоря о том, что нетронутая человеком природа дает ему ничем не заменимые эстетические наслаждения, возвышая его душу, — на нас лежит и большой нравственный долг перед природой, сыновний долг перед матерью.(...) Мы не можем не сознавать, что на земной поверхности имеет высшее право свободного существования все на ней от века живущее» (Семенов-Тян-Шанский, 1919).

Известны также и его стихи в защиту дикой природы.

Где ты дремучий таинственный лес,
Полный приволья и древних чудес?
Где ты? Давно ли под сводом твоим
Мир первобытный был свято храним:
Жили здесь выдра, куница, медведь,
Рысь, росомаха, летяга ... и впредь
Долго бы жили, не будь деревень,
Жадно твою расторгающих сень...
В грубом засилье от века во век,
Ты безудержен, слепой человек!
Или ты мнишь, что Природой дано

Право на жизнь лишь тебе, и оно
Отнято может быть даже у тех,
Кто тебя в люди дал выйти на грех?

(ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ..., 1999)

В 1890-х годах в детских журналах «Царь-Колокол» и «Детский отдых» появились путевые заметки известного художника дикой природы Аполлинария Михайловича Васнецова «Из поездки на Урал» и «Поездка к Эльбрусу», в которых он чуть ли не первым из русских художников-пейзажистов с восторгом описал дику природы двух горных районов — Урала и Кавказа.

«Прежде всего поражает вас... зловещая тишина и отсутствие цветов и зелени, это мертвый лес, будто какой-то сказочный, заколдованный. Он весь седой: земля седая от росы, мха и лишая; серебристые стволы пихт кажутся еще седей от мха, длинными космами повисшего до самой земли. (...) И так, падая один на другой, стволы свалившихся деревьев образуют непроходимые чащи и завалы».

«Кавказ произвел на меня своим величием неотразимое впечатление. Снежные вершины и ледники, то теряющиеся в движущихся громадах облаков, то ослепительно блестящие на синеве неба, ущелья, пропасти, скалы, освещенные кровавым заревом заката, степные предгорья, как гигантские застывшие волны, заросшие азиями». *(Цит. по: БЕСПАЛОВА, 1983)*

Другой известный российский художник Александр Александрович Борисов оставил яркие описания дикой природы Севера:

«Этот грандиозный ледник действует своими громадами подавляющим образом. Чувствуешь себя каким-то жалким и ничтожным. Но стоит выглянуть солнцу — редкому, правда, гостю в этом пустынном краю, — и мрачная картина ледника мгновенно меняется. Эти исполинские глыбы — льды переливают всеми цветами радуги, кажутся фантастическим дворцом северного царства».

И дальше:

«Ох уж эти полярные туманы! Они наполняют душу путника какой-то тоской, каким-то отчаянием (...) Как будто бы смерть спустилась на эту забытую богом область и внезапно осенила ее своим страшным покрывалом».

(Цит. по: БОРЕЙКО, 2005-А)

В конце 19 — начале 20 века все больше талантливых русских людей: писатели, поэты, путешественники, священники, художники, ученые-естественники проникались любовью и уважением к дикой природе. В их глазах она выглядела сказочно красивой, величественной, поражала своей священностью.

Святой Иоанн Кронштадтский:

«Приходилось идти горами, лесами: суровые сосны высоко поднимают стройные вершины. Жутко. Бог чувствуется в природе. Сосны кажутся длинной колоннадой огромного храма. Небо чуть си-

неет, как огромный купол, теряется сознание действительности. Хочется молиться. И чужды все земные впечатления — и так светло в глубине души...».

(Цит. по: Борейко, 2003)

Ученик И.Шишкина, известный алтайский художник Г. Чорос-Гуркин:

«О, мой Алтай! Когда я вхожу на твои высокие хребты, как плети растянувшиеся по голубому небу, и оттуда, с высоты гляну на твои ущелья, ты встаешь передо мной — мощный, нетронутый, первобытный!

Чудная картина!

Я как бы вижу первый день мироздания! Когда после векового мрака ты, Хан-Алтай, впервые был освещен восходящим солнцем, как загорелись тогда твои причудливые скалы и как заблестали тогда твои изумительные ледники! Как зацвело и затрепетало все вокруг, сливаясь в одну сплошную музыку, в один нескончаемый чудный аккорд.

И ты, дивный Хан-Алтай, тогда прославил своего творца. Природа ликовала, и я думаю, творец твой Ульгень сам тогда любовался твоей красотой. Божья песнь, как волосная струна, прозвучала тогда и наполнила тебя музыкой природы: грохотом водопадов и шумом бурных рек. И полилась та музыка через горы и стремнины, через цветущие и благовонные долины. Взбивая пену о громадные камни, неслась бурливая красавица Катунь. Шумели водопады, окрашиваясь радугой и серебряными нитями оббивая уступы скал твоих, Хан-Алтай! Все звери и птицы находили тогда приют в горах твоих; стада благородных оленей взбегали с долины на утесы и там вместе с бурой медведицей паслись на свободе. Везде царили мир и свобода». *(Чорос-Гуркин, 1907)*

Поэт из Барнаула И. Тачалов оставил в 1911 г. образное описание дикой природы Сибири:

«Там природа удивляет своей опрятностью. Тут все чисто и непорочно. Перед таким пейзажем останавливаешься с благоговением, точно перед иконой, и наслаждаешься равновесием, которое устанавливается в душе». *(Смирнова, 2004)*

Поэт Николай Клюев:

Лесные сумерки — монах

За узорочным часословом,

Горят заставки на листах

Сурьюмою в золоте багровом.

И богомольно старцы пни

Внимают звукам часословным...

Заря, задув свои огни,

Тускнеет венчиком иконным (...)

Забвенье светлое тебе
В многопредельном хвойном храме,
По мощной жизни, по борьбе,
Лесными ставшая мощами!

(Цит. по: БОРЕЙКО, 2003)

Поэт Михаил Тарковский:

...Горят верхушки лиственниц крестами
И благовестит звонкими клестами
Тайги великолепной монастырь.

(Цит. по: БОРЕЙКО, 2003)

Путешественник, сибирский ботаник В.В. Сапожников:

«Взглянешь вверх и кажется, что сноп воды падает прямо на тебя и вот-вот раздробит голову, но потом он, плавно загибаясь, рассыпается в воздухе на крупные капли и бьет у ваших ног в два громадных отшлифованных камня. Раздробленная вода отражается вверх и на момент как бы замирает в воздухе, отливаясь в фантастические фигуры с прозрачными тающими крыльями и размотавшимися волосами. Замрут они на мгновение и быстрым порывом воздуха уносятся и тают на глазах; за ними новые, еще и еще, и нет конца этой сказочной мчащейся процессии мятущихся белых призраков под звуки оглушительной симфонии, где грохот, плеск и журчание сливаются в неведомую, подавляющую музыку. Внимание приковано до самозабвения, и нет сил встать и уйти от очаровывающего наваждения, стремительного бега и мгновений смерти, мгновенных созданий. Сколько могучей красоты в грохоте водопада, в блеске серебристого белка, в голубых струях горного потока, в яркой раскраске обитателей высоких скал, что как-то обидно сознавать, что все это пропадает для большинства людей, вольно или невольно прикованных к душным городским улицам и настолько заморивших в себе потребность впечатлений нетронутой природы, что самые восторги перед ней вызывают у них лишь снисходительную улыбку». *(Цит. по: Эдоков, 1984)*

Сибирский ученый-геолог Александр Львов:

В глухой тайге, как будто в храме,
Я близость чую Божества.
Вон средь ветвей в зеленой раме,
Как в день весенний торжества,
Блестит алтарь, горя огнями, —
Сияет в небе голубом
Голец со снежными зубцами,

Средь гор приподнятый горбом.
И как святых в камнях лики
Блестят меж золоченых риз,
Сияют солнечные блики
В росинках, падающих вниз...
Взамен кадильного куренья
Природный наполняет храм
Теперь, как в первый день творенья,
Цветов таежных фимиам...

(Львов, 1999)

Александр Львов, один из немногих русских поэтов, кто неоднократно и талантливо воспевал красоты дикой природы Сибири.

ТУНКИНСКИЕ ГОЛЬЦЫ *(отрывок)*

...Гольцы лишь великаны,
Что окружают степь почти сплошным кольцом,
Как бы забор тюремный — вечные туманы
Чело венчают их таинственным венцом,
Так явно говорят о страшном напряжении
Природы: будто здесь грозой поражены
Титаны, вдруг в борьбе застыв в изнеможении,
И мускулы борцов еще напряжены...
Бушуют реки там, грохочут водопады,
Питают родники их вечные снега...
И выше облаков вздымаются громады,
Едва до пояса одела их тайга...
Пилообразные, зазубренные пики
Так смело брошены зубцами в небеса,
Так неприступны кажутся и дики —
Своеобразная и гордая краса...

В ГОРАХ КИТОЯ (*отрывок*)

В обрыве громадной горы первозданной
Любуясь, как сделан природою грот,
И словно как в книге читаю пространной:
Здесь роется Время седое, как крот...
Одна за другой выплывает картина:
Вот горы застыли, как в море валы,
Внизу изливается лентой долина,
Закрытая слева уступом скалы,
Заросшая кедром; а дальше направо
Стоит одиноко меж гор великан —
Лишь в шапке собольей чернеющей лавы,
Когда-то грозу извергавший вулкан...

ПРИРОДА В ГОРАХ (*отрывок*)

Где царство бурь и гроз, где вечные туманы
Скрывают солнца лик в заоблачной стране,
Как будто на борьбу с врагом сошлись титаны,
Стопились горы так, теряясь в вышине;
Поверженные в прах, как поднятой десницей,
Своими пиками грозящие врагам,
Как будто говорят: «Мы отомстим сторицей
За поражение надменным небесам...»

В ВЕРХОВЬЯ ИРКУТА И КИТОЯ (*отрывок*)

Был я там далеко, в тех местах чудесных,
Где Сардык огромный вечным льдом сверкает,

Где Иркут вскипает между скал отвесных,
С воем камни лижет, пеною взлетая;
Где кругом столпились, словно привиденья,
В саванах из снега горы-великаны,
Видом острых пиков поражая зренье,
Вечно где гуляют снежные бураны...
(...) Разрушая скалы, там лишай гнездится;
Где зима и стужа больше полугода:
Где ни хлеб, ни овощ вовсе не родится;
Где нет человека, но зато свобода...

УТРО В ГОРАХ (отрывок)

(...) Туман поднялся, задрожал,
Завесой скрыта вся картина,
Лишь отдаленная вершина
Пронзала небо, как кинжал,
Тумана мантией одета
Как будто призрачный кристалл,
Вся бледно розового цвета,
Прекрасная, как идеал...

БАЙКАЛЬСКИЕ СИЛУЭТЫ (отрывок)

И лесов, и гор далеких,
Голубые небеса
И с вершины скал высоких
Вниз ползущие леса...
Все кругом красою блещет,
Вся природа — словно храм...
Воздух тихий... день трепещет.

Только эхо по горам.

УРАЛ *(отрывок)*

Люблю, Урал, твои угрюмые вершины,
Ущелья дикие меж лабиринтов гор;
Люблю у ног твоих привольные равнины,
Их голубых озер чарующий простор...
Люблю я леса сумрачного шепот
Среди нависших как руины башен скал,
И горных рек, ручьев неугомонный ропот,
Где горный лишь козел испуганный скакал,
Иль белка прыгала среди ветвей пугливо,
Заслышав шум шагов, иль пестрый бурундук,
Иль заяц пробежит скачками торопливо,
Ушами прядая, услышав странный звук...
Как мрачен этот хвойный лес вечнозеленый,
Как заколдованный: ни пения, ни птиц.
Торчит могучий кедр с верхушкой опаленной,
Гранитных кучи плит, как бы ряды гробниц,
И скалы гладкие, как ребра великана,
Убитого давно, из зелени торчат...

ВЕСНА В ГОРАХ *(отрывок)*

Серебряной лентой летят водопады
Со склонов к подошвам гольцов,
К глубоким ущельям теснятся громады,
Вперед посылая гонцов —
Камней оторвавшихся целое стадо,
Чтоб ими ручей задавить...

ВАМ ПРАВИТСЯ КАМИН *(отрывок)*

...А я люблю вид гор, нависших скал колонны,
Болтливый шум ручья, пылающий костер,
А над собою звезд блестящих миллионы —
Уж роскошь для меня раскинутый шатер...

А мне ласкает взор лес девственный таежный,
Где нет людских следов, ущелий дикий вид,
Где крадется изюбр, пугливый, осторожный,
Цепь голубых озер, оправленных в гранит...

(...) Мне сладок голос бурь и с самою грозой
Так слиться хочется. Люблю я водопад,
Что скачет с гор в тайге блестящей полосой, —
С ним прыгать вниз, греметь в водовороте б рад.

По морю в бурю я люблю носиться в лодке...
Когда ж в лесу найду укромный уголок,
По детски радуюсь тогда своей находке,
Что голову мою не давит потолок...

(...) Я кланяюсь всему, боготворю природу,
То звездам гимн пою, то морю, то горам
И солнца радуюсь особенно восходу —
Природа для меня — один обширный храм.

КЫНГАРГИНСКИЙ ВОДОПАД *(отрывок)*

Меж тесных каменных громад
Мятежный бьется водопад,
Разбитый выступом скалы,

Как бы гигантской головы,
На две отдельные струи.
И, думы затаив свои,
Внимает жадно голова
Ей непонятные слова
О том, боролась как река
С утесом целые века...

ЗАКАТ В ГОРАХ *(отрывок)*

Прощальным заревом заката
Голец нежданно озарен,
Долина мраком вся объята,
И контур дальних гор смягчен...

Казалось, кто-то темный властно
Поднялся там, над станом гор, —
Их пики синие напрасно
Сквозь сумрак рвутся на простор...

Сверкают молнией зарницы,
Как перестрелка с злым врагом;
Как поступь тяжелой колесницы,
Грохочет отдаленный гром...

Для Николая Клюева, Михаила Тарковского и Александра Львова дикая природа — это «храм», лес — «часослов», голец — «алтарь», сосна — «звонница», что обусловлено их молитвенным отношением к дикой природе, как к святыне (в другом своем стихотворении Клюев писал: «я молился бы лику заката...»).

В 1902–1907 годах русский исследователь В.К. Арсеньев путешествовал по дикой природе Сихотэ-Алиня. Его скитанья увенчали две замечательные книги — «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», изданные в 1921–1922 годах. Они ценны не только своими красочными описаниями дикой дальневосточной природы, но и особой языческой философией, которую проповедовал друг и проводник Арсеньева голец Дерсу Узала. По его мнению, дикая природа живая, ее можно ранить, обидеть: «Наша так думает: эта земля, сопки, лес — все равно люди». (Цит. по: Борейко, 2003).

Автор знаменитой «Розы мира» Даниил Андреев оставил великолепное стихотворение «Брянские леса», воспев бескрайнюю дремучую глухомань, ставшую гораздо позже заповедником.

Заросли багульника и вереска.

Мудрый дуб, Спокойная сосна...

Без конца, до Новгорода-Северска,

эта непроглядная страна.

С севера, с востока, с юга, с запада

хвойный шум, серебряные ели.

Всхолмия, не вскопанные заступом

и не осязавшие сохи.

С кронами, мерцающими в трепете,

мощные осины на юру...

Молча проплывающие лебеди

в потаенных заводях в бору;

Там, где реки мирные и вещие,

Пьют бесшумный и блаженный стих,

И ничьей стопой не обесчещены

отмели младенческие их.

Лишь тростник там серебрится перистый,

да шумит в привольном небе дуб —

Без конца, до Новгорода Северского

без конца, на Мглин и Стародуб.

(Цит. по: ШТИЛЬМАРК, 1998)

Посвятили свои стихи диким лесам России также Людмила Татьяничева и Леонид Трефолев.

КОРАБЕЛЬНЫЙ БОР

Все чаще снится мне

Мой корабельный бор.

В надгорной вышине

Раскинул он шатер.
У ног его простерт
Седой гордец Урал
Здесь пуст и тот растет
Веками,
Как кристалл.
Здесь бродит тишина
Сторожкая, как рысь,
Здесь каждая сосна
Бросает шапку ввысь,
Упрямый, как гранит,
Стоит на гребне гор
И день-деньской звенит
Мой корабельный бор.

Л. Татьяничева (Очей..., 1976)

ПОШЕХОНСКИЕ ЛЕСА (отрывок)

Ох, лесочки бесконечные,
Пошехонские, родимые!
Что шумите, вековечные
И никем не проходимые?

Вы стоите исполинами,
Будто небо подпираете,
И зелеными вершинами
С непогодушкой играете.

Люди конные и пешие
Посетить вас опасаются;
Заведут в трущобу лешие,

Насмеются, наругаются.

Л. ТРЕФОЛЕВ (ОЧЕЙ..., 1976)

Немало сил и здоровья положил на алтарь защиты дикой природы известный российский и украинский деятель заповедного дела профессор Иван Иванович Пузанов. Своим мыслям об охране свободной природы, так же как его более старший коллега — Андрей Петрович Семенов-Тянь-Шанский, он не раз придавал стихотворную форму:

Точно снег, всюду тают леса —
Первобытного мира наследство.
Гибнет джунглей безбрежных краса —
В них прошло Человечества детство!

Сожжены, продаются на сруб
И тайги вековечные стены —
Лес фабричных закопченных труб
Вырастает им вскоре на смену.

Перепахана дикая ширь —
Воля-вольная степи целинной,
Где на борзom коне богатырь
За сайгаком носился былинный.

Там, где ветер трепал лишь ковыль, —
Монотонная пашня, толока,
Конь бензиновый, автомобиль,
По равнине грохочет широкой.

Невозвратные дни сочтены
Тварей, полных отваги и силы:
С лесом, степью уходят слоны,
Зубры, лоси, жирафы, гориллы.

(ПУЗАНОВ, 1999)

Известный российский ботаник и деятель заповедного дела Владимир Николаевич Хитрово, отстаивая в 1920-х годах чудом уцелевшие степные целинные участки Орловщины, писал:

«Глядя на эти последние остатки прежней красочной гармонии края, является досадная мысль: неужели наш край есть край чьих-то вековых рабов, что мы в погоне за производством хлеба, и только хлеба на вывоз для кого-то, не оставим для себя, а распашем и последние остатки степной растительности, и дети наши только из книг прочитают о былой, доступной для наслаждения каждому красе нашего края. И вместо величавых и глубоко поучительных сочетаний многовековой природной растительности будут любоваться жалкими, бессмысленно натыканными, дорогостоящими цветниками городских садов и бульваров».

(Цит. по: Борейко, 2001-А)

Хочется привести также запись из дневника другого российского защитника дикой природы — Хачатура Георгиевича Шапошникова, добившегося в 1920 г. организации Кавказского заповедника:

«...Нежит глаз покрытый молочной дымкой — туманом, вид на снеговые горы на юге. Ведь больше полувека я люблюсь ними! Дорогие сердцу, уму, родные! И одно приятное чувство: для вас, милые горы, я сделал многое! Всю радость, вами данную, все познанное мной в ваших тущобах, с ваших вершин, я сжал в одну большую идею и есть теперь заповедник!».

(Цит. по: Борейко, 2001-А)

С публикацией дневников Михаила Пришвина постепенно нам становятся известны оригинальные мысли этого писателя на дикую заповедную природу: «... истребляя последние убежища диких зверей в природе, мы иссушаем источники самых глубоких мыслей человека (нельзя осушать болота, из которых берут начало великие реки), нельзя истреблять заповедные уголки природы, потому что с ними тинственно связаны самые глубокие потоки человеческой мысли» (Цит. по: Борейко, 1991-а).

В советское время не особо много писателей обращали внимание на дикую природу. Особняком среди них стоит Виктор Астафьев, оставивший в своей «Царь-рыбе» проникновенное, религиозно-философское описание дикой природы сибирской тайги. До него еще в России никто так о дикой природе не сказал:

«Казалось, тише, чем было, и быть уже не могло, но не слухом, не телом, а душой природы, присутствующей и во мне, я почувствовал вершину тишины, младенчески пульсирующее темечко нарождающегося дня — настал тот краткий миг, когда над миром парил лишь божий дух един, как рекли в старину... В глубине лесов угадывалось чье-то тайное дыхание, мягкие шаги. И в небе чудилось осмысленное, но тоже тайное движение облаков, а может быть, иных миров или «ангелов крыла»? В такой райской тишине и в ангелов поверишь, и в вечное блаженство, и в истлевание зла, и в вокресение вечной доброты... Тайга все также величественна, торжественна, невозмутима. Мы внушаем себе, будто управляем природой и что пожелаем, то и сделаем с нею. Но обман этот удаётся до тех пор, пока не останешься с тайгой с глазу на глаз, пока не побудешь в ней и не поврачешься ею, только тогда воньмешь ее могуществу, почувствуешь ее космическую пространственность и величие».

(Цит. по: Штильмарк, 1981)

Уже перед самой смертью, в больнице, он написал другому российскому писателю дикой природы и ее защитнику Феликсу Штильмарку полное отчаяния письмо:

«Дорогой Феликс! Получил второй том «заповедников» («Заповедник Сибири», том 2), снова и подивился, какую же чудную планету, какое прекрасное обиталище подарил Господь этой неблагоприятной, звероподобной свинье, что от рождения своего подрезает корни под собой, похабит землю,

которая его кормит, терзает прекрасный лик матери-природы».

(Виктор..., 2003)

Доктор биологических наук, организатор десятков российских заповедников Феликс Робертович Штильмарк — один из самых известных современных российских писателей дикой природы.

«Есть еще люди, что не жалеют, не любят тайгу, не ценят таежных пространств, которыми обладают, — вот это страшнее всего. А тайга очень нуждается и в любви, и в жалости, потому что при всей своей необъятности и силе она все-таки остается ранимой и беззащитной. Природа не создавала ничего лишнего, и все в ней хорошо на своем месте. Таежный хаос с нагромождением камней и растений, со всей хламиной, буреломами и болотами, если вникнуть, окажется вовсе не воплощением мирового зла, а величайшим благом, причем глобального масштаба и значимости.

(...) Кто ищет физического общения с таежной тишиной, кто испытывает себя в преодолении трудностей, но все наслаждаются таежной красотой. Старые сосновые боры потрясают своим храмовым величием. Словно колонны, уходят ввысь ровные оранжевые стволы». *(ШТИЛЬМАРК, 1981)*

Штильмарк, без сомнения, нашел очень верные слова, сказав, что тайга нуждается не только в любви, но и в жалости. Действительно, дикая природа тайги в наши дни становится все более ранимой, беззащитной и поэтому просит покровительства.

А вот обращение Ф.Р. Штильмарка в защиту степной природы:

«Каждый природный ландшафт по-своему прекрасен — будь то лесистые горы, ледяные просторы Арктики или знойные пустыни. Но среди всех других выделяются степи, особенно весной, в пору цветения. Увы, сейчас трудно говорить про очарование степей, ибо непаханной, нетронутой целины почти нигде не осталось, во всяком случае в Европейской части СССР. Мы теперь постигаем красоту степи по описаниям Гоголя и Чехова...

...Еще в детстве мне довелось увидеть первозданные целинные степи у Кокчетова, позднее — бывать в степях Хакассии и Даурии, фотографировать Асканийскую целину. В чем же волшебство и загадка степного обаяния? Дело здесь не в разнообразии и красочности флоры, не в обилии поющих птиц. Главное — в доступности, распаханности степей, их доверчивой обнаженности нашему взору. Особенно это поражает тех, кто привык к лесу.

Любая степь — холмистая, как в предгорьях Алтая, или же идеальная равнина — может показаться на первый взгляд безжизненной. И только окунувшись, углубившись в степные пространства, увидишь и поймешь ее насыщенность жизнью. Под солнцем и ветром дышит, живет, трепещет каждый стебель, каждый листик, и под любым обязательно кто-то живет — либо зеленый кузнечик, либо бурая кобылка с разноцветными крыльями, найдешь там и гнездо птицы, и убежище зверька. Все звенит от птичьих песен, вокруг сотни цветов, подлинное буйство, торжество, радость жизни!...»

(ОТ РЕДАКЦИИ, 2005)

По мнению автора истинные корни природоохранного дела лежат не в рациональности, не в экономике, а в самых глубинных слоях общественной нравственности, в его религиозно-моральных основах.

«...Человек, искренне любящий дикую природу, остается скорее язычником, чем христианином. Утром я, как правило, предпочитаю пойти в ближайший лес, а не стоять со свечой в храме, дыша чужим потом и ладаном. Вид старого дерева, живописной скалы или бурного моря восхищает меня более, чем икона. Понимаю, что почти богохульствую, осознаю свой грех, мысленно каюсь, но передельвать себя уже поздно (...). В моем понимании подлинно божественная дикая природа более

прекрасна где-нибудь в безлюдной тундре Севера, чем в официальном заповеднике с охраной, разъезжающей на вездеходах и «Буранах».

(Цит. по: Борейко, 2001)

Ф. Штильмарк, один из «последних могикан», отстаивающий в наше «утилитарно-рыночное» время, провозглашенный почти век назад профессором и писателем дикой природы Г.А.Кожевниковым принцип абсолютной заповедности в заповедниках:

«Главное же — оставить заповедник и всю его заповедную природу в покое, не беспокоясь о ней, не переживать, что там погибнут кабаны от перенаселенности или бескормицы, что вороны выклюют птенцов цапель, что расплодятся лоси, которые съедят лесной молодняк и что возникнет «эталон деградации»... Само собой — не рубить лес и пусть он зарастает, как ему вздумается, вот это и будет дикая заповедная природа, которую сейчас чаще можно найти вне территории официальных заповедников, чем в таковых.

И это, быть может, главное богатство нашей страны» (...). И дальше: «Сама по себе мечта об абсолютной заповедности безусловно идеалистическая... Но не пора ли нам, наконец, хотя бы понемногу отвыкать от советских стереотипов, когда только сугубо материалистические подходы рассматривались как положительные, а словом «идеалист» клеймили некие «буржуазные» представления (...). И экологическая этика, и понятие о подлинной заповедности опираются на высшие человеческие ценности, а не только на сугубо научные взгляды об эталонах природы, системах ООПТ и сохранения биоразнообразия». *(Цит. по: Борейко, 2004)*

«И мы даже не способны представить себе, что можно и нужно было бы оставить хоть самую малую долю собственной земли — пусть хоть полпроцента,... не для нынешнего научно-хозяйственного потребления, а просто в распоряжение природе-матушке ради неспешного ведения ее исконных земных дел. У нее ведь совсем иные мерки времени, иные подходы и принципы» — продолжал автор. *(Штильмарк, 1993)*

Олег Волков — яркий российский писатель дикой природы 1960–1980-х годов. Отпрыск известного русского дворянского рода, ему пришлось пережить необыкновенно трудную жизнь, он пять (!) раз попал в Гулаг, однако не сломался, а всегда честно и смело отстаивал свои убеждения.

«Может быть оттого, что в давнишние времена заповедание чего-либо — рощи, озера или иного урочища, сопровождалось обрядами и обставлялось торжественно (на церемонию стекалось местное население, старшины, духовенство, устраивался крестный ход, исполнялись хором песнопения) и тут же запрещался въезд в него на определенное число лет, может именно в силу этих отголосков нашей седой старины в понятие о «заповедном», о «заповедниках» мы вкладываем, помимо представления о чем-то заказанном и запрещенном, еще какой-то священный смысл. Заповедное — это не только запретное, но и нечто, что мы должны нерушимо блюсти и свято хранить, чтобы передать потомкам» — писал О. Волков.

(Волков, 1963)

Российские заповедники, последние пристанища дикой природы, были излюбленной темой писателя. Их защите он посвятил немало своих публицистических работ, всегда не уставая удивляться несравненной вольной природе. Побывав в Центрально-Черноземном заповеднике, позже вспоминал:

«Разумеется, такие сочные и обильные травы вырастают не только здесь (...). Но увидеть их нетоптанными, нетронутыми, стоящими в первозданной своей целостности... почти никогда не доводится.

Чудо! Бродили по этим рощам, по обрамленным кустами и деревьями полянам, — и цветов словно бы больше, травы все выше и гуще».

(Волков, 1976)

По мнению писателя, заповедные участки Центрально-Черноземного заповедника — это «лоскутки Рая» (Волков, 1976).

Святослав Забелин — один из организаторов и современных лидеров природоохранной организации (в рамках СНГ) — Международного Социально-Экологического Союза. Его перу принадлежит «Проект новой концепции охраны дикой природы» — оригинальное эссе, продолжающее лучшие традиции писателей дикой природы.

«Смысл охраны дикой природы: независимо от приводимых в ее обоснование рациональных доводов, охрана дикой природы была, есть и будет выражением благоговения Человека перед Природой, выражением сыновнего признания и извечной самоценности и желанием служить ей любясь и любя...

Необходимость использования экономических, научных и экологических резонансов в процессе изъятия природных территорий из непосредственного хозяйственного использования... отражает лишь уровень скотства лиц, от которых в действительности зависит принятие решений, либо уровень скотства наличествующей общественной морали, на которую вынуждены эти лица ориентироваться. Чем критичнее доказательства выгоды, тем он выше. И наоборот».

(ЗАБЕЛИН, 2000)

По мнению Забелина заповедание — это материализация нашей любви к дикой природе и видам живых существ. Как справедливо считает автор: «Сегодняшнее невозможное — это охранять Свободную Природу, охранять право на свободу для каждого живого существа. Не в связи с его пользой для человека или рыночной стоимостью, а просто потому, что оно есть, живет и должно жить своей жизнью» (Забелин, 2001).

Своеобразный подход к дикой природе демонстрирует в своих книгах современный российский специалист по древним языческим рощам, доктор филологических наук, нижегородский исследователь Николай Морохин. Обладая незаурядным писательским талантом, точно чувствуя русский язык, он создал настоящие гимны в честь реликтовых остатков дикой природы, именуемых у местных марийцев священными рощами:

«Приходя к этим деревьям, мы словно перешагивали порог эпох. Мы оказываемся в другом времени. Эти островки леса никогда в человеческой истории не рубили. Заветлужским лесам от силы полтора десятка тысяч лет. Топор они познали в последние триста. Их вырубали полностью десятками квадратных верст, их выжигали. И настоящего первобытного леса в этом крае мы бы не увидели, если бы не божьи леса. Поэтому это своего рода музеи таежной древности. В их нехоженых углах лежит бурелом: его не полагается убирать, выносить. Деревья рождаются, тянутся к свету, умирают, превращаются в труху и согревают собой новую жизнь.

Это невозможные леса: они густы и непроходимы, в них соседствует несовместимое... Эти леса хороши — и величественны, и грозны, и дышат необузданной силой. В их густых зарослях надо было еще искать вход — как в дом».

(МОРОХИН, 2004)

В такой священной роще «не позволено сорить, ругаться, ссориться, туда приходят в дни праздников в чистой одежде, помывшись в бане, как в место общения с высшими силами природы. Велико ее эстетическое значение, ощущается оно каждым. Эта эффектная деталь ландшафта, нетронутый цивилизацией «чистый» лес, который воплотил непроходящую гармонию природы, ее самовозрождение, необузданность, величие. Любовь и преклонение перед рощей, как перед возвышенным определяет подчиненное положение к миру живого и неживого в целом, стремление к гармоничным отношениям с ним», — пишет Н. Морохин.

Было бы неправильным отнести к произведениям писателей дикой природы любое произведение, где бы упоминался заповедник или национальный парк. Для этого они должны содержать особую философию дикой природы, или хотя бы иметь красочные, незабываемые описания свободной природы. Стихотворение орнитолога Московского университета Ксении Авиловой «Заповедники России» — яркий тому пример:

Заповедники России,
Да минует вас беда,
Необузданная сила,
Ненасытная орда.
Средь разора вы пригожи,
Средь неволи вы вольны!
Был бы мир на вас похожим,
Если б не было войны.
В беззаконье вы законны,
Остров правды в море лжи.
Ваши люди непреклонны,
Нерушимы рубежи.
Мир вам в солнце и в ненастье,
Да пребудут навсегда
Отвоеванное счастье,
Побежденная беда.
Заповедники России!
Всех святых за вас молю,
Словно сводки фронтовые
Сообщения ловлю!
Люди смертны, царства бренны,
Бог помилуй и спаси!
Будьте неприкосновенны,
Эталоны всей Руси!

Мария Сергеевна Лобач-Исученко, дочь известного российского ботаника профессора С.В. Голицына, написала великолепные стихи о дикой природе заповедника «Галичья гора» (где работал ее отец).

ГАЛИЧЬЯ ГОРА (отрывок)

Горный берег высокий правый,
Громоздятся скалы — девон.
Тихий, медленный, величавый
Под горою струится Дон.
Заповедник. Святое место.
Время словно застыло тут.
Ляваторы стоят — невесты,
Ковыли на плату плывут.

(Галичья..., 1996)

Современный питерский поэт Виктор Федорчук — по образованию лесовод. Недавно он прислал свою подборку: «Стихи о свободной природе». В них он говорит о тех вещах, которые еще совсем не воспринимались нашими современниками: о свободе дикой природы как Совершенно Иного.

Иное царство там, где царствуем не мы.
Оно не ниже нашего, не выше,
Не светоч мира, не источник тьмы,
Там цель одна, простая — выжить.

* * *

Благодарю, леса и горы,
За вольность вашу и мою!
Для всей природы непокорной
Свободу жизни — признаю.

Я признаю природы право
Жить так, как нужно только ей —
Хоть прямоствольно, хоть коряво,

Зато отдельно от людей;

Быть разуму — не подчиненной.

Пусть жизнь Иного бытия

Течет по собственным законам

Со мною

Или — без меня.

(ФЕДОРЧУК, РУКОПИСЬ)

Писатели Австралии и Южной Африки

Австралийский поэт Юдифь Райт рассматривает дикие места как необходимые убежища от антропогенной среды.

В романе Брэда Коллиса «Камень души» рассказывается о полонничестве католического священника Саймона Брэдбери в дикую пустыню, где он обучается у старейшины австралийских аборигенов пониманию духовной значимости дикой природы. Автор судит своих сограждан за их негативное отношение к пустыне. Почти все евроавстралийцы боятся и ненавидят пустыню, потому что она угрожает их жажде наживы, но для героев его романа становится источником правды. Уединившись в пустыне Великая Виктория, Саймон испытывает в процессе инициации «чудесные тайны..., осязаемое духовное измерение, измерение, порожденное этой землей». Его проповедь в соборе после возвращения в Перт приводит в гнев епископа и в замешательство его белую паству. Ибо в ней он так рассказывает о своем прозрении: «Я открыл прекрасную правду и красоту; знание о том, что мы должны быть счастливы жить на земле такой древней, что она наполнена присутствием духовного... (Бог) исходит от земли... этой древней нетронутой земли...» (Цит. по: Haynes, 1998).

Южная Африка добилась неплохих успехов не только в заповедании дикой природы. В этой стране появились свои писатели дикой природы, создавшие замечательные произведения. В романе Эйлин Молвер «Страна гор» рассказывается о белом парне Мэтью, сыне охранника национального парка, который вначале мечтал поймать и приручить бородача — ягнятника, однако потом понимает, что эта дикая хищная птица должна остаться свободной.

Дикость дикой природы как источник разных свобод рассматривается в романе Маркверит Поланд «Тень дикого зайца». Главный герой произведения — Роузи, не только спасает дикого зайца, но и учится понимать и ценить дикость у аборигенов, над которыми надсмехается местная белая община. Вскоре Роузи начинает понимать, что такое дикость, свобода, тень, дух, бушмены, магия и другие многим цивилизованным людям непонятные вещи (Martin, 1998).

Писатели дикой природы США и Канады

Американские писатели дикой природы сыграли огромную роль в организации движения в защиту дикой природы. Они нашли точные, емкие слова, чтобы объяснить своим согражданам ценности дикой природы, пробудить в них благоговение, восхищение, любовь и уважение к дикой природе.

Одним из первых в 19 веке заговорил о свободной природе известный протестантский проповедник из Бостона В.Х. Мэррей, издавший в 1869 г. книгу «Приключения в дикой природе»:

«Эта тишина диких мест и была тем, что более всего впечатлило меня... Сердцу не нужны ни гимны, ни молитвы, чтобы выразить свои чувства. Даже Библия лежит в стороне нетронутой. Буквы кажутся мертвыми, холодными, ограниченными. Вы чувствуете присутствие Бога в самом воздухе, и вы вступили на землю, где письменные предписания не нужны, ибо вы видите Предвечного слово лицом к лицу и чувствуете Его в себе и везде вокруг». (Цит. по: Мэй, 1996)

В. Мюррей не переставал восхищаться: «Я не знаю ничего, что уносит разум так далеко назад в сторону периода творения, как когда стоишь на берегу такой обширной поверхности воды, зная, что она веками была такой. Как вы созерцаете ее... Ни один грубый топор не разрушал лес, который растет на горах, даже трава возле вас такова, как та прародительница, которой тот, кто повелевает всем, приказал породить семя своего племени». (Цит. по: Р. Мэй, рукопись). Книга Мюррея «Приключения в дикой природе» выдержала 60 изданий.

Другим американским литератором середины 19 века, описывавшим жизнь в дикой природе, был Генри Герберт. В своих произведениях, так же как и Генри Торо, он не уставал восклицать: «Зима или лето, жгучее солнце или глубокие нагромождения снега, дикие места, дайте мне дикие места!» (Цит. по: Р. Мэй, рукопись).

Известный американский художник Джордж Кэтлин, писавший индейцев и дикую природу, записал в 1832 г. в своем дневнике (который затем был неоднократно опубликован в защиту прерий, бизонов и индейцев):

«Многому из созданного природой суждено пасть от смертельного топора и уничтожающей руки «культурного» человека; а ведь так много из этого содержит печать благородства, вызывающего наше восхищение, и даже несмотря на всепобеждающий марш цивилизованных улучшений, мы лелеем их существование и стараемся сохранить их примитивную неотшлифованность. Такие произведения природы всегда достойны защиты; и чем больше мы оказываемся оторванными от первоначальной дикости и красоты, тем больше удовольствия просвещенный человек испытывает при возвращении к этим сценам, отдыхая глазами и душой (...).

Очень грустно видеть, проезжая по этим областям, как эти благородные животные (бизоны — В.Б.), славные и гордые, так быстро исчезают из мира, приходя к выводу о том, что их вид вскоре совсем вымрет, и вместе с ним мир и счастье (если не вообще существование) племен индейцев, которые занимают те же самые обширные и незанятые равнины. А как было бы прекрасно (это может представить тот, кто путешествовал по этим местам и кто может действительно оценить их), если бы они могли в будущем содержаться в великолепном парке, во всей своей первоначальной красоте и дикости (защищаемые политикой правительства), где мир мог бы видеть во все времена коренных индейцев в их классическом убранстве, галопирующих на диких лошадях с луками из жил, со счита-

ми и копытами, среди летучих стад лосей и буффало. Такой парк мог быть красивым и волнующим местом, которое Америка могла бы сохранить и поддерживать в порядке для того, чтобы в будущем его могли бы созерцать все желающие! Парк Нации, содержащий человека и зверя во всей дикости и свежести их природной красоты.

Я бы не просил ни о каком ином памятнике в мою честь, ни о каком ином причислении к списку славных умерших, как о репутации основателя такого института». (*CATLIN, 1968*)

Джордж Кэтлин вошел в историю мировой защиты дикой природы и заповедного дела как родоначальник идеи о национальном парке. Памятник ему установлен в Йеллоустоунском национальном парке.

Другой американский художник Томас Коул стал основателем самой яркой в мире школы художников дикой природы — школы реки Гудзон. Кроме работы над своими великолепными картинами, он много публиковался в печати.

«Уже сейчас появились люди, которые опасаются, что с приходом цивилизации и культуры погибнет величие дикой природы. Природа предложила нам богатый, шикарный банкет. Должны ли мы отказываться от него? Мы все еще в Эдеме; стена, которая разделяет нас с райским садом — это наше собственное незнание и глупость» — писал он в «Эссе об американском пейзаже» (Цит. по: Борейко, 2005).

В 1837г. Коул с друзьями совершил путешествие к горе Шрун. Вид этой великолепной дикой горы представлялся ему мистическим открытием:

«Мы вошли в лес и нашли узкую тропу. Мы дошли, и наши глаза были вознаграждены (...) — древняя гора восставала в тихой грандиозности, и темная голова, скрытая в густом вечнозеленом лесу, утыкалась в небо, как пирамида. Внизу, до подножия горы простиралась огромная масса леса, нарушаемая только возвышенностями и впадинами земли. Здесь мы чувствовали высшую точку дикой природы и волшебство вечных гор. Пейзаж не грандиозный, но это было тем видом дикой красоты, который достигал грандиозности: тишина — одиночество — несравненность — первозданность природы — то, что природа носила тысячи лет, то, что менялось только со временем года, солнечным светом и бурями».

(Цит. по: Борейко, 2005)

Этой горе Коул еще посвятил картину и стихотворение. Художник говорил, что дикая природа — это самое подходящее место для разговора о Боге.

Коул написал картину «Вид на Катскил. Ранняя осень», чтобы показать прелесть той дикой природы, которая была уничтожена строительством железной дороги. Он писал своим друзьям: «Бессердечные варвары вырубают все деревья в прекрасной долине, на которую я столько раз смотрел влюбленными глазами — и это приносит мрак в мое ожидание весны — скажите об этом Дюранду, не то, чтобы я хотел причинить ему боль, но я хочу, чтобы он присоединился ко мне в проклятиях к прагматикам, поклоняющимся только доллару» (Цит. по: Борейко, 2005).

Его друг художник дикой природы Эшер Дюранд полагал, что дикая природа есть отражение высшей силы и добра. Он писал: «Приходишь к убеждению, что только великий Оформитель этих великолепных картин (дикой природы — В.Б.) смог разместить их перед нами как пример божественной работы» (Цит. по: Борейко, 2005).

Путешественник и литератор Вашингтон Ирвинг издал в 1832 г. свою книгу «Тур по прериям», быстро ставшей популярной. Он описывает свои приключения вдоль диких арканзаских и канадских рек: «Для того, кто не привык к этому, есть нечто невыразимо одинокое в одиночестве прерий. Мы сознаем, что находимся далеко, далеко за пределами человеческих поселений, мы чувствуем себя, как будто двигаемся в середине пустынного мира» (Цит. по: Р. Мэй, рукопись).

Дикость для Ирвинга является естественным состоянием, духом «гордости и свободы», в то время как город деформирует, тормозит и портит дух.

В 1843 г. в свет вышел двухтомник Чарлза Хоффмана «Дикие пейзажи в лесу и прерии», прославляющий свободную природу Адирондака.

Американский адвокат Ествик Ивенс писал в 1818 г.: «Я желаю снискать простоту, первобытные ощущения и добродетель дикой жизни, избавиться от искусственных привычек, предрассудков и недостатков цивилизации... и среди уединения и благородства западных лесов исправить человеческие представления и найти правду, интересующую людей».

И дальше:

«Как велики преимущества уединения! Как величественна тишина вечных сил природы! Есть нечто в великом слове — «дикая природа», ласкающее ухо, ободряющее дух человека. В нем содержится религия» (Цит. по: Нэш, 2001).

Подобные заявления постепенно рассеивали старые негативные христианские предубеждения в отношении дикой природы, воспитывая вкус, создавая новые традиции и новые ценности.

Уильям Каплен Брайант был одним из первых ведущих американских писателей, обратившихся к дикой природе. Тем, кто устал от «печали, преступлений и тревог» он советовал «отправиться в дикие места и посмотреть на природные логова». Он прекрасно чувствовал моральное и религиозное значение дикой природы. Его «Лесной гимн» (1825) начинался словами: «Рощи были первыми божьими храмами».

В своем стихотворении «Коулу, художнику, на его отплытие в Европу» он писал:

Безлюдные озера-саванны, где бродит бизон —

Скалы, сплошь увитые легкими гирляндами —

Торжественные потоки —

Небо, где орел пустыни кружит и пронзительно кричит —

Весенний расцвет и осеннее яркое пламя

Безграничных рощ.

(FROME, 1997)

В 1872 г. во вступлении к альбому «Живописная Америка» он заявил, что «у нас самые дикие и красивые пейзажи во всем мире» (Цит. по: Нэш, 2001). Благодаря таким писателям как Брайант, американские дикие пейзажи постепенно к началу 19 века начали приобретать национальное и духовное значение.

Другим ведущим американским писателем, вступившимся за дикую природу, стал Фенимор Купер. В своих приключенческих романах «Пионерья», «Последний из могикан», «Зверобой» и «Прерия» он рассказывает о двух друзьях, воспитанных дикой природой — белом охотнике Нэтти Бампо и индейском вожде Чингачгуке. В «Пионерах» Нэтти пробирается из города в уединение лесов и говорит, что городской житель не знает «насколько часто божья рука видна в дикой природе».

«Это грандиозно! Торжественно!» — восклицает Нэтти Бампо, увидев озеро Оцега — «мерцающее озеро», где человек, стоя на берегу, может услышать песнь пантеры из окрестных диких лесов. В своих повестях Ф. Купер негодовал по поводу уничтожения дикой природы и дикой жизни — чего стоит только описанная им в «Пионерах» картина уничтожения всей деревней Темплтон огромной стаи странствующих американских голубей — по ним палили даже из пушки, пока вся земля не покрылась тысячами мертвых птиц.

Нэтти Бампо и Чингачгук стали глашатаями новых романтических веяний, основанных на возвышенности и святости свободной природы. Оба почитают дикую природу и пользуются ею с уважением. На своем смертном одре Нэтти Бампо — Кожаный Чулок сказал: «Насколько подпорченной оказалась красота дикой природы за два коротких поколения». Романы о Кожаном Чулке заставили многих соотечественников Купера почувствовать себя пристыженными в связи с покорением дикой природы.

В 1849 г. протестантский проповедник, историк и журналист, автор популярных биографий Наполеона и Вашингтона, Джоул Хедли издал новую книгу о своих путешествиях в дикой природе «Адирондаки или жизнь в лесах». Эта книга вскоре стала популярной: она не раз переиздавалась, дорабатывалась и даже была объектом плагиата.

«Величественное, торжественное и бесшумное, с дневным светом, льющим сверху на все его внушающие ужас формы, оно стояло как олицетворение силы и величия» — описывал он одно из ущелий реки Гудзон (Цит. по: Terrie, 1985).

Джервис Энти, художник, который посетил то же ущелье в 1851 г., записал: «Это один из тех диких пейзажей, полных величия и возвышенности, которые Создатель сформировал для того, чтобы мы могли лучше постичь его безграничную силу» (Цит. по: Terrie, 1985).

Стоя на вершине горы Марси, Хедли вспоминал:

«В центре хаоса гор, подобного которому я никогда не видел прежде. Это полностью отличалось от Альп. Не было никаких скальных пиков и сияющих ледников, но все было серым или зеленым, или черным, что только мог охватывать взгляд... великое и мрачное... фон в виде гор, и ничего кроме самого дикого пейзажа между ними — каким таинственным, каким ужасным это казалось (...) Я никогда в моей жизни не был сильнее поражен пейзажем: его чрезвычайной дикостью, раскинувшейся там, где топор цивилизации никогда не наносил своего удара — вечер — закат — глубокая пурпурность гор — тишина и одиночество берегов, и крик птиц на расстоянии, все это объединилось, чтобы передать мне дух очарования». (Цит. по: Terrie, 1985)

Другой американский писатель середины 19 века — Стрит, писал в своих произведениях об обнаружении Бога в дикой природе: «Дикая природа говорит постоянно с нашими сердцами: побуждая к знанию наших «я» и к любви к Высшему Создателю, Благодетелю, Отцу... Здесь, с великим лесом в качестве нашего храма для поклонения, расширением наших сердец, поднимаются наши освобожденные мысли, мы созерцаем Бога, лицом к лицу» (Цит. по: Terrie, 1985).

В середине 19 века в США заявили о себе два писателя — однофамильца, много сделавших своими книгами о дикой природе для создания Йосемитского национального парка. Звали их Томас Кинг и Кларенс Кинг.

Томас Кинг описывал водопады Йосемита:

«Водопады изливают больше, чем мы видим... Самым прекрасным на вид и самым музыкальным является высочайший водопад. Скала настолько отвесна, что за время всего падения длиной в четверть мили вода не разбивается на потоки. Она льется с вершины дугой... Но к своему подножию он расширяется и пенно изгибается с одной стороны и до того, как достигнет своего первого гранитного ложа, приобретает форму кометы, которая мерцала на нашем небе два года тому...» (Brooks, 1983)

Геолог и альпинист Кларенс Кинг посвятил свою жизнь геологическим исследованиям. Он стал первым директором Геологической экспедиции Соединенных Штатов и хорошо известен среди геологов как автор научного труда «Систематика геологии». Однако вкладом в американскую литературу о дикой природе является его популярная книга «Альпинизм в Сьерра-Неваде».

Большой поклонник Джона Рескина, Кларенс Кинг хотел этой работой привлечь американцев к красоте и величию дикой природы Сьерра-Невады:

«...Обрыв за обрывом, пропасть за пропастью..., которые увенчиваются громадой гранита в готическом стиле, покрытой на вершине снегом, как будто эмалью. Каким величественным и призывным казался и белый конус, ее нетронутый, неизвестный гребень, который возвышался на фоне пронзительно голубого неба!»

Позже альпинист был поражен альпийской травой:

«...мягкой под нашими ногами, изредка украшенной нежными цветами, которые пробивались сквозь нагромождение камней с бирюзой и аметистом — белые звездочки и пламенно-красные маленькие шары... После сурового величия гранита и льда, когда пики и отвесные стены все еще оставались на виду, это было настоящим облегчением снова попасть в область жизни. Я никогда не чувствовал к деревьям и цветам такую симпатию и любовь, как тогда». *(Brooks, 1983)*

«Когда я сидел на Тиндалл, горы напоминали мне руины храмов — острые гребни крыш, укрепленные башенками и статуями, контрфорсы, покрытые лучшими орнаментами, чем в Милане, дверные проемы в виде арок, высеченных в черном фасаде гранита, двери, которые никогда не будут открыты, бесчисленные выступающие части на крестообразной вершине, ее замерзшая крыша и шпили, настолько удивительно готические, что я не сомневался в том, что Альпы послужили моделью для ранних храмов». *(Brooks, 1983)*

Работа Кларенса Кинга является одной из лучших книг 19 века о дикой природе США. Описания Йосемита Кингами дополняет Фредерик Олмстед, известный американский ландшафтный архитектор и природоохранник, также немало сделавший для создания первых национальных парков США:

«Где-нибудь есть более красивые водопады, более громадные камни, более нависшие скалы, более глубокие и страшные расщелины, такие же очаровательные ручьи и прелестные луга, высокие деревья. Очарование состоит не в отдельных картинах, а в целом пейзаже, состоящем из скал ужасающей высоты и глыб огромных размеров... Соединение величественности и красоты природы, ни в одной или другой черте, ни в этой или другой части картины, ни в одном пейзаже, который можно выделить отдельно, а в целостности всех мест, которые видит посетитель, составляет Йосемит, величие природы». *(Brooks, 1983)*

Американский орнитолог Эдвард Форбуш, отправившись в 1876 г. в путешествие по реке Оклавахе, оставил после себя дивное описание дикой природы Флориды:

«В путешествии в южную Флориду мы видели то, чего больше уж ни один человек не увидит. В верхнем течении реки Сент-Джонс и Оклавахи дикая природа Флориды спускалась прямо к берегам, наступала на них и даже нависала над водою. В многих местах по течению Оклавахи субтропическая листва с драпировками из испанского лишайника полностью перекрывала реку сводчатым шатром, так что пароход, пробиравшийся по реке, казалось, плыл в тоннеле из роскошной зелени. Аллигаторы в больших количествах плавали в струях реки, в заводях, или нежились по берегам. Бесчисленные стаи водных птиц многих видов населяли эти воды в несметных количествах. Большие стаи белых цапель и ибисов, среди них и перелетные краснокрылые американские колпицы, завладели этой землей. Каждый поворот реки открывал взору новый пейзаж, представляющий новые формы этой интересной жизни...». *(Brooks, 1983)*

Затем орнитолог с болью в сердце рассказывал, как вдоль поручней парохода выстраивались мужчины с винтовками и револьверами и целый день палили «в аллигаторов, птиц, в любую привлекательную для них мишень». И никто не останавливал судна, дабы подобрать добычу.

В другой своей работе он еще резче обрушился на бездельников-охотников, ради развлечения лишаящих жизни живые существа:

«Всего лишь рябчик! Осенью вы сможете увидеть десятки этих птиц, подвешенных за шеи или за лапки в лавке мясника — печальные останки бывшей жизни. Но что до меня, я не променяю одного взгляда на эту хохлатую птицу, во всем великолепии ее брачного наряда,двигающуюся настороженно по своей родной вересковой пустоши, с неукротенным, свободным духом, глубинным инстинктом, вибрирующим возбужденной жизнью, с неустрашимой энергией, почерпнутой им в наших диких холмах Новой Англии, — на острую радость охотника при виде изуродованного, кровоточащего тела, падающего к его ногам, или на все восторги эпикурейца, вкушающего нежную плоть убитой им птицы, гарнированной и украшенной к ломящемуся от яств столу».

(Brooks, 1983)

Писатель С. Хаммонд в книге «Дикие северные пейзажи», изданной в 1857 г., уже писал не о величественных пейзажах дикой природы, выбрав вместо этого тему заповедания дикой природы: «Когда придет то время, куда мы пойдем, чтобы найти деревья, дикие существа, старые леса и будем слышать звуки, которые принадлежат природе в ее первобытном состоянии? Куда мы побежим от цивилизации, чтобы сбросить узду и путы общества и отдохнуть на протяжении сезона от ограничений, условности общества, и отдохнуть от забот и тяжелых трудов борьбы и конкуренции жизни?»

Если бы было по-моему, я бы обозначил круг в сотню миль в диаметре, и закрыл бы его защищающей эгидой Конституции. Я бы сделал его лесом навсегда. Должно быть преступным срубить дерево, и уголовным преступлением расчистить акр внутри его границ. Старый лес должен стоять здесь всегда каким Бог создал, растя его до тех пор, пока земляной червь не съест его корни, и сильный ветер не швырнет его на землю, и новому лесу нужно позволить занять место старого, пока земля остается» (Цит. по: Terrie, 1985).

Писатель ведет своих читателей в Адирондакские горы и счастливо заявляет: «Прирученная жизнь будет позади нас, в то время как перед вами будет только лес, дикий и нетронутый, роскошный и торжественный, высокие деревья и бегущие ручьи, спокойные озера и триумфальные горы. Старинные первозданные вещи все являются такими, какими их наказал существовать глас Господен». И дальше: «Даже великая гора имеет свою проповедь. Она рассказывает о могуществе, величии и постоянности цели великого Бога» (Цит. по: Р. Мэй, рукопись).

И Хаммонд, и Ирвинг, и Мюррей, и Герберт постоянно указывают на моральное превосходство не испорченной природы. Ирвинг превозносит преимущество «человека в диком состоянии» и диких лошадей. Герберт сравнивает не в пользу цивилизованного человека канадских гусей в полете.

Верпленк Колвин посвятил 35 лет своей страсти восхождениям, изучая и нанося на карту Адирондакские горы в северной части штата Нью-Йорк. Еще в 1868 году он публично призвал нацию к «созданию Адирондакского парка или лесного заповедника». Сын видного адвоката из Олбани, Колвин отказался от юридической практики, чтобы посвятить себя задаче изучения и защиты Адирондакских гор. В своих многочисленных речах и письмах Колвин призывал беречь дикую природу Адирондаков. При чем он одним из первых среди писателей США рассматривал дикую природу не только с утилитарной позиции, но и с точки зрения моральных ценностей. Его опубликованные «Отчеты» помогли многим людям найти чудо и красоту не в какой-то отдаленной стране, а на заднем дворе города Нью-Йорк. В 1885 г. под воздействием пропаганды Колвина, Государственное собрание штата сделало Адирондаки лесным резерватом, а в 1892 г. был создан Адирондакский парк, насчитывающий более чем две тысячи горных озер и шесть тысяч миль рек и ручьев в области, больше, чем Йеллоустонский и Йосемитский национальные парки вместе взятые.

«Но каким диким и пустынным является это место!..

Нет никаких зарубок от топора, нет деревьев с ободранной корой, ни почерневших остатков пожара,

ни одной срезанной ветки, ни одного человеческого следа... Луг в восточном, верхнем конце полон широко раскрытых отверстий, в которых скользят глубокие потоки, и замечательно, что в то время как вода озера является теплой, вода подземных потоков является восхитительно холодной как лед».

(Цит. по: TERRIS, 1985)

На языке лучших европейских романтиков Колвин описывал момент озарения в западных Адирондаках:

«Один в сердце западных лесов — вдали от троп — среди безымянных и ненанесенных на карту горных цепей: полностью запертых в запутанном лесу, где живые деревья растут в дикости, в самой могиле их предков, где черная ель, возвышающаяся над буками и кленами обнимает своими жилистыми корнями гигантские камни и выбрасывает усики, чтобы кормиться на поверженных корнях, которые умерли и упали на землю столетием назад..., где с зазубренных утесов любопытный исследователь смотрит вниз в дикие ущелья и непроходимые долины, о которых его проводники ничего не могут ему сообщить — там на тех диких гребнях, когда мы отдыхаем на пышных папоротниках и смотрим на море покрытых лесом гор, люди чувствовали то, чего слова не могут передать, — самые дикие люди успокаиваются и затихают — великая и красивая торжественность и покой прокладывает себе путь в душу, потому что человеческая борьба и разногласия кажутся здесь ушедшими навсегда».

(Цит. по: TERRIS, 1985)

Следует сказать, что дневники Колвина оказали неизгладимое впечатление на молодого Роберта Маршалла, одного из самых ярких защитников американской дикой природы 1930-х годов. Он зачитывался ими в библиотеке своего отца и уже мальчишкой мечтал отправиться путешествовать в дикую природу...

Американский писатель Дзозеф Ноулс в 1914 г. написал книгу «Один в дикой природе». Все началось с того, что осенью 1913 г. он разделся под холодным морозящим дождем на краю озера, выкурил последнюю сигару, пожал руки стоящим под зонтиками репортерам и побрел в дикую природу. Там он прожил два месяца, а затем написал книгу, которая тут же стала популярной. Именно благодаря таким как Ноулс дикая природа вскоре стала в США чем-то вроде национального культа.

Генри Эбботт был часовщиком и изобретателем из Нью-Йорка. Его страстью было путешествовать в диких лесах местности Адирондак. О своих скитаниях по дикой природе в конце 19 — начале 20 веков он рассказал в «Книге на березовой коре». Он не боялся заблудиться в дикой природе: однажды, когда он шел на веслах по лесному озеру, опустился густой туман. Это позволило ему слушать дикую природу — цапель, оленей, рыб, гагар способами, к которым он не был чувствителен прежде.

Эбботт перевел традиционную романтическую враждебность к городам в свидетельство достоинств дикой природы. «В дикой природе, — писал он, — деревья не падают на людей и не убивают их даже на один процент так часто, как кирпичи или камни с высоких зданий падают на пешеходов в городах. Люди, потерявшиеся в лесах, не голодают так часто, как те, кто потерялся в городе без денег» (Цит. по: Terris, 1985).

Эбботт основал новую эстетическую традицию, провозгласив «дико красивым» дремучий лес, на треть состоящий из увядающих, упавших и перегнивших деревьев.

«На более высоких склонах этих холмов рука человека, несомненно, никогда не поднимала топора. Беспрепятственные процессы природы там развили тип леса возможно не экономически выгодный. Но несомненно дико красивый. Там, созревший, упавший монарх, распадаясь, удобрял корни последующих поколений деревьев, чьи переплетенные ветви формировали купол далеко вверху, через который профильтровывались только ограниченные столбы солнечного света. Изоби-

ловили грибы и другие грибковые организмы в большом разнообразии форм и блестящих цветов. Мхи служили мягкими роскошными коврами для пола этих храмовых коридоров... Там мы нашли страну чудес, площадку для игр... Промышленный гул никогда не проникал в этот отдаленный регион, но чуткий слушатель услышал бы всегда голоса жителей леса...».

TERRIS, 1985)

Понятно, что при чтении этого отрывка кондрашка хватила бы любого лесника, привыкшего убирать лес подобно собственной квартире, не умеющего видеть красоту в дикости, буреломах и болотах.

Джон Пауэлл был ученым-самоучкой, преподавателем колледжа, ветераном гражданской войны в США, где потерял свою правую руку. Он также известен как путешественник, открывший в континентальных Соединенных Штатах последнюю реку и гору. Как писатель дикой природы, Пауэлл раскрыл землякам красоту неизведанной реки Колорадо, выпустив в 1875 г. книгу «Исследования реки Колорадо на Западе».

«Тысяча футов... через гранитные скалы; затем крутые склоны и вздыбленные утесы поднимают друг над другом на вершину. Ущелье черное и узкое внизу, красное и серое, сияющее вверху, с утесами и угловатыми выступами на стенах, которые прорезаны во многих местах боковыми каньонами, кажутся обширной дикой страной камней. Внизу в этих великих, мрачных глубинах скользим мы, все время слушая, потому что безумные воды продолжают свой рев, все время наблюдая, все время глядя вперед, потому что узкий каньон извивается, и река закрыта таким образом, что мы можем видеть только на несколько сотен ярдов, и что может быть ниже, мы не знаем, так что мы слушаем впереди и наблюдаем за камнями, останавливаясь время от времени в заливе в расселине, чтобы восхититься гигантским пейзажем, и все время, пока мы идем, возникает то новая башенка или выступ, скала или пик, какой-то вид верхнего плато, какой-то странной формы камень или какой-то узкий боковой каньон».

THE WILDERNESS..., 1985)

Кларенс Даттон являлся дипломированным выпускником Йельского университета и капитаном армии США. В 1875 г. он отправился в экспедицию Д. Пауэлла по региону дикого плато Аризоны и Юты. В своих полевых заметках «Высокие плато Юты» (1880) и «Третичная история Великого Каньона» (1882) он много вдохновенных страниц посвятил описаниям дикой природы и, в частности, знаменитого чуда Америки — Великого Каньона.

«За пределами восточного Монастыря (одна из живописных частей каньона — В.Б.), на расстоянии пяти или шести миль, поднимается гигантская масса, которую мы назвали Храм Шивы. Это наиболее грандиозная из всех башен и наиболее величественная по внешнему виду, хотя не самая богато украшенная. Его масса так же велика как горная часть Горы Вашингтон. Эта вершина смотрит вниз на 6000 футов в темные глубины внутренней пропасти, на последовательность выступов таких же непреодолимых, как поверхность Бункер Хиллз Монумен.

Повсюду вокруг него находятся боковые ущелья, уходящие в глубину почти так же глубоко, как ущелье главного канала. Он стоит посреди большой толпы подобных монастырям башен, с теми же самыми благородными профилями и сильными очертаниями, как те, которые находятся перед нами, с переплетением ужасных пропастей между ними... Если бы любое из этих громадных творений было установлено на равнинах центральной Европы, оно повлияло бы на современное искусство также глубоко, как Фудзияма повлияла на декоративное искусство Японии».

(THE WILDERNESS..., 1985)

Изабелла Берд — известная американская альпинистка и писательница дикой природы. Она путешествовала по дикой природе Индии, Тибета, Китая. В США исследовала регион Скалистых гор, о чем написала книгу «Жизнь леди в скалистых горах» (1879).

«День расцвел намного раньше, чем солнце взошло, чистый и цвета лимона. Остальные заботились о лошадях, когда один из студентов подбежал, чтобы сказать мне, что я должны спуститься по склону, ибо Джим говорил, что он никогда не видел такого восхода солнца. С холодного, серого Пи-

ка наверху, с вечных снегов, с посеребренных сосен, вниз через горные цепи с их глубинами Тирского пурпура, мы смотрели туда, где равнины лежали холодными, в сине-сером, подобно утреннему морю на фоне далекого горизонта. Внезапно, сначала как ослепительная полоса, но, быстро увеличиваясь до ослепительной сферы, солнце выкатилось над серой линией, в свете и сиянии, как когда оно было впервые создано. Джим непроизвольно и почтительно обнажил голову и воскликнул: «Я верю, что есть Бог!».

Я чувствовала, как будто последовательница зороастризма, я должна поклониться. Серый цвет равнин изменился на пурпурный, небо все сразу залило красным, на котором отдыхали ярко красные полосы облаков, ужасные пики мерцали подобно рубинам, земля и небеса были заново созданы. Конечно, «Высочайший живет не в храмах, сделанных руками!» В течение целого часа равнины напоминали океан, к которому спадало безграничное пространство пурпура, утесов, камней и выступов». (*THE WILDERNESS...*, 1985)

Вдохновлялся дикой природой знаменитый американский поэт Уолт Уитмен.

Земля дремлющих и светлых деревьев!

Земля ушедшего заката — земля

Туманных горных пиков!

Земля стеклянного света полной луны,

Слегка разбавленного голубизной.

(*Цит. по: LITERATURE...*, 1998)

Дикая природа пронизана у Уитмена религиозным значением. По его мнению древесная лягушка — шедевр, выше которого нет. В своих дневниках поэт передал то благоговение, что охватывало его, когда он попадал в дикую природу:

«Я брожу здесь в чаще среди сосен, дубов и ореха, в густом подлеске лавровых кустов и диких виноградных побегов, по земле, покрытой валежником, мертвой листвой, буреломом, мхом, вокруг все безжизненно, первозданно, полно грозной тайны (...) Тонкое наслаждение для всех чувств — зрения, слуха, обоняния. Каждая снежинка осталась лежать там, где упала: на хвое, на падубе, на лавровых кустах...».

(*Уолт, 1954*)

Однако наибольший вклад в развитие современной идеи дикой природы внесли американские писатели и философы — трансценденталисты Ральф Эмерсон и Генри Торо.

В своем эссе «Природа» Эмерсон писал:

«В лесах скрывается непреходящая молодость. На плантациях господ царят благопристойность и светлость, праздник длится здесь год, и гость, очутившийся на нем, не поверит, если ему скажут, что этот праздник утолит его хотя бы через тысячу лет.

В лесах мы возвращаемся к разумности и вере (...). Я — влюбленный красоты, ни в чем определенно не сосредоточенной и бессмертной. Среди дикой природы я нахожу нечто более для себя дорогое и редкое, чем на городских и сельских улицах».

«Любовь к природе возникает из лучшего, что в нас заключено. Мы любим ее как град божий, несмотря на то (а также как раз потому), что в этом граде нет жителей».

(Цит. по: Борейко, 2004)

Известно и такое выражение Р. Эмерсона: «Нравственное воздействие дикой природы на человека измеряется правдой, которую она ему открыла».

Взгляды Генри Торо о дикой природе были революционны тем, что оказались лишены всякой дискриминации дикой природы. По его мнению, дикая природа — ни что иное, как цивилизация, но другая, чем наша.

«Почему мы осуждаем тех, кто издевается над детьми, и поощряем тех, кто делает это с природой?» — вопрошал писатель. Своими эссе Торо восстанавливал святость дикой природы, создавал ее новую мифологию: «Иногда я заходил в сосновые рощи, стоящие подобно храмам, или флотом в море с полной оснасткой, волнистыми сучьями и струящимися светом, настолько мягким, зеленым и тенистым, что друиды могли покинуть свои дубы, чтобы начать поклоняться этим соснам» (Цит. по: Борейко, 2004).

Торо провозгласил два тезиса, которые сейчас очень часто повторяются защитниками дикой природы: «В дикости состоит сохранение мира» и «Я люблю дикое не меньше, чем нравственное».

В своем знаменитом эссе «Прогулки» Торо писал:

«Мне бы хотелось сказать несколько слов в защиту дикости и абсолютной свободы, которые столь отличны от природы, освоенной человеком, и от свободы гражданского состояния (...). Дайте мне жить там, где мне хочется. Пусть с одной стороны будет город, а с другой — дикая природа. Я все чаще ухожу из города и удаляюсь в природу (...).

Конечно, вы можете решить, что я ненормальный упрямец, но все-таки, если бы мне предложили жить по соседству с самым прекрасным в мире садом, когда-либо созданным человеческим искусством, или же рядом с гиблым болотом, я наверняка выбрал бы болото (...).

Когда я хочу отдохнуть, я иду в самый темный и трудно проходимый лес или на пользующееся дурной славой болото. Я ступаю на него с благоговением, как будто попадаю в святое место, «Святая святых». В нем заключена сила, мозг Природы. Девственная почва заросла чащей. На ней хорошо себя чувствуют как люди, так и деревья (...).

Спасение города не в его праведниках, а в окружающих его лесах и болотах. В таких местах, где один первобытный лес раскинул свои ветви вверху, а другой первобытный лес гниет внизу, рождаются не только хлеб и картофель, но поэты и философы грядущих веков. Такая почва дала миру Гомера и Конфуция и других философов и поэтов; такая местность была прибежищем реформатора, питающегося акридами и диким медом (...) Цивилизованные страны — Греция, Рим, Англия держались тем, что на их территориях некогда росли первобытные леса». *(Цит. по: Борейко, 2004)*

В эссе «Черника» Торо пишет: «Реки и водопады, луга и озера, холмы и скалы, горы, леса и древние деревья — все они прекрасны. Они очень ценны, и ни доллары, ни центы не стоят их... Они учат людей больше, чем высшие школы, проповедники или любая современная система образования. Я не думаю, что тот, кто не может предвидеть ценности природы, может стоять во главе штата или даже города...» (Цит. по: Борейко, 2004).

Если книги Генри Торо очень плохо расходились при жизни автора, то другому известному американскому писателю дикой природы и яростному ее защитнику, жившему на рубеже 19 и 20 веков — Джону Мюиру, повезло гораздо больше. Он стал классиком еще при жизни. Популярные американские

журналы заваливали его просьбами о новом рассказе, ведущие издательства спорили о праве выпуска его новой книги.

«Я живу только для того, чтобы открыть глаза людям на очарование дикой природы» — говорил Мюир (Цит. по: Нэш, 2001).

В своих работах Мюир был больше на стороне дикой природы, нежели человека. Он любил повторять, что если бы началась война между людьми и дикими животными, то он встал бы на сторону медведей (Борейко, 2004).

Мюир заявил: «Ни один из ландшафтов Природы не является уродливым постольку, поскольку он является диким» (Цит. по: Борейко, 2004). Дж. Мюир писал:

«Ни одна другая догма, проповедуемая современной цивилизацией, не является таким непреодолимым препятствием для правильного понимания отношений между культурой и дикой природой, как та, которая провозглашает, что мир был создан исключительно для человека. Каждое животное, растение или кристалл легко это опровергают. Ее проповедуют из столетия в столетие, как нечто вечно новое и ценное, и в результате темнота невероятной кичливости не вызывает никаких возражений!». (Цит. по: *THIS INCOMPERABLE...*, 1991)

Многие высказывания Дж. Мюира стали пророческими, например это: «Борьба за сохранение природы будет продолжаться вечно. Это часть всемирной битвы между добром и злом» (Цит. по: *This incomperable...*, 1991).

Писатель являлся одним из организаторов первых американских национальных парков. Защищая заповедную долину Хетч-Хетчи от строительства дамбы, он объявил ее священной:

«Эти разрушители храмов, сторонники опустошительной деятельности, кажется полностью пренебрегают Природой и вместо того, чтобы поднимать свои взгляды к Богу гор, поднимают их к Всемогущему Доллару. Плотины Хетч-Хетчи! Плотины для резервуаров воды на месте соборов, церквей, чтобы не было больше святых храмов в сердцах людей!». (Цит. по: *THIS INCOMPERABLE...*, 1991)

Дж. Мюир был уверен, что «в божьей дикости лежит надежда этого мира» и что дикая природа родила нас и ее не надо бояться.

Большим ценителем красоты американских пустынь был путешественник Джордж Джеймс. В своей книге «Чудеса пустыни Колорадо», изданной в начале 20 века, он заметил: «Свобода души — следствие абсолютной открытости, что происходит в пустыне, где свобода является телу» (Цит. по: *Literature...*, 1998).

Джон Чарльз Ван Дайк, библиотекарь и профессор истории искусства, в самом конце 19 века совершил несколько одиночных переходов по пустыням Калифорнии и Аризоны. На основе своих впечатлений он написал и издал в 1901 г. свои эссе под названием «Пустыня».

«Длинная гряда дюн на севере выглядит заброшенной, но чудесно прекрасной. Песок пустыни тоньше снега, его изгибы и арки, созданные медленным движением, такие же грациозные, как линии бегущей воды. Дюны всегда ритмичны и текучи в своих формах; у пустыни нет ничего более, чтобы превосходило их по цвету. Ранним утром, до того, как взойдет солнце, они нежно-голубые, отражающие небо, в полдень — бледные линии ослепительно оранжевого цвета, дрожащие в горячем воздухе; на закате они затоплены розовым или розово-лиловым цветом; под голубым лунным светом — они белоснежные как айсберги в северных морях». (Цит. по: *THIS INCOMPERABLE...*, 1991)

Ван Дайк отрицал утилитаристский подход к дикой природе пустыни. Пустыня, по его мнению, не должна быть «местом для жизни человека», и сюда не нужно проводить воду». Во вступлении к «Пустыне» Ван Дайк написал: «Я никогда сильно не увлекался парками и садами. Если мы хотим узнать важные истины, мы должны искать их у истоков» (Цит. по: *This incomperable...*, 1991).

Пустыня для Ван Дайка не только совершенная красота, но и всемирная тайна:

«Вокруг нас простирается великая, обернутая песком пустыня, чьей тайны не знает ни один человек, и даже Сфинкс не смог бы ее раскрыть: все же за ее пределами, над ней, выше и еще выше мы ищем тайны Ориона и Плеяд. Что же именно притягивает нас к безграничному и бездонному? Почему должны прекрасные вещи земли — травы, деревья, озера, маленькие холмы казаться тривиальными и незначительными, когда мы сталкиваемся лицом к лицу с миром или пустыней, или необъятностью полуночного неба? Может быть дело в том, что одно является рассказом об известных вещах, а другое — просто намеком, указанием на неизвестное? (...) Разве не возвышенное мы чувствуем в необъятности и тайне? Если так, то, возможно, мы имеем частичное объяснение нашей любви к небу, морю и пустыням. Они представляют собой великие стихии. Мы не видим, мы едва знаем, ограничены ли их границы; мы только чувствуем их необъятность, их тайну и их красоту».

(THE WILDERNESS..., 1985)

Ван Дайк написал более 40 книг по искусству и о природе, но «природа оказалась наиболее долговечной любовью из всех... Очарование дикости растет с годами и становится более настойчивым» (*The wilderness...*, 1985).

Мэри Остин вошла в тесные ряды мужской компании американских писателей дикой природы в самом начале 1910 годов книгой «Край редкого дождя». В детстве она зачитывалась Эмерсоном, впитывая его трансцендентальные взгляды о дикой природе, а с 1891 по 1905 годы обосновалась в пустынях Калифорнии. Она ратовала за права женщин, яростно, но безуспешно боролась против поворота дикой реки Колорадо к Лос-Анджелесу. Мэри водила дружбу с Бернардом Шоу и Джеком Лондоном, а Герберт Уэллс считал ее самой образованной женщиной США.

Во многих своих произведениях она воспевала дикую природу пустынь США, говорила, что «в природе я узнаю Бога».

«Во всех обрывах западных пустынь можно найти миниатюрные модели великого и ужасного Большого Каньона, к которому вы обязательно придете, если будете идти по этому краю достаточно долго... Здесь вы найдете низину Долины смерти, или высокие пересеченные просторы, где воздух всегда имеет острый привкус мороза. Здесь дуют затажные ветра, и воздух бывает безмятежно спокоен на наклоненных столбовых горах, где танцуют пылевые демоны, закручиваясь в широком, бледном небе. Здесь не идут дожди, когда земля плачет о них, но иногда проходят жестокие ливни. Это — земля потерянных рек, в которой мало что вызывает любовь, это земля, в которую, побывав один раз, вы неизбежно вернетесь. Если бы это было не так, про нее бы мало говорили».

(Brooks, 1983)

«Пустыня представляет собой свободный термин, который указывает на землю, которая не поддерживает ни одного человека, может ли земля быть обуздана и сломлена для этой цели, не доказано (...)

Трудно избежать ощущения совершенства, когда звезды движутся в широких ясных небесах к восходу и закату ничем не закрытые. Они выглядят большими, близкими и мигающими, как будто они движутся на какой-то величавой службе, которую нет необходимости объявлять. Катясь к своим позициям в небе, они делают волнение бедного мира не имеющим значения. Не имеете значения ни вы, который лежит там наблюдая, ни худощавый койот, что стоит в стороне от всех за кустом и завывает, и завывает».

Энос Миллс, писатель дикой природы и яркий американский природоохранник, известен тем, что он практически в одиночку добился в 1915 году создания национального парка Роки Маунтинс. Он был дружен с пионером заповедного дела США писателем дикой природы Джоном Мьюиром и часто говорил ему: «Если Вы напишете еще одну или две книги, они помогут нашему делу так, что Вы и представить не можете» (Brooks, 1983).

В своем эссе «Мир без огнестрельного оружия» Миллс выразил свою веру в духовное влияние дикой природы на человечество: «Леса земли — это флаги Природы. Они обращаются к нам и пробуждают вдохновение. Войдите в лес и вы забудете про нации. Может быть, однажды сосна станет флагом объединенного и мирного мира» (Brooks, 1983).

Книги Эноса Миллса и других американских писателей дикой природы приучили американцев к тому, что национальные парки стали для них такими же нравственными ценностями, как Статуя Свободы или купол Вашингтонского Капитолия. Они обладают особым высшим качеством. Поэтому любые нападки на национальные парки в США воспринимаются не просто как оскорбление природоохраны, а как оскорбление американского общества в целом. Недаром тот же Э. Миллс писал: «Заповедники предотвращают нарушение законов лучше, чем полиция, лечат с большим успехом, чем врачи, дают больше идей, чем доклады на моральную тему, образуют больше, чем школа...

Наибольшее богатство народа есть то, что дает ему крепость и вдохновение вести себя достойно. А этим самым и есть первичная красота и дикая величественность земли, на которой мы живем» (Цит. по: Борейко, 2000).

Недаром национальные парки в США стали не только местом религиозного искупления, но и национальным обновлением, критически важным для создания нации, памятником американскому прошлому и страховым полюсом для защиты будущего. Защищать дикую природу вполне реально стало означать в США защищать миф о происхождении нации. А в соседней Канаде национальные парки занимают по опросам третье место среди символов государства после флага и гимна Канады.

Генри Осборн был известным американским ученым-зоологом. В первое десятилетие 20 века он возглавлял Нью-Йоркское зоологическое общество и Американский музей естествознания. Он одним из первых в США высказал идею о признании ценностей дикой природы как части человеческой культуры: «Мы уже не уничтожаем произведений искусства, ...но мы должны еще добиться такого состояния нашей цивилизации, когда уничтожение великолепных произведений Природы, будь то скала, лес, или любой вид животного или растения, будет считаться столь же недопустимым» (Цит. по: Brooks, 1983). А относительно стоимости охраны природы он отмечал, что «инвестиция в охрану животных будет меньше стоимости одного единственного военного корабля, который к тому же быстро устареет» (Цит. по: Brooks, 1983).

В первое десятилетие 20-го века заявил о себе известный канадский художник и писатель дикой природы Эрнест Сетон-Томпсон. Его считают изобретателем первого в мире «рассказа о животных». Он родился в Англии в 1860г. и через 6 лет его семья переехала в Америку.

«Мы были на Великих Равнинах Соуриса, и хотя до этого мы и встречали много птиц, теперь их кажется в десять раз больше... Там были небольшие стаи коричневых журавлей и редкие пары белых-белых — грациозные создания, которые трубили в небе, иногда три или четыре журавля танцевали в прерии прекрасный менуэт, хлопая крыльями, кланяясь и кружась друг вокруг друга... Дикая гуси летели длинной лентой или в форме буквы V». *(Brooks, 1983)*

Одно время Э. Сетон-Томпсон был охотником, но однажды, убив лося, писатель почувствовал угрызение совести: «Но другие мысли обуревали меня, когда я смотрел на это превосходное животное, которое превратилось в тушу для мясника ради проходящего момента триумфа. Я чувствовал угрызение совести и принес клятву, которую соблюдаю донныне — до тех пор, пока охотничьи звери находят-ся на грани уничтожения — я никогда не направлю на них ружье...» (Цит. по: Brooks, 1983).

В другом своем рассказе Сетон-Томпсон вопрошал: «Имеют ли дикие животные легальные и моральные права? Какое право имеет человек причинять длительные и страшные страдания братскому существу только потому, что оно не говорит на нашем языке?» (Brooks, 1983). Сетон-Томпсон создал лигу лесоведения, чтобы молодежь изучала и охраняла животных.

Еще радикальнее против спортивной охоты выступил его молодой коллега, американский писатель дикой природы Уильям Лонг, работавший пастором церкви в Коннектикуте и учившийся в Гарварде. Он напал на самого Президента США Теодора Рузвельта, который был известен своими охотничьими пристрастиями. Лонг спрашивал, что же это за человек, «который с улюлюканьем несется по лесу, стреляя во все, что видит... Каждый раз, когда мистер Рузвельт приближается к сердцу дикого животного, он всаживает в него пулю...» (Brooks, 1983).

В 1930–1940-х годах в США появился новый писатель дикой природы, кардинально отличавшийся от всех предыдущих. Масштабные экологические знания он гармонично соединял с глубокой философичностью и большим талантом прозаика. Его классический труд — сборник эссе под названием «Календарь песчаного графства» в 1980-х годах стал самой популярной книгой американских природоохранников и гордо назван ими «Священным манускриптом американской природоохраны». Хотя при жизни О. Леопольд не смог ее опубликовать — издатели считали его книгу неинтересной и бесполезной.

Несколько эссе в этом сборнике объединены под общим названием «Дикая природа».

«Дикая природа, — писал О. Леопольд, — это сырье, из которого человек выковал изделие, именуемое цивилизацией. Дикая природа никогда не была однородным сырьем. Она крайне разнообразна, а потому и разнообразны и изделия из нее. Эти различия в конечном продукте именуется культурами. Богатейшее разнообразие мировых культур отражает разнообразие породившей их дикой природы (...).

...Еще сохранившиеся участки дикой природы, и большие и маленькие, очень ценны, как контрольная норма для науки о земле. Отдых и развлечения — это не единственная и даже не главная польза, которую они могут принести (...). Можно и нужно сохранять эту систему заповедных территорий, тем более это экономическая ценность большинства их очень мала или равна нулю. Существуют, конечно, возражения, что для этого не нужно принимать никаких мер: значительные территории, мол, сохраняются сами собой. Но история последнего времени опровергает столь утешительное самовнушение (...).

Дикая природа — это ресурс, который истощается, но не восстанавливается. Можно прекратить вторжение в нее или ограничить использование данного участка, предоставив его либо для отдыха и развлечений, либо для науки, либо для диких животных, но создать заново нетронутую глушь, в полном смысле этого слова, невозможно. Отсюда следует, что любая программа охраны или восстановления дикой природы — это арьергардный бой в попытке свести потери при отступлении до минимума.

Общество защиты дикой природы было организовано в 1935 году «с единственной целью — спасти остатки необжитой глуши в Америке». Сьерра-клуб трудится ради того же. Однако горстка таких обществ ничего не решает, как не достаточно и того, что Конгресс принял Закон о сохранении дикой природы. Если у добровольных обществ не будет единомышленников в каждом бюро охраны природы, они не смогут вовремя узнавать о новых в нее вторжениях. И необходимо, чтобы отряд активных любителей природы нес бдительную охрану по всей стране, оставаясь в постоянной готовности для решительных действий.

В Европе, где дикая природа отступила в Карпаты и в Сибирь, все мыслящие сторонники ее сохранения оплакивают эту потерю».
(Леопольд, 1980)

Писатель одним из первых стал указывать на важность защиты свободы дикой природы. Его афоризм «чего стоят сорок свобод без единого белого пятна на карте», стал одним из любимых у современных защитников свободной природы.

Леопольд призывал людей учиться воспринимать красоту дикой природы: «Наша способность воспринимать красоту в природе, как и в искусстве, вначале ограничивается красотостью. Мало-помалу, поднимаясь с одной ступени красоты на другую, мы постигаем высшие ценности, для которых в языке еще нет слов. И красота журавлей, по-моему, заключена именно в этих высших качествах, пока недоступных словам» (Леопольд, 1980). Хорошо известен и другой его афоризм: «Вещь является правильной, если она стремится к целостности, стабильности и красоте биотического сообщества. Она является неправильной, если стремится к противоположному» (Цит. по: This incomperable... 1991).

Он говорил, что мы не можем любить журавлей и ненавидеть болота. Само болото теперь превращается из «пустоши», богом забытой комариной глухомани в место дивной красоты.

В это же время, в соседней с США стране — в Канаде, плодотворно трудился другой известный писатель — Серая Сова (Джордж Стефани Белани). Многие его книги — «Саджо и ее бобры», «Серая сова», «Рассказы опустевшей хижины» были очень популярны на североамериканском континенте, а в 1970-х годах опубликованы в Советском Союзе.

«Чем дольше человек живет в глуши леса, тем больше и больше он любит Дикую Природу во всем ее многообразии. В конце концов ему становится неприятным охотиться, и если необходимость заставляет его убить, он делает это с чувством сознания своей вины (...).

Человек, долго проживший в лесу, познавший его тайны и очарованный его прелестью, невольно будет проявлять внимание ко всему живому, что окружает его, у него появится чувство ответственности перед ним, и, прокладывая себе тропу, он будет стараться не топтать цветы (...).

И пусть никто не смотрит жадными глазами на уцелевшие еще в Канаде массивы первобытного леса, потому что лес будет быстро уничтожен, если только дать волю коммерсантам.

Говорят, все живое создано для того, чтобы служить человеку. Но так ли это? Рабство уже вышло из моды, и никто не станет утверждать, что сосновые шишки зреют специально для белок, а олени живут лишь для того, чтобы волки были сыты».

(СЕРАЯ СОВА, 2002)

Серая Сова жил среди индейцев, впитав их экологическую языческую мудрость, и проповедовал ее своим читателям. Он также активно выступал в прессе, с лекциями среди местных жителей. Благодаря ему, в Канаде был издан строгий закон по охране бобров и заповеданы места их обитания.

К оригинальным американским писателям-язычникам дикой природы можно отнести Сизтла, одного из вождей североамериканских индейцев, опубликованная речь которого заслуженно считается одним из наиболее ярких выступлений в защиту дикой природы:

«Для моего народа каждая пядь земли священна. Каждая сверкающая еловая шишка, каждый песчаный берег, каждый клочок тумана в темном лесу, каждая поляна и каждая жужжащая мошка — все они святы для памяти и чувств моего народа (...) Мы — часть этой земли, и она часть нас самих. Душистые цветы — наши сестры, олень, конь, большой орел — наши братья. Горные вершины, сочные луга, теплое тело мустанга и человек — все они одна семья».

(Сизтл, 2003)

Идеи Сизтла в 1970 г. развила Вайн Делория — индейская писательница из племени сиу. В своих книгах «Костер умирает за свои грехи», «Мы говорим, вы слушаете», «Цвет бога — красный» она защищала права индейцев и права дикой природы и предсказывала, что эти идеи «разрушат ценностную систему страны» (Нэш, 2001).

Середина — конец 20 века ознаменовались в США очередным мощным всплеском идей о дикой природе, виной чему явилось новое поколение писателей дикой природы, продолжавших традиции выдающихся американских экофилософов — трансценденталистов Ральфа Эмерсона и Генри Торо.

Так, экофилософ Роджер Пейден предлагает рассматривать дикую природу как трансцендентальную сущность, когда вера в идею дикой природы становится необходимым условием существования морали. Тогда дикая природа стала бы для людей «священным местом, где человеческие существа могли бы выйти за пределы ограниченной повседневной жизни и обновиться благодаря контакту с созидательной силой» (Paden, 1992).

Учиться почитать природу по Пейдену, значит учиться помнить и признавать некоторые моральные принципы — справедливость, благожелательность, рациональность и автономию. Именно они определяют наше моральное поведение по отношению к дикой природе. Принцип справедливости требует, чтобы мы действовали справедливо, отстаивая интересы всех ее частей. Принцип благожелательности предлагает признавать и увеличивать общую ценность в дикой природе. Принципы рациональности и автономии требуют избегать принудительно или обманным способом навязывать свою волю дикой природе и уважать автономию дикой природы и способность диких видов живых существ самим определять ход их собственных жизней (Paden, 1992).

Холмс Ролстон III, современный американский экофилософ, эссеист, лауреат премии Джона Темплтона считает, что дикость — одна из главных ценностей дикой природы:

«Нам нравится природное смешение последовательности и свободы, где слово «дикий» созвучно слову «свободный», где свободной может быть дикая река или ястреб в небе. Своим великолепием, непокорностью и загадочностью само слово «дикий» является одним из наших важнейших слов, определяющих ценность. Попросту говоря, в диких объектах мы находим смысл (...) Дикая природа имеет автономию, которой нет в искусстве. И мы должны предоставить ей возможность следовать своим путем, оставив ее в покое. Также нам следует принимать во внимание ценности, которые не мы создали (...).

Что до меня, то я считаю жизнь морально атрофированной, когда уважение природного и дикого отсутствуют. Никто не может считаться человеком с моралью, если не уважает целостность и достоинство того, что мы называем дикой природой (...) Дикая природа — это странное место, где наши условные ценности идут вразрез с действительностью. Здесь мы познаем, насколько относительны и существенны основные правила нашей цивилизации. Дикой природе неизвестна моя шкала культурных норм. В дикой природе нет времени дня: здесь нет 10 часов пополудни, нет вторника или июля. Здесь нет футов, метров, миль, широты, долготы и высоты. Здесь нет английского и немецкого, литературы или культурных бесед. Здесь нет места словам и числам, и даже мы их здесь считаем чем-то лишним. Мы оставляем деньги в машине и погружаемся в совершенно иной мир. Здесь нет произведений искусства, писанных законов или полиции — благодаря всему этому границы, постановления и лесники так дисгармоничны с природой. В дикой природе нет капитализма и социализма, демократии и монархии, науки и религии (...) Здесь порядок пропорционален хаосу, здесь нестабильность управляет стабильностью, тепло чередуется с холодом, здесь есть величие и борьба, и одинокому путешественнику здесь будут открыты ценности, которые культура не может дать (...) В дикой природе время смешивается с вечностью ... Дикая природа — это то, что развивается самостоятельно и не нуждается в подсказке со стороны».

(Цит. по: Борейко, 2004)

«В чем мы действительно нуждаемся, — считает автор, — так это в чем-то наподобие декларации свободы для сохранившейся дикой природы; такой документ может быть подписан с полной уверенностью в том, что выгоды для освободителей превысят их затраты; в добавление к выгодам для освобожденных (как это оказалось справедливым в случае с Освободительным воззванием 1863 года). Это призыв к людям уважать полноту жизни (бывшую когда-то столь обширной и столь быстро исчезающую теперь), окружающую нас в мире дикой природы.

Могут ли люди получить что-либо действительно стоящее, эксплуатируя разобщенные остатки дикой природы? Какая прибыль в том, чтобы завоевать весь мир только для того, чтобы потерять его — завоевать экономически, чтобы потерять с научной, эстетической, рекреационной, религиозной точек зрения, утратить его, как страну чудес естественной истории, как царство интегральной дикости, которая превосходит и поддерживает нас, и, быть может, потерять в этой сделке часть своей души?».

(ROLSTON, 1992)

С мыслями Холмса Ролстона Ш созвучны стихи, которые написал современный американский поэт Гарри Лоулесс.

Живет он в штате Мэн, является преподавателем и совладельцем книжного магазина. Книги его стихов издаются в США и Италии.

ОСТРОВА РОЙЯЛ *(фрагменты)*

И каждым прекрасным утром мира

Я предпочитаю туман,

Я предпочитаю волка,

Я снова учусь ходить пешком

По мху с лососями сквозь

Воду в воздухе,

Воду под ногами,

Дыша дыханием мира

Каждым прекрасным утром.

Ничего кроме лосиных троп в легкой дымке,

Кроме сегодняшнего тумана и ветра,

Деревьев на фоне неба.

Я хочу исчезнуть в туче,

Прокладывая свой путь в солнечном свете,

Следовать за лосем

По его тропам в лесах,

Чтобы добраться до мест, где волки

Отдыхают на горном кряже, среди нас,

Где сердце бродит по свободе.

ХОРОШИЕ НОВОСТИ

Дороги пропадают из виду,

И олень пробивается через чашу,

Бобр, которому все это надоело,
Разбивает лед, хватая за ноги ловца,
Сбивает с ног, опрокидывает его.
Волки возвращаются,
Окружают государственное учреждение,
Рычат на спортивных комментаторов,
Мочатся на телевидение.
Повсюду растут деревья.
Машины остановились.
Воздух полон пения птиц.

(Стихи..., 2001)

Эдвин Бернбаум — современный американский природоохранник, альпинист и культуролог, автор популярной книги «Священные горы мира».

«Когда мы думаем о горном пике, — пишет Бернбаум, — мы обычно представляем себе его, как парадигму дикой природы в ее самой дикой и чистой форме — духовно возвышающуюся область лесов, потоков, скал и снегов, неиспорченную трудами человека (...). В отличие от джунглей и пустынь, двух других характеристик природного ландшафта, которые воплощают мощные образы дикой природы, высоты гор нельзя вырубить или заставить цвести, преобразовывать в города или земли ферм (...).

Силы неприрученной природы — ветер, облака, шторм и холод — находят свое наиболее сильное выражение на вершинах гор, наделяя высоты аурой дикой природы в ее наиболее экстремальном и не нарушаемом состоянии. Хотя, возможно, мы не сохранили концепцию божественности 19 столетия, многие из нас унаследовали взгляд Рескина на горы как дикие стены Рая, величественные в смысле внушаемого ими благоговения.

Рассматривается ли она как сад Эдема или как более суровая, аскетическая область, дикая природа функционирует для многих как священное место, отделенное от мирской территории повседневной жизни. Там, вдали от цивилизованного мира, лежит таинственная область Совершенно Иного, управляемая природными силами, недостижимыми для человеческого контроля.

Раскрывая себя для этих сил, энтузиасты дикой природы стремятся пробудить чувство священного, которое дает им возможность выйти за пределы их обычных занятий и познать на короткое время вкус более постоянной реальности. Подобно саду Эдема, дикие места сохраняют для них первозданную чистоту творения, священное пространство, которое остается неоскверненным человеком». *(Цит. по: Борейко, 2004)*

Писатель анализирует чувство священного, которое вызывает дикая природа:

«Притягательность и магия дикой природы — сущность того, что делает ее такой особенно привлекательной, происходит от чувства священного, которое она вызывает. Есть нечто фундаментальное в самом священном, том, как оно избегает всех наших попыток контролировать и одомашнивать его. Подобно недоступной вершине отдаленного пика, оно лежит за пределами нашей досягаемости, свободным от ограничений любого искусственного порядка, которые мы пытались бы навязать ему.

Его закон — это его собственный закон, а не наш (...). Нас привлекает именно аура тайны, чего-то за пределами нашего кругозора. Мы тянемся к именно священному, потому что оно является непознаваемым, чем-то, что остается таинственным, даже если мы находимся в его присутствии (...).

Горы являются местом встречи человека с Богом, местом встречи священного и профанного, местом священной власти и вдохновения». *(Цит. по: Борейко, 2004)*

Бернбаум полагает, что если только чувство священного «поощряет нас почитать вещи, как ценные сами по себе (то есть дикую природу, как ценную саму по себе — В.Б.), а не как средства достижения других целей, какими бы благородными или возвышенными они не были, то пробуждение чувства священного обеспечит нам прочное основание для усилий по сохранению редких животных и растений, других объектов природы» (Цит. по: Борейко, 2004).

Известный американский природоохранник середины 20 века Дэвид Броуэр оставил после себя несколько ярких фраз, которые нельзя не привести.

Скажем, что такое дикая природа? Броуэр дает такой ответ: «Дикая природа — это место, где вы можете насладиться красотой, где вы можете отправиться в путь пешком, и где ваш девятилетний сын Боб спросит: «Живут ли люди за теми горами?» и вы ответите «нет» и разделите его удовлетворение — это хорошо!».

Другой его афоризм в защиту свободной природы звучит следующим образом: «Дикая природа, которой мы обладаем сегодня, является всей природой, которую мы и все другие поколения будем иметь» (Цит. по: Борейко, 2004).

Современный американский географ Линда Грэбер написала небольшую книгу «Дикая природа как священное пространство», разлив взгляды своих предшественников-трансценденталистов Р. Эмерсона, Г. Торо и Дж. Мюира:

«Почему энтузиазм вокруг природы носит этот таинственно религиозный оттенок? Многие современные американцы к дикой природе относятся так, как будто она своего рода святое пространство. Почему в качестве святых мест мы выбрали не города или могилы героев, а дикую природу?», — спрашивает Грэбер и сама же отвечает: «Аксиомой этики дикой природы является то, что дикая природа — это проявление «Совершенно Иного», отличного от человека, и которое, в связи с этим, необходимо ценить (...) Человек — создание светское: святая сила, проявляемая в дикой природе, отходит на второй план в присутствии других людей и их «произведений» (...) На человека дикая природа оказывает гипнотический эффект (в метафизическом смысле), который способствует контакту со святой силой (...) Когда истинный поклонник дикой природы оказывается среди дикой природы, он старается испытать религиозные ощущения, пытаясь «покинуть» свой обычный мир, себя и манеру восприятия». *(ГРЭБЕР, 1999)*

Великая заслуга Линды Грэбер в том, что впервые в западной традиции она определила дикую природу как Совершенно Иное, за что мы и должны ценить, уважать и защищать свободную природу.

Современный американский экофилософ Томас Бирч задался вопросом: что движет человеком, когда он истребляет дикую природу?

«Мы находимся в состоянии войны с каждым и всяким Иным. Это является основной доктриной западной идеологии империализма. Таким образом, на практике Иное и Иные должны быть притеснены или, когда надо, истреблены. Западная культура боится, не любит дикой природы. Она относится к дикости как к Иному, противоположному, не подчиняющемуся закону и, следовательно, иррациональному, преступному, незаконному, безумному (как медведь гризли). Но Иное, если желает остаться Иным, не может вести себя иначе. По отношению к другой личности, обществу, цивилизации и т.д. оно должно сопротивляться, защищая свою подлинность. Иное не может по существу являться тем, что определяют, анализируют, понимают, оно должно быть и оставаться Иным.

Поддержка Иного предполагает прежде всего защиту свободы этого Иного, которая дает возможность абсолютной спонтанности и способствует появлению новизны...»

(Бирч, 2002)

С Томасом Бирчем согласен другой современный американский писатель дикой природы — Э. Кау. Он призывает к сопротивлению имперским замашкам человека поработить и контролировать дикую природу: «Это сопротивление основано и на еще более глубокой моральной решимости и убежденности: олени сами по себе такие же члены морального и природного сообщества. Олени и я — мы партнеры в продолжающейся борьбе за сохранение автономии, свободы и целостности. Это общее партнерство создает обязанности перед человечеством сохранять и защищать природный мир. Это и есть зов дикой природы — моральный призыв, моральное требование мира природы» (Кау, 2003).

Роберт Маршалл — выдающийся американский природоохранник 1930-х годов. Он вместе с Олдо Леопольдом являлся архитектором движения за охрану дикой природы США. К сожалению, он не прожил и 40 лет, однако успел сформулировать несколько крылатых фраз, стоящих многих книг о дикой природе. Вот они: «В борьбе с титанической амбицией цивилизации относительно покорения природы на всей земле у нас осталась лишь одна надежда. Этой надеждой является организация одухотворенных людей, сражающихся за свободу дикой природы». И вторая: как то Маршалла спросили: «Сколько территорий дикой природы нам нужно?» На что он ответил: «А сколько нам требуется симфоний Брамса?» (Цит. по: Борейко, 2004).

Говоря о посещении участков дикой природы, он как-то заметил: «Есть некоторые вещи, которыми нельзя наслаждаться каждому. Если каждый пытается наслаждаться ими, никто не получит никакого от них удовольствия» (Цит. по: Waterman, 2000). Читая страницу за страницей его «Арктическую дикую природу», мы ощущаем то чувство экзальтации, которое овладевает человеком в девственном лесу или горах.

«Я провел более трех ярких часов на вершине континента, разглядывая по всем сторонам мили дикой природы, в которой, как я знал, не было ни одного человека... Это знание и чувство независимости, которое оно придавало, было вторичным по отношению к ощущению совершенной красоты пейзажа. Первое время на вершине я предавался радости, которую может испытать кто-то, слушая Пятую симфонию Бетховена... Каждая гора была покрыта снегом, каждая вершина показывала ясный белый край на чистом голубом фоне. Почти все в жизни кажется немного смазанным и туманным вокруг краев, в ней так мало абсолютного, что испытываешь подлинное удовлетворение, глядя на безупречную белизну вершины и голубизну неба, и на острую как лезвие границу между ними. Это чудесно».

(BROOKS, 1983)

Возможно, одним из самых значительных открытий Боба Маршалла в Северной Аляске было изучение влияния дикой природы на человеческое счастье. По его мнению эскимосы, живущие там, были самыми счастливыми на земле.

С огромным пиететом о дикой природе пустынь США писал в середине 20 века Джозеф Кратч. Две его классические книги «Год пустыни» и «Голос пустыни: натуралистическая интерпретация» стали гимном дикой природы американских пустынь.

«Некоторым пустыня кажется отвратительной и даже пугающей... Ее пейзаж в целом и отдельные растения выглядят гротескными, но совсем не уродливыми. Конечно, полуостров не является милым в обычном значении этого слова, но и самые великие произведения искусства тоже нельзя назвать милыми. Но он вызывает благоговение и может для многих обладать чем-то совершенно другим, что мы называем «очарованием». Как только начинаешь понимать, что странность — это не просто странность, и что ненормальность растений пустыни что-то и означает, то перестаешь думать о них как о странности. Наоборот, начинаешь их воспринимать как пример того, что ранее называлось «проявлением мудрости Бога в Его созданиях».

(Brooks, 1983).

Кратч был профессором литературы и популярным театральным критиком. Побывав в 1952 г. в пустыне Аризоны, он проникся идеей дикой природы: «Вера в дикость, или в природу как творческую силу, имеет большое, возможно, самое большое значение для нашего будущего. Это — философия, вера; это даже, если хотите, религия. Она выражает наше глубинное доверие не к человеческому интеллекту, а к силе, создавшей человеческий интеллект, которая, в конце концов, лучше чем мы решит наши проблемы» (Цит. по: This incomperable..., 1991).

Эту тему продолжили Ф. Доби «Голос койота» и Э. Перкинс — «Белое сердце Моджавы: приключения под открытым небом пустыни», А. Цвингер «Ветер в скалах: каньоны юго-восточной Юты», Т. Уильямс — «Убежище», Р. Бэнхэм — «Пустыня, истерзанная человеком», Д. Кэннэл-Смит — «Время пустыни».

По мнению Кратча, дикая природа и идея дикой природы всегда являлись извечным магнитом для человеческого духа. В своих статьях и книгах Кратч популяризировал идеи Олдо Леопольда, считая его величайшим природоохранником мира. Кратч жестко критиковал любительскую охоту, он объявил, что «беспричинное убийство животного от беспричинного убийства человека отличается лишь степенью» (Цит. по: Нэш, 2001).

Большую часть своей жизни Кратч проработал профессором в университете Колумбии, его статьи по современной истории были оценены А. Эйнштейном и А. Хаксли. В 37 лет Кратч прочитал Торо, который произвел на него неизгладимое впечатление. Он один из первых написал биографию Г. Торо, где попытался объяснить его пионерные взгляды на дикую природу.

Родерик Нэш, современный американский историк, является культовой фигурой в американском природоохранном движении. Его книга «Дикая природа и американский разум» стала одним из бестселлеров США в 20 веке, и уже выдержала с десяток переизданий. По индексу цитирования она занимает одно из первых мест наряду со сборником эссе Олдо Леопольда «Календарь песчаного графства».

Проанализировав культ дикой природы в США с исторических и культурологических позиций, Нэш сделал вывод, что к середине 20 века дикая природа стала считаться в США центральным символом американской национальности (Нэш, 2001).

Собрав воедино сотни высказываний в защиту дикой природы американских писателей, философов, путешественников, художников, поэтов, природоохранников и политических деятелей на протяжении последних полутора веков и прокомментировав их, Нэш создал впечатляющее историко-философское полотно развития американской природоохранной идеологии и практики. Как историк, Родерик Нэш дает такой прогноз о будущем дикой природы: «Участки дикой природы в будущем больше не будут существовать по воле случая или по недосмотру. Дикие земли останутся дикими только в результате заранее обдуманного решения. Времена, когда отдельные участки дикой природы были никому не нужны, пройдут» (Нэш, 2001).

В своем эссе, опубликованном в 1991 г., Родерик Нэш развивает тему дикой природы будущего. Он мечтает, что в 2992 г. человечество будет проживать сосредоточено в пяти сотнях мест обитания. «Каждое из таких мест будет естественным образом включать источники питания, материальное производство и генерирование энергии. На обширных пространствах между этими человеческими зонами проживания будет среда обитания других видов. К 2992 г. большую часть планеты вернут к первобытным условиям дикой природы. Человечество и творения его рук, не подавляя природы, займут небольшие ниши посреди бесконечной дикой экосистемы. Вместо островов более или менее нетронутой природы в матрице цивилизации, как сейчас, мы будем иметь Островную цивилизацию (...) Чтобы лучше понять, что я имею ввиду, вспомните, что по состоянию на 1992 г. под охраняемые территории отведено законом не более 2% территории смежных 48 штатов. В 2992 г. это соотношение будет обратным: Островной цивилизации потребуется 2% американской почвы» (Цит. по: Wild..., 2002).

Вместе с тем Нэш не уверен, что Островная цивилизация обязательно будет создана реформаторским путем.

«Достаточно заметить, что если пути реформ окажутся неэффективными, то радикальный вариант применения силы или революции станет все более целесообразным, особенно населению Земли, шокированному и перепуганному первыми признаками экологической катастрофы. В конце концов, сколько уже раз в истории человечества насилие оказывалось средством изменения парадигмы! Кто-нибудь может вспомнить Американскую революцию и Гражданскую войну. Движение аболиционистов привело к насильственному решению проблемы рабства в США. Борцы за охрану природы подобным же образом могут обосновать применение силы для освобождения природы» (Цит. по: Wild..., 2002).

Гарри Снайдер — современный американский поэт, лауреат престижной Пулитцеровской премии, автор 14 книг поэзии и прозы в защиту дикой природы. Его книга «Черепаший остров» принесла ему мировую славу. Снайдер побуждает своих читателей учиться экологической мудрости у американских туземцев:

Эта живая текущая Земля,
Это все, что существует навсегда.
Мы — это она.
Она поет через нас.
Мы могли жить на этой Земле
Без одежды и инструментов!

Цивилизация у поэта характеризуется как распространяющийся рак, уничтожающий дикую природу и вызванный вирусом денег.

В воскресенье четырехколесный джип
Компании по недвижимости привозит
Землемеров, проектировщиков,
Они говорят Земле:
«Раздвинь свои ноги...»

(Цит. по: БОРЕЙКО, 2004)

И Япония уклоняется от ответа на вопрос о том,
Какого рода китов они могут убивать!
Когда-то великая буддийская нация
Сливает метиловую ртуть
Как гонорею,
В море.

(Цит. по: OELSCHLAEGER, 1991)

По мнению Снайдера, пора произвести переоценку ценностей, вернувшись к древним понятиям. Дикая природа — одновременно хорошая и священная: «понятия Хороший (способствующий существованию множества жизней), Дикий (естественный, природный) и, наконец, Священный в действительности оказываются едиными (...) Хорошее, дикое и священное не могут быть разделены и находиться на расстоянии друг от друга» (Снайдер, 2002).

Снайдер приводит синтоистскую заповедь о сохранении священных уголков дикой природы: «Никогда не режьте ничего, никогда не возводите ничего, не утверждайте, никогда не выясняйте ничего в святых природных местах, добираясь до научной истины, и не разбирайте, не формируйте ничего по той же причине. Не охотьтесь, не ловите рыбу, не прореживайте лес, не поджигайте и не тушите горящее» (Снайдер, 2002).

В своих книгах Гарри Снайдер призывает: «Мы благословлены небольшим остатком дикой природы, наследием, которое необходимо сохранять для народов всего мира (...).

Девственный

Лес;

Древний;

Чистый;

Крепкий;

Достигший высоты

(Цит. по: Борейко, 2004)

По мнению писателя, известный лозунг «Власть людям» нужно перефразировать на «Власть всем людям», включив в понятие людей всех летающих, ползающих и плавающих диких живых существ. Иначе «они восстанут против нас, как американские колонисты против британского правительства» (Цит. по: Борейко, 2004).

Таким образом, вахтой Гарри Снайдера стала дикая природа, идеологией — глубинная экология, оружием — проза и стихи.

Уоллес Стегнер — современный американский писатель, он стал знаменитым благодаря совсем небольшому эссе, названному им как «Письмо о дикой природе» (1960).

«Я хочу выступить в защиту идеи дикой природы как явления, которое помогло сформироваться нашему характеру и которое, несомненно, оказало решающее влияние на эволюцию рода человеческого. Как источник духовных и физических сил, дикая природа ценна не более чем религия или сила воли, оптимизм и экспансивность того, что ученые-историки называют «американской идеей (...) С исчезновением дикой природы мы все обречены (...) Ради ее сохранения мы должны задействовать механизмы, основанные на соображениях, которые не вытекают из возможностей ее использования, «пользы» или даже отношения к ней как к источнику новых духовных и физических сил. Нам просто не выжить без дикой природы...».

(СТЕГНЕР, 2002)

По мнению писателя, «мы, безусловно, лишимся многого как нация, если дадим умереть дикой природе».

«Мы потеряем часть самих себя как люди, если позволим уничтожить еще сохранившиеся островки нетронутой природы; если позволим превратить последние девственные леса в комиксы для детей и пластмассовые пачки из под сигарет; если загоним последних представителей дикой природы в зоопарки или вообще выживем их с этого света; если отравим последний глоток чистого воздуха и загадим последний чистый ручей и проложим асфальтовые полотна дорог, изгнав тишину из нашего дома, чтобы навеки американцы оказались в плену шума, выхлопных газов, людской вони и зловония машин. Чтобы не осталось у нас ни единого шанса остаться вновь наедине с нашим собственным сердцем, выпрямиться в полный рост и ощутить себя личностью, частью окружающего нас мира деревьев, скал и земли, братом других животных, частью природы, полноправным ее членом. С исчезновением дикой природы мы все становимся обречены, без единого шанса на минуту раздумья и отдыха, на бешенную гонку по нашему технократическому муравейнику... Нам нужно сохранить дикую природу столько, сколько ее еще осталось, ибо это есть вызов, приняв который когда-то мы смогли стать людьми».

(СТЕГНЕР, 2002)

Писатель назвал дикую природу «частью великого материка надежды». Уоллес Стегнер является также автором широко известного афоризма: «лучше раненая дикая природа, чем вообще никакая» (Цит. по: Борейко, 2004).

По его мнению, из дикой природы вышли Христос и другие пророки.

Стегнер призывал своих соотечественников научиться видеть красоту дикой природы: пустыни, болота, прерии: «Вы должны забыть связывать красоту природы лишь с садами и лужайками» (Цит. по: Literatur..., 1998).

Как мы видим, американские писатели дикой природы значительно расширили наше ценностное восприятие свободной природы: мы уже говорим не только об эстетической, экологической или религиозной ценностях, но и о патриотической, культурной, символической, духовной ценностях, ценности свободы.

Джек Тернер — современный американский писатель дикой природы и экофилософ. Будучи профессором Корнельского университета, он оставил научную и преподавательскую работу, подавшись в дикую природу и устроившись гидом в национальном парке Гранд Тетон. Автор нашумевшей книги «Абстрактное дикое» (1996), в русском переводе — «Дикость и дикая природа».

Тернер, как Формэн и Эбби принадлежит к современному поколению американских писателей дикой природы, стоящих на радикальных позициях. Многие его идеи буквально взрывают разум, вызывая бурю негодования у тех природоохранников, которые привыкли относиться к дикой природе как к ресурсу или только как к экологической системе.

«Почему бы не выделять обширные области дикой природы, где мы ограничиваем все формы человеческого вмешательства: никаких природоохранных стратегий, никакой спроектированной области дикой природы, никаких дорог, никаких троп, никакого спутникового наблюдения, никаких полетов на вертолетах, никаких новейших радиопередатчиков, никаких измерительных приборов, никаких фотографий, данных глобальной системы навигации, никаких баз данных, наполненных сведениями о местоположении каждой грани вершины горы, никаких путеводителей, никаких топографических карт. Пусть любая среда обитания, которую мы можем сохранить, как можно больше вернется к собственному порядку. Пусть область дикой природы снова станет белым пятном на наших картах».

(ТЕРНЕР, 2003)

Тернер остро критикует современные американские национальные парки, где главные принципы работы — контроль над дикой природой, управление дикой природой и организация отдыха для людей, а отнюдь не защита свободы дикой природы. Такая контролируемая дикая природа, по его мнению, фикция.

«Мы не можем сохранять дикую природу, как сохраняют клубнику — собранную, сваренную и закрытую в банки. Сохранять дикую природу — означает сохранять ее автономию и свободу» (Тернер, 2004).

Тернер критикует современный прагматический подход в природоохране: «Для меня эта новая «этика» охраны природы (основанная на экономике — В.Б.) отдает цинизмом. Как будто не сумев убедить и уговорить свою любимую, вы внезапно переключаетесь на наличные. Новые экономические сторонники охраны природы думают, что они являются рациональными; я думаю, они относятся к матери-природе как к публичному дому... Я верю, что классическая экономическая теория и все теории, которые они предполагают, разрушают волшебное кольцо жизни» (Тернер, 2003).

Тернер посягнул даже на биологическую науку, которая для многих современных экологов является «святая святых».

«Любое знание имеет свою тень. Прогресс биологических знаний о природе одновременно продвигает вперед процесс нормализации и контроля, который вызывает эрозию дикости, той дикости, что возникает из собственного порядка природы, являющегося смыслом заповедания. В ядре современного объединения заповедания и биологической науки ... лежит противоречие» (Тернер, 2003).

Тернер уверен, что человечеству нужна новая экологическая мораль, основанная не на контроле над дикой природой, а на защите ее свободы, естественности, хаоса и путаницы. Очень важно, по мнению Тернера, сохранить ауру дикой природы — «речь идет о сохранении этого эффекта колдовской силы присутствия — ландшафта, произведения искусства, флоры, фауны. Это гораздо сложнее, чем просто сохранить физические места обитания или отдельные виды (...)... потеря ауры и эффекта присутствия и является той главной причиной, почему мы теряем так много дикой природы (...). Без ауры, без естественной, нетронутой природы, без магии, духа, святости, божественного присутствия, без души, наконец, — мы относимся к флоре, фауне, искусству, ландшафту, ресурсам как к развлечению, забаве. Их важность для нас — только дань текущей моде» (Тернер, 2003).

Эдвин Вей Тиле родился в 1899 г. в Джоллет, штат Иллинойс. Еще мальчиком исследовал дикую природу Индианы. Начав с описаний насекомых, в середине 1950-х переключился на дикую природу, написав книги «Потерянные леса» (1945), «Север с весной» (1951), «Мир дикой природы» (1954), «Осень через всю Америку» (1956).

Он получил медаль Джона Берроуза за выдающиеся произведения о дикой природе в 1937 г. и Пулитцеровскую премию в 1966 г.

В книге «Осень через всю Америку» писатель рассуждает о вечной борьбе защитников дикой природы с ее разрушителями:

«Это девственные деревья в девственном лесу. В пределах великолепного живого музея этого национального парка защищены некоторые из древесных патриархов мира. Много раз во время нашего путешествия мы чувствовали, что великая система национальных парков Америки представляет собой одно из ее самых прекрасных достижений, действие людей... на высшем уровне. И все же те, кто думает о любом национальном парке как о чем-то постоянном, делают серьезную ошибку. Он всегда может быть изменен, если не упразднен. Его границы могут быть уменьшены, допуская вырубку самых прекрасных из его деревьев.

Его правила могут быть изменены, позволяя то выпас скота тут, то добычу полезных ископаемых там, дамы уничтожат области, которые задумывались как неприкасаемые. И из-за чуда его деревьев Олимпийский национальный парк больше, чем другие, всегда будет в опасности.

Десятилетия тому назад Джон Мюир заявлял, что Олимпийский парк будет подвергаться нападению снова и снова. Его предсказание вполне оправдалось. Люди, которые видят в дереве не больше чем погонные футы, избранные должностные лица, которые определяют национальные парки как «запертые ресурсы», а певчих птиц — как «запертое легкое мясо» — эти люди всегда будут с нами, и всегда они будут представлять угрозу национальным паркам. Только бдительность природоохран-

ников на долгие времена, только их бдительность к нападениям под тысячей причин может предотвратить угрозу тем заповедным объектам, про которые люди думают, что они спасены навсегда.

17 июня 1853 г. Генри Торо отметил в своем журнале: «Если человек полдня проводит в лесу из любви к нему, он считается бездельником, но если он проводит весь свой день как хапуга, обдирая этот лес, он считается трудолюбивым и предприимчивым — делая эту землю преждевременно лысой». Это отношение не исчезло, когда Уолденский лес был срублен. Оно сохраняется в каждом поколении. Оно мешает любому усилию спасти дикие места. Те, для кого деревья, птицы, дикие цветы представляют собой только «запертые доллары», ни когда в действительности не знали и не видели этих частей природы. Они никогда не испытывали интереса к природе ради нее самой. Тот, кто стимулирует более широкую оценку природы, более широкое ее понимание, более глубокую любовь к природе ради нее самой, делает очень важную вещь. Потому что именно из таких людей сформирован костяк природоохранного движения. Многие из тех, кого привлекла борьба за охрану природы, отходят в сторону, когда волнение утихает. Только те останутся, кто глубоко и фундаментально интересуется дикой природой, кто ценит ее ради нее самой». *(THE WILDERNESS..., 1985)*

Дейв Формэн — современный американский природоохранник, автор множества статей в защиту дикой природы и двух нашумевших книг — «Экотаж» и «Исповедь эко-воина». Он является также одним из организаторов радикального движения в защиту дикой природы «Земля прежде всего!».

Уже первые итоги деятельности «Земли прежде всего!» были впечатляющими: «...мы вышли из ограниченной «повестки дня» традиционных экологических групп — защиты «кусочков» оставшейся дикой природы. Мы призвали к восстановлению утраченных видов и приданию заповедного статуса обширным диким землям. Мы вынесли дискуссионную проблематику биоцентрической философии — глубинной экологии — за пределы пыльных академических журналов. Мы успешно ввели ненасильственное гражданское неповиновение в «репертуар» активистов движения в защиту дикой природы. Мы также помогли «встряхнуть» природоохранное движение, пробудить его от средневековой летаргии и вдохнуть в него новую страсть, радость и юмор» (Формэн, 2002).

Формэн не только сильный практик и организатор природоохранного движения, он великолепно владеет пером, Его шутки язвительны, а многие суждения философски афористичны.

«Корнями слова «Дикая природа» (англ. wilderness) в староанглийском является «Wild-deor-ness» — «земля с собственной волей». Земля с собственной волей имеет пожар, шторм и изменения экосистемы. Она содержит диких зверей, которым не по душе быть притесняемыми тщедушными гуманоидами» (Цит. по: Борейко, 2004).

По мнению Формэна, нападение на дикую природу аналогично нападению на свою семью. Он сравнивает защиту дикой природы Матери-земли, с защитой матери, жены, дочери от насильников.

«Защитники дикой природы, — полагает он, — обязаны разработать новые доводы в пользу охраны дикой природы, заново осмыслить место людей на Земле, заново оценить роль дикой природы. Мы должны признать, что истинная причина, почему мы одобряем защиту дикой природы — это существование дикой природы ради нее самой. Мы должны открыто сформулировать это объяснение для общественности» (Цит. по: Борейко, 2004).

«Почему человек с продолжительностью жизни в 70 лет думает, что правильно уничтожать секвойи, которым 2 тыс. лет? — справедливо спрашивает писатель. Вместе со своим другом Х. Волке он пишет: «Не осталось достаточно дикой природы, чтобы идти на какие-либо компромиссы в ее защите. Мы должны бороться за каждый акр. Мы не должны уступать ни одного дюйма» (Цит. по: Борейко, 2004).

По мнению автора, дикой природе нужно позволить идти своим путем, а не «возделывать» ее, как учит Библия. Один из принципов движения «Земля прежде всего!», сформулированных Формэном, гласит, что необходимо осознать — «дикая природа — это реальный мир, а наши города, компьютеры, самолеты, вся деловая цивилизация — всего лишь искусственные и преходящие явления» (Формэн, 2002).

Вместе с писателем Эдвардом Эбби Формэн является идеологом экотажа — насильственного разрушения техники и оборудования, наносящего ущерб дикой природе.

«Самое время для женщин и мужчин, в одиночку и небольшими группами героически защищать дикое, бросить гаечный ключ в шестерни машины, которая уничтожает природное разнообразие. Стратегией движения «Гаечного ключа» может быть, хотя и нелегальная, но безопасная, легкая, забавная и, что наиболее важно, эффективная остановка вырубки древесины, строительства дорог, ... нефте- и газоразведки, горнодобычи, строительства дамб и линий электропередачи, ловли животных, строительства лыжных курортов и других форм разрушения дикой природы, а также злокачественного разрастания пригородов» — пишет Формэн. (ФОРМЭН, 2002)

Эдвард Эбби — известный современный американский писатель дикой природы, автор 71 книги, среди них «Отшельник пустыни», «Путешествие домой», «Банда гаечного ключа». Последняя вдохновила Дэйва Формэна и его коллег на создание радикального общественного движения в защиту дикой природы — «Земля прежде всего!».

Роман «Банда гаечного ключа» рассказывает о группе природоохранников, которые, желая спасти от гибели участок дикой природы, разрушали бульдозеры строителей, железные дороги, шиповали деревья, отданные под вырубку, сжигали рекламные щиты.

«Я ненавижу эту плотину, — вмешался Смит, — Эта плотина затопила самый красивый каньон в мире.

— Мы знаем, — сказал Хейдьюк. — Мы чувствуем то же, что и ты. Но давай подумаем сначала о более простых вещах. Я бы с удовольствием опрокинул несколько опор этих линий электропередач, которые они понатыкали по всей пустыне. И эти новые жестяные мосты через Хайт. И все эти клятые автодороги, которые они строят по всей этой земле каньонов. Можно потратить целый год на то, чтобы распотрошить эти их треклятые бульдозеры, черт бы их подрал.

— Слышу, слышу, — ответил доктор, — и не забудь про рекламные щиты. И открытые разработки. И карьеры. И трубопроводы. И новую железную дорогу Черная Гора — Пейдж. И тепловые электростанции на угле. И медеплавильные печи. И урановые шахты. И ядерные электростанции. И компьютерные центры. И скотоводческие компании. И отравителей дикой природы. И людей, бросающих пивные банки вдоль дороги». (ЭББИ, 2003)

Эбби полагал, что люди не имеют права использовать более чем «некую часть» планеты, другая часть должна быть предоставлена в постоянное пользование дикой природе. Дикие места должны оставаться дикими. И делать это нужно не только в интересах людей, которые ценят такие места ради развлечения и восстановления сил, а потому, что «признание права неодушевленных объектов, например камней, или целой горы, означает оставаться им на своем месте» (Цит. по: Борейко, 2004). По его мнению, уничтожение дикой природы является «первородным грехом».

Эбби призывал людей защищать дикую природу еще и для того, чтобы сберечь свою свободу — «у человека не может быть свободы без дикой природы» (Цит. по: Борейко, 2004). Эбби предостерегал, что в современном мире могут произойти изменения, когда любой диктаторский режим потребует разрушить до основания дикую природу: возвести плотины на реках, высушить болота, вырубить лес, разрушить горы, оросить пустыни, вспахать степи, а национальные парки превратить в площадки для парковок.

Своими романами и эссе писатель пытался внушить мысли, что дикая природа — единственно ценная вещь, которую нам стоит спасать, и нужно научиться любить то, что является свободным, грубым, диким, неприрученным и нетронутым. Эбби полагал, что заповедные объекты дикой природы являются святыми местами, даже более священными, чем наши церкви.

По мнению Э. Эбби, экологическую этику следует рассматривать как притязание дикой природы на свои права. В книге «Хейдьюк жив!» Эбби помещает специальный «кодекс эко-воина», радикального борца за дикую природу.

«Эко-воин не причиняет вреда никаким живым существам, абсолютно никогда, и он избегает поминки, перенося все расходы на них, на врагов дикой природы. Смысл его работы состоит в том, чтобы увеличить их расходы, подталкивая их к убыткам, банкротству, заставляя их остановиться и отступить в своем вторжении на свободные земли, на нашу дикую природу, наш коренной, первозданный мир (...).

Эко-воин не только работает без надежды на славу и хвалу, он не только работает в ночной тьме среди бури официальной клеветы, но он работает без надежды на денежное вознаграждение. Эко-воинам не нужны наемники в своих рядах. Эко-воин делает свою работу из-за любви, любви, которая не отваживается назвать своего имени, любви к воздержанию, красоте, открытому пространству, чистым небесам и текущим ручьям, медведю, пуме, волчьей стае, дикой природе и страсти к бродяжничеству и первозданной человеческой свободе.

(...) Он не сражается с людьми, не борется с мегамашинной — монстром. Он сражается с вышедшей из-под контроля технологией, всепожирающей сущностью, которая питается людьми, всеми живыми существами и даже минералами, металлами, почвой, самой землей (...).

ЛОЗУНГИ ЭКОВОИНА

- Никаких компромиссов в защите Матери-Земли!
- Дикая природа: любите ее или оставьте в покое!
- Если дикая природа поставлена вне закона, только стоящие вне закона могут спасти дикую природу.
- Долой империи, да здравствует весна!
- Больше лосей! Меньше коров!
- Защищай свою Мать!
- Да здравствует Земля!
- Будь эгоцентричным, а не эгоцентричным!
- Больше ни одного гектара!
- Спасти дикую природу, всю ее!
- Оставьте все, как было!
- Дай гудок в защиту дикой природы (для автомобилистов).

(Эбби, 2002)

Радикальные экологические группы США и Канады, вдохновленные легендарным романом Эдварда Эбби «Банда гаечного ключа», создали свою контркультурную нецензурную литературу в защиту дикой природы. Это в основном стихи, песни, лозунги. Как, например, такие, прославляющие экотаж, другие радикальные методы защиты дикой природы.

Круши его, скручивай его, бей его и ломай,

Пробивай его и топи любым способом!

В их шестернях уничтожения мы, —

возможно, всего лишь песчинки,

Но делай это, делай это, делай это, —

если можешь!

АВТОР — ДВАЙТ ДОРКЕР (СТИЛ, 2000).

Другое стихотворение прославляет героическую женщину-эковоиона Джуди Бари, против которой ФСБ провело физическую акцию.

(...) Кто подорвал Джуди Бари?

Я знаю, вы еще там.

Видели ли вы ее искалеченное тело?

Или дух, который вы не можете убить?

Сейчас Джуди Бари — мать двух детей —

Бомба разорвала ей живот.

Иногда она кричит по ночам

В своей камере в Мендосимо.

ФСБ против нас... Мы же хотим лишь

справедливости.

И мы отомстим за нашего раненного

товарища,

Защищая эту ограбленную землю.

АВТОР — ДЭРРЕЛ ЧЕРНИ (СТИЛ, 2000)

Американский поэт середины 20 века Робинсон Джефферс, как писатель дикой природы очень популярен не только в США, но и во многих странах Европы и Японии. Его оригинальные, довольно жесткие и философские стихи воплощают призыв слиться с дикой природой.

Глубокие моря и голубые небеса,
Леса зеленые и пики мощных гор
С животными, что ползают, летают и бегут.
Но одно из Божьих творений не было довольным.
Оно хотело творить своими руками.
И вот оно расчистило леса, изрезало горы,
испортило моря,
Возглашая, что это путь, предначерченный Богом.
Но нельзя расчистить путь на небеса,
Нет, открытые карьеры не ведут тебя к Богу,
И творение бульдозерами тоже
Не вызывает Его восхищения,
И жемчужные ворота могут закрыться навсегда.
А моя мама любила читать семейную Библию,
И в ней говорилось — не желай богатства
ближнего своего, не укради, не убий.
Но я желал иметь эти леса и горы,
А после я украл драгоценные камни
У моей Матери-Природы,
И я убил много созданий, я истребил их совсем,
Я был уверен, что Бог сотворил их по ошибке —
Ведь мне нужно иметь работу,
Где я оскверняю и насилую, и граблю,
Но, я клянусь вам, это во имя моих детей...

(Цит. по: СКАРС, 2002)

Джон Хэй — современный американский писатель дикой природы. Он стал популярным благодаря своей книге «Бессмертная дикая природа», изданной в 1987 г. По его мнению, дикая природа — это не просто «территория», а ткань нашей настоящей, природной жизни, всепроникающая система вещей, «бессмертный гений земли».

«Мы выражаем наш запутанный и беспорядочный мир в терминах противоположностей, которые мы не можем примирить: война и мир, порядок и беспорядок, здоровье и болезнь, жизнь и смерть. Леса

содержат эти противоположности в единстве. Их раны и болезни постоянно залечиваются. Дикость так заботится о дикости, что она всегда будет критерием здоровья земли.

Деревья обладают знанием, которое превосходит человеческое знание. Мы слишком быстро бежим, чтобы его воспринять» (Цит. по: *This incomperable...*, 1991).

В своей «Бессмертной дикой природе» Хэй цитирует индейского вождя Ган Кина: «Люди городов не понимают, что корни всех живых существ переплетены. Когда рубят вековое дерево, с неба падает звезда. Перед тем, как срубить красное дерево, необходимо спросить разрешения у хранителя леса и спросить разрешения у хранителя звезд» (Цит. по: *This incomperable...*, 1991).

Михаэль Фром — популярный современный американский писатель дикой природы, постоянный автор «Международного журнала дикой природы». Как и многие другие американские писатели дикой природы, он связывает свободную природу прежде всего с ее свободой.

«Дикую природу я приравниваю к свободе от нужды, войны и расовых предрассудков, и к свободе исповедовать свой образ мыслей и идти своим собственным путем (...) Дикая, непорочная природа также священна. На мой взгляд, это живой документ о земле и народе, живущем на ней, который, так или иначе, людям придется предъявить Господу (...).

Дикая природа необходима. Она представляет ту часть Америки, которая всегда была и которая однажды стала и всегда останется. Мы не должны вести себя так, чтобы нравиться европейцам. Мы не должны желать земли, представляющей нас. Мы должны иметь ее с дикой природой навеки (...).

Участки дикой природы — это не площадки для игр и не аллеи для парков, это святилища, назначенные быть такими всегда, это бесценные вместилища, где остановилось и замерло время, и таким же остановившимся десятки лет назад, оно должно уйти в завтра и в будущее. А для нас сегодняшней наградой и привилегией должно быть то, что мы знаем об этой высокой миссии и счастливы таким доверием жизни». (Фром, 2003)

Современная американская писательница дикой природы Лаура Вотермен уверена, что очень важно сохранять дух дикости свободной природы. Цитируя Э. Эбби и еще одного автора, она пишет:

«Лучшее в природе, подобно лучшему в искусстве, является священным... Мы согласились не заезжать на своих автомобилях в соборы, концертные залы, художественные музеи, законодательные собрания, частные спальни и другие святыни нашей культуры; мы должны обращаться с нашими национальными парками с тем же самым уважением, поскольку они также являются святыми местами. Аминь! Области дикой природы походят на соборы, и есть некоторые вещи, которые вы просто не делаете в соборах. Вы не заезжаете туда на внедорожном мотоцикле, вы не включаете радио, вы не полетели бы на вертолете вверх по нему к алтарю, даже если бы это было эффективным способом снабдить вином и вафлями всех воскресных «пользователей», вы не отмечаете проходы пластиковой лентой, чтобы найти свою скамейку или отметить, где ковер нуждается в ремонте, вы не приводите разговорчивую группу из 25 друзей. Заметьте, что ни одно из этих возмутительных действий физически не испортило бы собор. Но они нарушают дух места».

(WATERMAN, 2000)

Автор полагает, что в понятие дикость свободной природы входит:

«Проживание или рост в своем первоначальном естественном состоянии, обычно не одомашниваемый или культивируемый, не цивилизованный, непослушный, грубый, незаконный, яростно тревожный, бурный, буйный, а также отдаленность, недоступность, неуверенность, тайна. Дикое место может быть трудным местом, неудобным для людей.

И мы должны стремиться сохранять его таким, а не пытаться сделать его более безопасным, более

удобным, более похожим на цивилизацию, которую мы оставляем позади. (...) Мы нуждаемся в существенном уровне тайны в мире вокруг нас. Это — важный признак дикости. С тайной приходит осознание масштабов природы, ее запутанность или гения ее взаимосвязей, или ее стихийной силы, или ее тонкости... Мир гор (или мир пустыни, или моря, или полярных регионов) настолько гораздо более внушительен, более мощен, более красив, более важен, чем самые гордые достижения человечества».

(WATERMAN, 2000)

Долорес Ла Шапель — известная современная американская писательница дикой природы. Ее излюбленные темы — священные горы американских индейцев, священные ритуалы общения с Землей и дикой природой. В своей книге «Священная земля, священный секс» она обсуждает проблему страха среднестатистического горожанина перед дикой природой: «Этот европейский страх перед дикой природой, порожденный многовековым христианским отношением к дикой природе как обители дьявола, до сих пор существует (...). Этот страх перед дикой природой вероятно объясняет кое-что из настоящей «мстительности» политиков, редакторов газет, гражданских активистов и других слуг общества, которые решительно ненавидят дикую природу и ее защитников» (Цит. по: Борейко, 2004).

США — это, наверное, чуть ли не единственная страна, где очень много писателей-женщин посвящает свое творчество дикой природе. Так, проза, поэзия, фотографии, размышления и описания дикой природы от пустыни до заснеженных гор представлены в таких книгах как «Женщины в дикой природе» Энн и Сюзан Звингер, «Сестры Земли» под редакцией Л. Андерсон, «Исцеление женщин дикой природой» под редакцией Э. Коул и других работах.

Писательница из штата Юта Терри Уильямс знаменита своими повестями «Заповедник», «Невысказанная жажда: вести с полей» и «Пустынный квартет: эротический пейзаж», в которых женская литература достигает пика в поклонении дикой природе. Уильямс показывает женскую потребность в игнорировании разума и руководства чувствами в отношениях с дикой природой. В «Пустынном квартете: эротический пейзаж» она пишет: «Я боюсь его (каньон), потому что он спонтанный, неподвластный мне, неназванный и лежит за пределами моего разума... Я стремлюсь к нему, потому что страсть имеет цвет. Это так хорошо... почувствовать свою животную суть» (Цит. по: Valenti, 1998).

Существует множество художественных пояснений термину «дикая природа». Одни говорят, что это земля с собственной волей, другие — неприрученная земля. Ирен Клавер пишет: «Олень, выделяющийся на фоне деревьев, исчез так внезапно, как и показался, и невозможно определить, ушел ли олень в лес, или его приняло окружение. Что определяет дикую природу и тишину, так это игра между появлением и исчезновением, вползание и выскальзывание из пределов присутствия. Непокорные и неназванные, дикая природа и тишина избегают границы нашего познания» (Klaver, 1996).

Линда Грэбер справедливо заметила, что многие защитники дикой природы (как впрочем, писатели и художники дикой природы) среди многочисленных регионов дикой природы, как правило, выбирают свой особо любимый, куда всегда стараются вернуться, который воспевают в своих работах. Так, у современного канадского экофилософа и редактора экофилософского журнала «Трубач» Алана Дренгсона таким любимым местом были горы в Олимпийском национальном парке:

«Дикая природа одухотворяет эти горы, делает их сакрально величественными. И это величие проникает в разум и тело. И мы сливаемся с дикой природой, идентифицируемся с ней как первобытные люди. Ведь их радости и горе, все было связано с дикой местностью их обитания, и эта внутренняя связь передавалась из поколения в поколение. В отличие от этих первобытных общин, современное общество не имеет определенного места на земле. Оно всюду и нигде, и ничто не связывает его тесными узами с дикой природой».

(DRENGSON, 1994)

Традиции Серой Совы продолжил в середине 20-го века другой канадский писатель и защитник дикой природы и дикой жизни — Фарли Моуэт. Им была написана книга «Кит на заклятие», вызвавшая движение в защиту китов. Другая его известная работа — «Не кричи «Волки!», посвящена охране волков. Моуэт провел немало времени на севере Канады, изучая и наблюдая за волчьими стаями. Он стал одним из первых в мире, кто выступил в защиту волка, этого настоящего символа дикой природы: «Сколько сказано и написано об оленях, истребленных волками! И как мало говорится об оленях, уби-

ваемых человеком! В первом случае ложь получает широкую и официальную поддержку, во втором — правда замалчивается» (Моуэт, 1982).

Другой канадский писатель второй половины 20 века — Уэйланд Дрю в своей книге «Пир в Вабено» рассказывает о бывшем охотнике, который ранее считал лучшим моментом своей жизни тот, когда застрелил медведя-гризли. Однако, постепенно он меняет свое мнение. Теперь, увидев охотников-спортсменов, он думает: «Неужели они будут убивать и убивать каждое маленькое свободное существо, пока не останется никого, кто не будет так же пленен, как они сами?» (Цит. по: Raglon, Sholtmeijer, 1998).

Переосмысление наследия писателей дикой природы

К сожалению, произведения многих выдающихся писателей дикой природы не были поняты современниками. Яркий пример — «Уолден» Генри Торо или «Календарь песчаного графства» Олдо Леопольда, оцененные спустя полвека, в конце 20 столетия.

Произведения некоторых писателей дикой природы долгое время рассматривались односторонне. Так «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича или «Тарас Бульба» Николая Гоголя — как исторический эпос, стихи Басе и Ли Бо — с точки зрения интимной лирики. Вместе с тем в них заложено огромное богатство мыслей и чувств, имеющих прямое отношение к высокой оценке дикой природы и ее защите.

Серьезной проблемой для осмысления творчества некоторых писателей дикой природы, прежде всего американских, является их практически полная неизвестность на просторах СНГ. Другая трудность состоит в глупой самоуверенности многих современных природоохранников, что знания экологии позволит им, не отягощая себя философией, этикой и культурой, всегда принимать правильные решения.

Не менее важной проблемой является гуманитарная глухота многих современных экологов и природоохранников, их наивная вера в простые, чисто технологические способы решения экологических вопросов.

Однако, еще Олдо Леопольд учил, что без изменения мировоззренческого ценностного отношения людей к дикой природе ее не спасти.

Писатели дикой природы оставили нам уникальное по своей глубине и многообразию наследие, требующее самого внимательного изучения и переосмысления. Это не архив, а арсенал. Арсенал новых идей, мыслей, метафор, ожидающих своего применения.

Литература

2. Шукуров Э., 2000. Смысл Дикой Жизни // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 2, вып. 1. — С. 98-99.
3. Воронова Б.Г., 1975. Кацусика Хокусай. Графика. — М.: Искусство.
4. Борейко В.Е., 2005. Природоохранная эстетика в школе. — К.: КЭКЦ, 70 стр.
5. Бизэ А., 2000. Байрон и поэтическое чувство природы // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 2, вып. 2. — С. 82-86.
6. Борейко В.Е., 2004. Философы дикой природы и природоохраны. Издание 2-е, дополн. — К.: КЭКЦ. — 160 с.
7. Мицкевич А., 1965. Пан Тадеуш. Перевод С.Мар. — Варшава:«Аркады». — 386 с.
8. Бизэ А., 1891. Историческое развитие чувства природы. — Спб. — 391 с.
9. Борейко В.Е., 2003. Современная идея дикой природы. Изд. 2-е, дополн. — К.: КЭКЦ. — 208 с.
10. Чорос-Гуркин Г.И., 1907. Алтай // Сибирская жизнь, 23 дек.
11. Эдоков В.И., 1984. Мастер из Аноса. — Барнаул: Алтайское книжное издательство. — 72 с.
12. Штильмарк Ф., 1981. Слово о тайге // Тайга. — М.: ФнС. — 204 с.
13. Виктор Астафьев: вернуть землю, определиться с крестьянами-кормильцами, 2003. Публикация Ф.Штильмарка // Студенческий меридиан. — № 4. — С. 59-62.
14. Аксаков С.Т., 1966. Семейная хроника // Собрание сочинений. — Т. 1. — М.: Правда. — С. 67.
15. Весеньев И., 1860. Как люди любят природу // Отечественные записки. — № 2. — С. 219-295.
16. Чехов А.П., 1985. Степь // Собрание сочинений. — Т. 6. — М.: Правда. — С. 347-348.
17. Гоголь Н.В., 1984. Тарас Бульба // Повести. Ревизор. — М.: Художественная литература. — С. 75-77.
18. Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле, 1999. Сост. Борейко В.Е., издание 2-е дополн. — К.: КЭКЦ. — 260 с.
19. Борейко В.Е., 2001. Феликс Штильмарк как пионер гуманитарной экологии // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 3, вып. 2. — С. 3-8.
20. Забелин С., 2001. Предисловие // И мир пройдет по нашим векам. — М.: ЦОДП. — С. 5-6.
21. Забелин С., 2000. Проект новой концепции охраны дикой природы // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 2, вып. 1. — С. 3-5.
22. Kolbuszewski J., 1992. Ochrona przyrody a kultura. — Wrocław. — 206 p.
23. Мэй Р., 1996. Отношение к природе в литературе России и США // Про Эко (спецвыпуск бюллетеня «Охрана дикой природы»). — № 11. — С. 46-48.
24. Нэш Р., 2001. Дикая природа и американский разум. — К.: КЭКЦ. — 204 с.
25. Леопольд О., 1980. Календарь песчаного графства. — М.: Мир. — 216 с.
26. Серая сова, 2002. Дикая природа и человек // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 4 (спецвыпуск). — С. 123-124.
27. Стихи в честь Дикой жизни, 2001 // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 3, вып. 1. — С. 92.
28. Борейко В.Е., 2003-а. Священные горы. Издание 2-е дополн. — К.: КЭКЦ. — 80 с.

29. *Грэбер Л.*, 1999. Дикая природа как священное пространство. — К.: КЭЖЦ. — 56 с.
30. *Снайдер Г.*, 2002. Хорошее, дикое, священное // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 4, вып. 2. — С. 40-48.
31. *Стегнер У.*, 2002. Письмо о дикой природе // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 4 (спецвыпуск). — С. 118-120.
32. *Тернер Д.*, 2003. Дикость и дикая природа. — К.: КЭЖЦ. — 72 с.
33. *Формэн Д.*, 2002. Исповедь эко-воина. — К.: КЭЖЦ. — 156 с.
34. *Эбби Э.*, 2003. Банда гаечного ключа. — К.: КЭЖЦ. — 240 с.
35. *Эбби Э.*, 2002. Кодекс эко-воина // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 4, вып. 2. — С. 65-67.
36. *Сиэтл*, 2003. Душистые цветы — наши сестры // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 5, вып. 1-2. — С. 42-43.
37. *Морохин Н.В.*, 2003. Гусиная дорога. Размышления о судьбе природно-культурных памятников. — К.: КЭЖЦ. — 180 с.
38. Нижегородские марийцы, 1994. — Йошкар-Ола: Министерство культуры Республики Марий Эл. — 248 с.
39. Бабочки полет, 1997. — М.: Летопись. — 357 с.
40. *Oelschlaeger M.*, 1991. The idea of wilderness. — New Haven and London: Yale University Press. — 477 p.
41. *Rolston H. III*, 1992. Philosophy gone wild. — Buffalo, New York: Prometheus books. — 269 p.
42. *Бирч Т.*, 2002. Заповедники как тюрьмы // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 4 (спецвыпуск). — С. 120-123.
43. *Формэн Д.*, 2002. Новое движение в защиту дикой природы // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 4 (спецвыпуск). — С. 89-93.
44. *Кац Э.*, 2003. Не надо контролировать дикую природу // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 5, вып. 1-2. — С. 88-94.
45. *Фром М.*, 2003. Аура дикой природы // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 5, вып. 1-2. — С. 85-88.
46. *Мицкевич А.*, 1948. Крымские сонеты. — М.: ОГИЗ. — 52 с.
47. *Пржевальский Н.М.*, 1890. Путешествие в Уссурийском крае. — Спб. — 1867-1869.
48. *Волков О.*, 1963. Клад Кудеяра. — М.: Советский писатель. — 350 с.
49. *Волков О.*, 1976. Чур, заповедано. — М.: Советская Россия. — 398 с.
50. *Словацкий Ю.*, 1984. В Швейцарии // Избранное. — М.: Художественная литература. — С. 189-205.
51. Поэзия эпохи Тан, VII-X вв., 1987. — М.: Художественная литература. — 477 с.
52. Антология китайской лирики, 1922. — М.-Пб.: Госиздат. — С. 21.
53. *Бежин Л.Е.*, 1982. Под знаком «ветра и потока». — М.: Наука. — 221 с.
54. Китайская пейзажная лирика III-XIV вв., 1984. — М.: МГУ. — 320 с.
55. *Маньесю*. Избранное, 1987. — М.: Наука. — 397 с.
56. *Соколов-Ремизов С.Н.*, 1979. Хуан Гун-Ван и его картина «В горах Фучуньшань» // Сокровища искусства стран Азии и Африки. — В. 3. — М.: Избранное искусство. — С. 65-85.

57. Шукуров Э., 2003. Человек вне природы // Заповедные острова. — № 9.
58. Шукуров Э., 2004. Часть дикой природы // Заповедные острова. — № 5.
59. Ли Бо, 2000. Нефритовые скалы. — Спб.: Кристалл. — 383 с.
60. Маццо Басе, 2003. Лирика. — Минск: Харвей. — 221 с.
61. Bernbaum E., 1998. Sacred mountains of the world. — Berkeley - Los Angeles - London: University of California Press. — 291 p.
62. Wild earth. Wild ideas for a world out of Balance, 2002. Ed. T. Butler. — Milkweed Editions. — 334 p.
63. Terrie P., 1985. Forever wild. Environmental aesthetics and the Adirondack forest preserve. — Philadelphia: Temple University Press. — 209 p.
64. Аникин Г.В., 1986. Эстетика Джона Раскина и английская литература XIX века. — М.: Наука. — 317 с.
65. Хорват К., 1973. Романтические воззрения на природу // Европейский романтизм. — М.: Наука. — С. 204-253.
66. Literature of nature. An international sourcebook, 1998. Ed. P. Murphy. — Chicago-London: Fitzroy Dearborn Publishers. — 475 p.
67. Гржимек Б. и М., 1968. Серенгети не должен умереть. — М.: Мысль. — 240 с.
68. Штильмарк Ф., 1998. Поэтическая экология. — К.: КЭКЦ. — 200 с.
69. Нэш Р., 2001. Права природы. История экологической этики. — К.: КЭКЦ. — 290 с.
70. Фишман О.Л., 1958. Ли Бо. Жизнь и творчество. — М.: Издательство Восточной литературы. — 51 с.
71. Уолт Уитмен, 1954. Избранное. — М.: Художественная литература. — С. 266-267.
72. Waterman L. and G., 2000. Wilderness ethics: preserving the spirit of wilderness. — Woodstock, Vermont: The Countryman Press. — 157 p.
73. Скарс Р., 2002. Эковоины. Радикальное движение в защиту природы. — К.: КЭКЦ. — 144 с.
74. Klaver I., 1996. Silent Wolves: the howl of the implicit // Wild ideas. Ed. D. Rothenberg. — Minneapolis-London: University of Minnesota Press. — P. 117-133.
75. Авилова К., 2004. Стихи о заповедниках // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 6, вып. 2. — С. 138.
76. Drengson A., 1994. The reflective ebh and flov of the wild // Place of the wild. Ed. D. Burks. — Washington: A Shearwater book, Island Press. — P. 75-86.
77. Морохин Н.В., 2001. Дикая природа и поэзия // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 3 (спецвыпуск). — С. 74-78.
78. Соловьев Д.К., 1992. Типы организаций, способствующих охране природы // Охота и охрана природы. Сост. Ф.Штильмарк. — М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР. — С. 76-111.
79. Стил С.К., 2000. Литература и идеология легендарной экогруппы «Прежде земля!» // Гуманитарный экологический журнал. — Т. 2, в. 2. — С. 55-61.
80. Мэй Р. Дикие местности против культурных земель (рукопись). — 15 с.
81. Федорчук В. Стихи о свободной природе (рукопись). — 4 с.
82. Бестужев-Марлинский А., 1961. Полное собрание стихотворений. — М.: Сов. писатель. — 310 с.
83. Штильмарк Ф.Р., 1993. Лукоморье — где оно?. — М.: Мысль. — 335 с.

84. *Frome M.*, 1997. *Battle for the wilderness*. — Salt Lake City: The University of Utah Press. — 277 p.
85. *Увесен А.*, 1983. *В бобровом лесу*. — М.: Мысль. — 140 с.
86. *Моуэт Ф.*, 1982. *Не кричи «Волки!» и др.* — М.: Мир. — 408 с.
87. *Линблад Я.*, 1983. *Мир книги джунглей*. — М.: Мир. — 129 с.
88. *Акимушкин В.*, 1963. *Предисловие // Остров в океане*. — М.: Географиздат. — С. 3-4.
89. *Адамсон Дж.*, 1976. *Пятнистый сфинкс. Пиппа бросает вызов*. — М.: Мир. — 404 с.
90. *Беспалова Л.А.*, 1983. *Аполлинарий Михайлович Васнецов*. — М.: Искусство. — 229 с.
91. *Valenti J.*, 1998. *North American women in the wilderness // Literature of nature. An international sourcebook*. Ed. P. Murphy. — Chicago-London: Fitzroy Dearborn Publishers. — P. 126-130.
92. *Haynes R.*, 1998. *200 years of the Australian desert in literature // Literature of nature. An international sourcebook*. Ed P. Murphy. — Chicago-London: Fitzroy Dearborn Publishers. — P. 259-264.
93. *Kinoshita T., Ota M.*, 1998. *Natura in modern japanese literature: fiction, nonfiction, and poetry // Literature of nature. An internanional sourcebook*. Ed. P. Murphy. — Chicago-London: Fitzroy Dearborn Publishers. — P. 284-290.
94. *Raglon R., Sholtmeijer M.*, 1998. *Canadian environmental writing // Literature of nature. An international sourcebook*. Ed. P. Murphy. — Chicago-London: Fitzroy Dearborn Publishers. — P. 130-140.
95. *Ming-tu I.*, 1998. *Ecological consciousness in the contemporary literature of Taiwan // Literature of nature. An international sourcebook*. Ed. P. Murphy. — Chicago-London: Fitzroy Dearborn Publishers. — P. 304-315.
96. *Martin J.*, 1998. *Long live the fresh air! Long live! Environmental culture in the New South Africa // Literature of nature. An international sourcebook*, Ed. P. Murphy. — Chicago-London: Fitzroy Dearborn Publishers. — P. 337-344.
97. *Прошу прощения, Земля!*, 1996. Сост. В. Свирелин. — Минск: МП «Натако». — 144 с.
98. *От редакции, 2005 // Степной бюллетень*. — № 18. — С. 6-7.
99. *Brooks P.*, 1983. *Speaking for nature*. — San Francisco: Sierra Club Books. — 303 p.
100. *The wilderness reader*, 1985. Ed. F. Bergon. — Reno - Las Vegas - London: University of Nevada Press. — 372 p.
101. *Catlin G.*, 1968. *An-Artist proposes a national park // Nash R. The american environment*. — Santa Barbara: Addison-Wesley Publishing Company, University of California. — P. 5-9.
102. *Пузанов И.И.*, 1999. *Красота, что уходит из мира // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле*. Сост. В.Е. Борейко. — К.: КЭКЦ. — С. 123-127.
103. *Paden Roger*, 1992. *Nature and morality // Environmental ethics*. — V. 14. — P. 239-251.
104. *Борейко В.Е.*, 2002. *История заповедного дела в Украине*. Изд. 2-е дополн. — К.: КЭКЦ. — 272 с.
105. *Борейко В.Е.*, 2001-а. *Словарь деятелей охраны природы*. Изд. 2-е дополн. — К.: КЭКЦ. — 524 с.
106. *Семенов Тян-Шанский*, 1919. *Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения // Природа*. — № 4-6. — С. 199-216.
107. *Пясецький А.*, 1937. *Українські карпатські заповідники // Наша Батьківщина*. — № 4-5. — С. 111-113.

108. *Борейко В.Е.*, 2000. **Радикальный взгляд на заповедное дело. Нематериальные ценности ООПТ // Гуманитарный экологический журнал.** — Т. 1, в. 2. — С. 27-40.
109. *Дорст Ж.*, 1968. **До того как умрет природа.** — М. — 415 с.
110. *Рыльский М.*, 1988. **Стихотворения и поэмы.** — Л.: Сов. писатель. — 560 с.
111. *Украинка Л.*, 1953. **Лесная песня.** Пер. М. Исаковского. — М.: 109 с.
112. *Мельников П.И.* (А. Печерский), 1978. **На горах.** — Кн. 1. — Горький: Волго-Вятское книжное издательство. — 573 с.
113. *Мельников П.И.* (А. Печерский), 1987. **В лесах.** — Кн. 1. — М.: Правда. — 622 с.
114. *Зверев М.*, 1951. **По заповедным тропам.** — Алма-Ата: Казах. госиздат. — 80 с.
115. *This incomperable lande*, 1991. Ed. T. Lyon. — Penguin books. — 495 p.
116. *Воронова Б.Г.*, 1963. **Японская гравюра.** — М.
117. *Борейко В.Е.*, 2005-а. **Художники дикой природы // Гуманитарный экологический журнал.** — Т. 7, в. 3(18). — С. 2-44.
118. *Смирнова Л.А.*, 2004. **Григорий Иванович Чорос-Гуркин (рукопись).** — 7 с.
119. **Галичья гора**, 1996. — Воронеж: ВГУ.
120. **Очей очарованье. Стихи русских поэтов о природе**, 1976. — Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. издательства.
121. *Генов А.*, 2000. **Заповідне.** — Харьков. — 56 с.
122. *Львов А.В.*, 1999. **Я знаю, есть в мире частица моя... — Иркутск: Иркутская облтипография.** — 440 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лик Бога в дикой природе

Владимир Борейко

ГДЕ УВИДЕТЬ ЛИЦО БОГА?

Конечно, нет более прекрасного
поклонения перед Божеством, чем то,
которое не требует образа,
но которое проявляется в нашей душе
просто в результате взаимодействия
с природой.

ГЕТЕ

Дикая природа, как и искусство, является последним пристанищем вытесненных из светской жизни глубинных религиозных эмоций. Встреча с дикой природой во многом аналогична встрече с великими произведениями искусства, с их волнующей властью, способной производить внезапные перемены в восприятии окружающего мира многими умами в разное время в разных странах. Святая сила дикой природы раскрывается мощным потоком нового понимания. После получения божественных ощущений у разума нет сомнений в их реальности.

Писатель и пионер американской природоохраны Джон Мюир сказал: «Скалы и величественные каньоны, вода и ветер и все жизненные структуры — животные, озера, луга и рощи, и серебряные звезды — слова Бога, и они текут плавно и зрело из его губ».

Присутствие Бога является важнейшей характеристикой дикой природы. Эта священная величественность является делом Бога, которое выходит за пределы истории и остается нетронутым и неизменным течением времени. Действительно, в горах, в древних лесах, в пустынях можно наблюдать переход божественных черт от Бога к дикой природе.

Действительно, в дикой природе мы чувствуем что-то находящееся за пределами нас самих, что-то более высокое, чем мы сами, что и называем священным. Это священное вызывает в нас чувство, содержащее одновременно страх и счастье. Оно влечет и устрашает. Религиозное переживание на лоне дикой природы предполагает ощущение святости, чуда, нового понимания и новых ценностей дикой природы.

Американский психолог Уильямс Джеймс писал, что «религиозное чувство величественного — это особое ощущение, которое мы испытываем в ночную пору в лесу или в горном ущелье, только в данном случае оно порождается мыслью о присутствии сверхъестественного...» И действительно, разве не в пустыне, не на лоне дикой природы Моисей, Будда, Иисус и другие великие пророки и учителя находили свое просветление, видение и озарение?

Дикая природа не является просто дикой природой. Это божественное творение, наполненное священной ценностью. Взгляд на дикую природу поднимает нас к религиозным мыслям, которые служат связью между ею и бесконечным и крепче привязывают нас к ее чудесам и красотам.

Американский путешественник Эствин Эванс писал: «Каким величественным является безмолвие вечно активных энергий природы! Существует нечто в самом имени дикой природы, которое очаровывает ухо и успокаивает дух человека. В нем содержится религия».

Другой американец, священник В.Х. Мюррей ставил дикую природу выше церкви в качестве места богослужения: «Именно тишина диких мест больше всего впечатляет меня... Сердце не требует ни гимна, ни молитвы для того, чтобы выразить свои эмоции. Даже Библия лежит рядом нераскрытая. Буквы кажутся мертвыми, холодными, невыразительными. Вы чувствуете себя так, как если бы сам

воздух был Богом, и вы приходите в землю, где письменные откровения не необходимы, потому что вы видите Бесконечность с глазу на глаз и чувствуете ее в себе и над собой со всех сторон».

Прочтите собранные в этой книге стихи и прозу российских авторов. Каждый из них по-своему воспринимает дикую природу. Для одних она — любимые Богом земли, для других — Рай, где грех еще не существует, открытое окно в небеса, или зеркало, отражающее Творца. И каждый по-своему прав. Дикая природа — это и храм Бога (в котором Он присутствует), и священное пространство (в котором все свято, все проникнуто Святым Духом, энергией), и Совершенно Иное (как иная для нас реальность — таинственная и непостижимая), и символ, свидетельство некой высшей власти.

Лично я рассматриваю дикую природу как лицо Бога. Место, где противоположности сходятся и внутренний конфликт излечивается единством. «Прежде» и «после» становится единым, и кажется бессмысленным ценить что-либо, кроме мгновений.

Прямое общение с дикой природой, как и с Богом, есть самостоятельное непреходящее благо.

Дикая природа может вызывать ужас или запугивать. Но существовал ли когда-нибудь Бог, который не обладал бы властью вызывать ужас в такой же степени, как выразить любовь и сострадание?

Кант утверждал, что вера в идею Бога является необходимым условием моральной жизни. Он говорил, что идея Бога является существенно важной для моральных законов. По аналогии с этим можно рассматривать дикую природу как трансцендентальную сущность, когда вера в идею дикой природы также становится необходимым условием существования морали.

Как и Бог, дикая природа не позволяет подменить религию идеальных ценностей: истины, добра и красоты, — религией земных утилитарных нужд. Она возвращает нас к духовности и вере.

Как я уже писал, присутствие Бога является важнейшей характеристикой дикой природы. Величественные ландшафты свободной природы — это те последние редкие места, где у человека больше шансов, чем где-либо, мельком увидеть лицо Бога. Ищите его на вершине горы, в пропасти, в водопаде, в закате, в грозном облаке, в радуге, в северном сиянии.

Виктор Гюго писал: «Я был один вблизи волн, в звездную ночь, ни облака на небе, ни паруса в море, и леса, и горы, и вся природа, казалось, вопрошала смутным шепотом волны моря, огни неба. И золотые звезды, бесконечные легионы, то громким, то тихим голосом с тысячью мелодий говорили, склоняя свои огненные венцы, и голубые волны, ненаправляемые и несдерживаемые, говорили, стигая свой пенный хребет: «Это Господь Бог, Господь Бог!»

Дикая природа — место исцеления, обновления и молитвы. Она служит очищению и возвышению духа. Как храм. Как духовная музыка.

Дикая природа является одновременно природой хорошей и природой священной. А ее непреходящая ценность еще раз подтверждает, что творение людей никогда не смогут затмить творенья Божьи. Дикая природа, как божественное создание, не может подлежать утилитарной оценке.

Польский автор писал о Беловежской Пуще: «Пуща должна остаться на века-вечные как неприкасаемый лес, как жилища старых идолов, по которому бродит Святой Олень, как пристанище отшельников, как великое дыхание земли и живая песня вечности! Пуща есть ничья — ни моя, ни твоя, ни наша — только Бога, святая».

Так было и есть. Чем станет дикая природа в будущем — зависит только от нас. Обращайтесь с ней как со святыней, сравнивайте с Богом, посвящайте стихи — и она будет священной на века.

Вам нравится камин, пылающий зимою.
Блестящий ряд огней, довольство и комфорт, —
Природная краса вам кажется немою,
Вы цените ее, как прибыль или спорт...

Вам нравятся сады, подстриженные стройно,
Природы буйный рост ваш оскорбляет взор;
Чтоб вас, кастратов чувств, она была достойна,
Вам нужно, чтоб кругом был плоский кругозор...

А я люблю вид гор, нависших скал колонны,
Болтливый шум ручья, пылающий костер,
А над собою звезд блестящих миллионы —
Уж роскошь для меня раскинутый шатер...

И мне ласкает взор лес девственный таежный,
Где нет людских следов, ущелий диких вид,
Где крадется изюбр, пугливый, осторожный,
Цепь голубых озер, оправленных в гранит...
Вы любите покой, вам страшен голос бури,
Пугает моря вас бушующий прибой.
Спокойны вы, когда взамен небес лазури
Раскинут потолок над вашей головой...

И только иногда, коль сделана эстрада.
Когда решетка есть, расчищена земля,
Решаетесь взглянуть вы в бездну водопада,
На море смотрите лишь с борта корабля...

Мне сладок голос бурь и с самою грозою
Так слиться хочется. Люблю я водопад,

Что скачет с гор в тайге блестящей полосой, —
С ним прыгать вниз, греметь в водовороте б рад.

По морю в бурю я люблю носиться в лодке...
Когда ж в лесу найду укромный уголок,
То детски радуюсь тогда своей находке.
Что голову мою не давит потолок...

Вы молитесь творцу в церквах под мрачным сводом.
Где похоронный гимн звучит у алтаря,
Куда зайдете вы рутинно, мимоходом,
Там встретит толстый поп вас, алчностью горя;

Чтоб отвести черед из страха, лицемерно
Там молитесь творцу в назначенный лишь срок,
Без веры и любви твердите суеверно
Все тот же с детских лет заученный урок...

А я молюсь везде, когда костер пылает
И тысячами глаз тьма смотрит на меня,
Отвсюду; свет костра куда не проникает,
Какой-то тайною фантазию пленя...

Я кланяюсь всему; боготворю природу,
То звездам гимн пою, то морю, то горам
И солнца радуюсь особенно восходу —
Природа для меня — один обширный храм...

20 АПРЕЛЯ 1908 г., ИРКУТСК

Александр Львов

В глухой тайге, как будто в храме,
Я близость чую Божества.
Вон средь ветвей в зеленой раме,
Как в день великий торжества,
Блестит алтарь, горя огнями, —
Сияет в небе голубом
Голец со снежными зубцами,
Средь гор приподнятый горбом.
И как святых в камнях лики
Блестят меж золоченных риз,
Сияют солнечные блики
В росинках, падающих вниз...
Взамен кадильного куренья
Природный наполняет храм
Теперь, как в первый день творенья,
Цветов таежных фимиам...

20 июля 1920 г.

Св. Иоанн Кронштадтский

Идешь сотни верст пешком,
сапоги в руках тащишь:
потому вещь дорогая.
Приходилось идти горами, лесами;
суровые сосны высоко поднимают
стройные вершины. Жутко.
Бог чувствуется в природе.
Сосны кажутся длинной колоннадой
огромного храма. Небо чуть синее,

как огромный купол,
теряется сознание действительности.
Хочется молиться, и чужды все земные
впечатления — и так светло
в глубине души...

Николай Карамзин

Из «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»

Тщетно воображение мое ищет сравнения, подобия, образа!.. Рейн и Рейхенбах, великолепные явления, величественные чудеса природы! В молчании удивляться будет вам всякой, имеющий чувство; но кто может изобразить вас кистию или словами? — Я почти совсем лишился чувств, будучи оглушен гремящим громом падения и упал на землю.

Николай Клюев

Лесные сумерки — монах
За узорочным часословом
Горят заставки на листах
Сурьюю в золоте багровом

И богомольно старцы пни
Внимают звукам часословным...
Заря, задув свои огни,
Тускнеет венчиком иконным

Лесных погостов старожил
Я молодею в вечер мая,
Как о судьбе того, кто мил,
Над палой пихтою вздыхая.

Забвенье светлое тебе
В многопридельном хвойном храме,
По мощной жизни, по борьбе,
Лесными ставшая мощами

Смывает киноварь стволов
Волна финифтяного мрака,
Но строг и вечен часослов
Над котловиною, где рака.

1915 г.

Феликс Штильмарк

Человек, искренне любящий дикую природу, остается скорее язычником, чем христианином. Утром я, как правило, предпочитаю пойти в ближний лес, а не стоять со свечой в храме, дыша чужим потом и ладаном. Вид старого дерева, живописной скалы или бурного моря восхищает меня более, чем икона.

Игорь Северянин

СОЛНЕЧНЫЙ ДИКАРЬ (*отрывок*)

А если б было, не было б того,
Что есть теперь — повсюдного содома,
Природа — Бог, и больше нет его,
Не строй себе нигде, как в Боге, дома.

В Природе жить — быть вечно в божестве.

Не с божеством, не у него, а в Боге.

Во всем своем вмещающем существе

Природу, ей причастен ты в итоге.

Природа — все естественное. Все ж
Культурное — искусственно, и, значит,
Ваш город — лишь кощунственная ложь,
Которая от вас святыню прячет.

Ненужному вас учат города,—
Вы, неучи ученые, умрете.
Не стоит жить для ложного труда
В бессмысленном своем людвороте.

Труд всякий ложен, как и жизнь ложна,
Но предпочтенье отдаю простому —
Природному. Работа, что сложна,
Принадлежит, по существу, содому.

Дмитрий Мережковский

ПРИРОДА

1

Когда под куполом огромного собора
В таинственных лучах мерцающих лампад,
При песнопениях торжественного хора
Я недвижим стою, потупив робкий взгляд.
Очами строгими и полными укора
Угодники с икон так пристально глядят,
И над бесчисленной молящихся толпою
Струится фимиам душистою волною, —

Тогда я ужасом невольно поражен,
И горько плачу я, томимый угрызеньем,

Я сознаю опять, что к бездне приведен —
Дорогою греха, сердечным ослепленьем,
Воспоминания летят со всех сторон,
И голос совести гремит мне осужденьем,
И сердцу слабому так тесно, тяжело,
И страшно мне поднять поникшее чело.

2

Когда же дивный храм природы
В лучах торжественного дня
Свои блистающие своды, —
Обитель мира и свободы, —
Распростирает для меня.

Когда в эфире ночи ясной
Миров я вижу стройный хор,
Что в небе движутся согласно.
Толпой бессмертной и бесстрастной
Плывут в загадочный простор,

Тогда в отрадном умиленье
Я слышу голос Божества
Я сознаю в благоговенье
Свое с природой единенье, —
С ней связи древнего родства
Равно заботливо и щедро
Питают влагой дождевой
Природы любящие недра
И ствол развесистого кедра.
И цвет былинки полевой.

Опять я в счастье верю твердо,
И сердце радости полно.
Сознание шепчет мне так гордо:
«Ты — звук всемирного аккорда,
Ты — цепи жизненной звено».

И вот стою под небесами
Я в умилении святом.
На все в природе, в Божьем храме,
Гляжу я светлыми очами
С высоко поднятым челом.

1894 г.

Евгений Фейерабенд

В ЛЕС ВХОЖУ...

В лес вхожу я так,
Как входят в храм.
Ветви — своды,
А стволы — колонны.
Ягодам его,
Его грибам
Благодарно отдаю поклоны.

Может, белку
Выслежу в бору,

Косача в березнике замечу.

Я ружья

С собою не беру,

Без того все реже

Эти встречи.

Сколько их

От наших пуль ушло,

В черный ствол

Смотревших круглым глазом?

В наши дни

В лесу стрелять грешно,

Будто ломом бить

По древним вазам...

Иван Никитин

В синем небе плывут над полями

Облака с золотыми краями;

Чуть заметен над лесом туман,

Теплый ветер прозрачно-румян.

Вот уж веет прохладой ночью;

Грезит колос над узкой межою;

Месяц огненным шаром встает;

Красным заревом лес обдает.

Кротко звезд золотое сиянье,

В чистом поле покой и молчанье;

Точно в храме стою я в тиши

И в восторге молюсь от души.

1858 г.

Петр Чихачев

О ГОРЕ БЕЛУХЕ

...Я схватил альбом, но рука моя дрожала: мне казалось, я вижу живого Бога, со всею его силою, красотою, и мне стало стыдно, что я, бедный смертный, мечтал в картине передать его образ.

Максимилиан Волошин

КАРАДАГ

1

Преградой волнам и ветрам

Стена размытого вулкана,

Как воздымающийся храм,

Встает из сизого тумана.

По зыбям меркнувших равнин

Томимым неумной дрожью,

Направь ладью к ее подножью

Пустынным вечером — один.

И над живыми зеркалами

Возникнет темная гора,

Как разметавшееся пламя

Окаменелого костра.

Из недр изверженным порывом,

Трагическим и горделивым,

Взметнулись вихри древних сил:

Так в буре складок, в свисте крыл,
В водоворотах снов и бреда,
Прорвавшись сквозь упор веков,
Клубится мрамор всех ветров —
Самофракийская Победа!

14 июня 1918 г.

Александр Пушкин

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный над горами.
Далекий вожделенный брег!
Туда б, сказав «прости» ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!

1829 г.

Николай Клюев

Я молился бы лику заката,

Темной роще, туману, ручьям,
Да тяжелая дверь каземата
Не пускает к родимым полям —

Наглядеться на бора опушку,
Листопадом, смолой подышать,
Постучаться в лесную избушку,
Где за пряжею старится мать...

Не она ли за пряслом решетки
Ветровую свирелью поет...
Вечер нижет янтарные четки,
Красит золотом треснувший свод.

1912 г.

Петр Орешин

ДЕД-КРАСНОБАЙ (*отрывок*)

Целуйте свет земли, в родном подлунном храме
Молитесь на леса с заливами озер.
И помните, молясь, весь Мир следит за вами
С румяных облаков, с вершин лазурных гор.

Тяжелые сосцы земли обетованной
Готовы напоить сирот и бедных вдов.
Молитесь на поля, на реки-океаны,
На медленный полет белесых облаков.

1917 г.

Иван Козлов

БЕЗУМНАЯ. РУССКАЯ ПОВЕСТЬ

(отрывок)

Природа-мать! как ты прекрасна!
О, как всегда, везде, во всем
Мила, прелестна иль ужасна!
Ты явно дышишь божеством!
В красе ли солнце засияет
И светлый мир животворит;
Из туч ли молния сверкает,
Гроза ревет и гром гремит;
Иль ночь нетленными звездами
Усеет небо, как цветами,
И томно нежится луна;
Морская ли кипит волна;
Журчит ли тихо ток серебристый;
Иль Этна бросит сноп огнистый
И вихрит пламень к облакам —
Всё тайну знаменует нам:
Что лишь одно всему душою,
Что правит мира красотою,
Равно как ужасом тревог,
Морями, небом и землею —
Любовь, премудрость, сила — бог!

30 СЕНТЯБРЯ 1830 Г.

Сергей Клычков

Лежит заря, как опоясок,

И эту речку, лес и тишь

С их расточительностью

красок

Ни с чем на свете

не сравнишь!

Нельзя сказать об них

словами,

И нету человеческих слов

Про чашуру с тетеревами,

Про синеву со стаей сов...

Но, вставши утром спозаранья,

Так хорошо склониться ниц

Пред ликом вечного сиянья,

Пред хором бессловесных

птиц...

Аполлон Григорьев

Ночь

Немая ночь, сияют мириады

Небесных звезд — вся в блестках синева;

То вечный храм зажег свои лампы

Во славу Божества.

Немая ночь, — и в ней слышнее шепот
Таинственных природы вечной сил:
То гимн любви, пока безумный ропот
Его не заглушил.

Немая ночь: но тщетно песнь моления
Больному сердцу в памяти искать...
Ему смешно излить благословенья
И страшно проклинать.

Пред хором звезд невозмутимо-стройным
Оно судьбу на суд дерзнет ли звать
Или своим вопросом беспокойным
Созданье возмущать?

Валерий Брюсов

ЗЕМЛЕ

Я — ваш, я ваш родич, священные гады!

Ив. Коневской

Как отчий дом, как старый горец горы,
Люблю я землю: тень ее лесов,
И моря ропоты, и звезд узоры,
И странные строенья облаков.

К зеленым далям с детства взор приучен,
С единственной луной сжилась мечта,

Давно для слуха грохот грома звучен,
И глаз усталый нежит темнота.

В безвестном мире, на иной планете,
Под сенью скал, под лаской алых лун,
С тоской любовной вспомню светы эти
И ровный ропот океанских струн.

Среди живых цветов, существ крылатых,
Я затоскую о своей земле,
О счастье рук, в объятьи тесном сжатых,
Под старым дубом, в серебристой мгле.

В Эдеме вечном, где конец исканьям,
Где нам блаженство ставит свой предел,
Мечтой перенесусь к земным страданиям,
К восторгу и томленью смертных тел.

Я брат зверью, и ящерам, и рыбам,
Мне внятен рост весной встающих трав,
Молюсь земле, к ее священным глыбам
Устами неистомными припав!

25 АВГУСТА 1912 Г.

Дмитрий Мережковский

МОЛИТВА ПРИРОДЫ

На бледном золоте померкшего заката,
Как древней надписи причудливый узор,
Рисуется черта темно-лиловых гор.

Таинственная даль глубоким сном объята;
И всё, что в небесах, и всё, что на земле,
Ни криком радости, ни ропотом страданья
Нарушить не дерзнет, скрываясь во мгле,
Благоговейного и робкого молчанья.
Преобразился мир в какой-то дивный храм,
Где каждая звезда затеплилась лампадой,
Туманом голубым струится фимиам,
И горы вознеслись огромной колоннадой;
И, распростерта ниц, колена преклонив,
Как будто таинство должно здесь совершиться,
Природа вечная, как трепетная жрица,
Возносит к небесам молитвенный призыв:
«Когда ж, о Господи, окончится раздор
За каждый клочок земли, за миг существования,
Слепых и грубых сил ожесточенный спор?
Пошли мне ангела любви и состраданья!..
Не Ты ли создал мир, Владыка всемогущий,
Взгляни, — он пред Тобой в отчаянье поник, —
Увы, не прежний мир, не юноша цветущий,
А дряхлый и больной измученный старик!..»

Тысячелетия промчались над вселенной...
О мире и любви с надеждой неизменной
Природа к небесам зовет каждый день,
Когда спускается лазуревая тень,
Когда стихает пыл и гром житейской битвы,
Слезами падает обильная роса,
Когда сливаются ночные голоса
В одну гармонию торжественной молитвы

И тихой жалобой стремятся в небеса.

1883 г.

Аполлон Майков

ПАН

Пан — олицетворение природы;

по-гречески Πάν *значит: всё.*

Он спит, он спит,

Великий Пан!

Иди тихонько,

Не то разбудишь!

Полдневный жар

И сладкий дух

Поспелых трав

Умаял бога —

Он спит и грезит,

И видит сны...

По темным норам

Ушло зверье;

В траве недвижно

Лежит змея;

Молчат стада,

И даже лес,

Певучий лес,

Утих, умолк...

Он спит, он спит,

Великий Пан!..

Над ним кружит,
Жужжит, звенит,
Блестит, сверкает
И вверх, и вниз
Блестящий рой
Жуков и пчел;
Сереброкрылых.
Голубок стая
Кругами реет
Над спящим богом;
А выше — строим
Иль острым клином,
Подобно войску,
Через все небо
Перелетает
Полк журавлей;
Еще же выше,
На горном небе,
В густой лазури,
Незримой стражи
Чуть слышен голос...
Все словно бога
Оберегают
Глубокий сон —
Чудесный сон —
Когда пред ним
Разверзлось небо,
Он зрит богов,
Своих собратий;

И, как цветы,
Рои видений
С улыбкой сыплют
К нему с Олимпа
Богини-сестры...

Он спит, он спит,
Великий Пан!
Иди тихонько,
Мое дитя,
Не то проснется...
Иль лучше сядем
В траве густой,
И будем слушать, —
Как спит он — слушать,
Как дышит — слушать;
К нам тоже тихо
Начнут слетать
Из самой выси
Святых небес
Такие ж сны,
Какими грезит
Великий Пан, —
Великий Пан...

<1869>

Борис Пастернак

КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ

Большое озеро как блюдо.

За ним — скопление облаков.
Нагроможденных белой грудой
Суровых горных ледников.

По мере смены освещения
И лес меняет колорит,
То весь горит, то черной тенью
Насевшей копоты покрыт.

Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в прорывах,
Как торжества полна трава!

Стихает ветер, даль расчистив,
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.

В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри
В мерцающих венцах бессонниц
Святые, схимники, цари.

Как будто внутренность собора —
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник вселенной,

Я службу долгу твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

Юрий Линник

СВЯТИЛИЩЕ

Под Костомукшей —

Валунное поле.

Это святилище древних племен.

Светят Весы в голубом ореоле; взгляд Змееносца
на нас обращен.

Правда ли, что поднимались друиды до приполярных
высоких широт?

Память Лемурии! Дух Атлантиды! Это на севере
нашем живет.

Великолепны гранитные глыбы! Что излучают в
пространство они?

С ними на связи — и Гидра, и Рыбы; в Лебеде
знают о них искони.

Вместо диодов — вот эти жеоды; жилы из кварца —
как сеть проводов.

Камень-прибор! Вековечные коды я постигаю,
к открытиям готов.

Над валунами блеснула зарница: это сигнал из
далеких Гиад?

Здесь Ураоум — верховная жрица: мистериальный
творится обряд.

Ночь расступается, тайны не выдав; но происходит
в сознании сдвиг —

Ширится дух! И обличья друидов из валунов
проступают на миг.

Максимилиан Волошин

Я к нагорьям держу свой путь,
По полынным лугам, но скату,
Чтоб с холма лицо обернуть
К пламенеющему закату.

Жемчугами расшит покров
И венец лучей над горами —
Точно вынос Святых Даров
Совершается в темном храме.

Вижу к небу в лиловой мгле
Возносящиеся ступени...
Кто-то сладко прильнул к земле
И целует мои колени.

Чую сердца прерывный звук
И во влажном степей дыханьи
Жарких губ и знакомых рук
Замирающие касанья.

Я ли в зорях венчанный царь?

Я ли долу припал в бессильи?

Осеняют земной алтарь

Огневеющие воскрылья...

9 июля 1913, КОКТЕБЕЛЬ

Сергей Кричевский

ОДА ЧЕМАЛУ

На Алтае есть Чемал,

Не велик он и не мал.

Но в окрестностях Чемала

Жизнь прожить — и будет мало.

Здесь, среди земного рая,

Сам я бабочкой порхаю,

И кузнечиком скачу,

И печали все лечу,

Сам я — жук и муравей,

Коршун, муха, шмель и змей,

И травинка, и цветок.

Льюсь, как солнечный поток,

И в волнах Катунь-реки,

Что мощны и глубоки.

Словно хариус живу.

Червяков с крючков жую,

Насмехаясь под водой

Над рыбацкою бедой.

Здесь я — ветер, горы, лес,
И простор святых небес,
Здесь я — гром, туман и дождь,
И племён алтайских вождь.
Здесь, от суеты вдали,
Я — любовник всей Земли
И всех женщин верный муж
Всеединства тел и душ,
И вернее всех одной
Под высокою звездой.

Здесь слияние с природой
Мне моднее модной моды:
Я не мылся и не брился,
И в природе растворился.
То есть, сам природой стал,
И, частично, я — Чемал.

Здесь, в сиянии сине-алом,
Центр Вселенной слит с Чемалом:
Щедр, могуч, велик и строг, —
В красоте явился Бог.
Мир иной ничтожно мал, —
Весь наш мир и есть Чемал.

Не хочу другого рая —
Здесь бы жить, не умирая,
Продолжая жизни бал, —
Пусть же здравствует Чемал!

1 июля 1998 г., ЧЕМАЛ

Р.С. Чемал — посёлок, районный центр южнее г. Горно-Алтайск (Республика Алтай, Россия), в месте впадения реки Чемал в реку Катунь.

Ольга Воинова

ПОДСЛУХ

Подслух — это подслушать,
как прилетают птицы.

Подслух — это разведать,
где глухари. Нет!

Это гораздо больше:

С лесом весенним слиться,
слушать, как тает ветер,
видеть, как меркнет свет.

Медленно умолкают

маленькие хористы,

Птицы всегда о солнце,

Птичий язык прост.

С красной вершины елки

льется печаль солиста:

песню «Прощай солнце»

томно твердит дрозд.

Птицы всегда о солнце.

Гаснет, темнея, хвоя.

Белым густым туманом

Полнится мгла болот...

Вот и настало время

вкрадчивой песни странной.

Это поет не птица,

это глухарь поет!

Черный и бородатый
глохнувший от желанья,
четким и рваным ритмом
бьет в напряженный слух.
Это колдун, творящий
вещие заклинанья.
Это старик, влюбленный
в девственную весну.
Знаю, уходят люди.
Скоро и нам наверно.
Наши часы и годы
загодя сочтены.
А глухари будут.
В чащах глухих вечны
древние духи леса,
черные вещуны.

Дмитрий Нартов

МОЛИТВА

Солнце!

Иней!

День морозный!

Даль — чем дальше, тем светлей.

Одинокая береза,

Как часовня средь полей.

Тихо так, что со смиреньем

Вопрошаешь взором высь:

«Кто Ты?

Где Ты?

Хоть бы тенью

Надо мною появись!»

Нет,

не будет мне ответа,

Нем заснеженный простор.

Еле-еле слышу —

где-то

Высоко возник мотор.

Это «боинг», будто бритвой

Режет небо пополам,

Заглушив мою молитву,

Рушит громы по полям.

По равнине бело-синей

Рев турбин,

как рык зверей!

И березка чистый иней

Сыплет с дрогнувших ветвей.

Но стихает гром

и тает

В небе боинговый след.

Снова тишь

Чечеток стая.

Все, как было сотни лет.

Так же иней серебрится,
Воркованье косача,
А далекая лисица,
Как флажок из кумача.

Зимний день все так же светел.

Храм вдали.

Сияет крест.

И душе моей ответил

Колокольный благовест.

Сергей Смирнов

Есть просто храм,
Есть храм науки,
А есть еще природы храм —
С лесами, тянущими руки,
Навстречу солнцу и ветрам.
Всегда в любое время суток
Он нам открыт в жару и стынь,
Входя в него — будь сердцем чуток,
Не оскверняй его святынь.

Михаил Тарковский

Морозный воздух свеж, как нашатырь,
Горят верхушки лиственниц крестами
И благовестит звонкими клестами

Тайги великолепной монастырь.

Владимир Ковальский

ОСЕНЬ

Снова листья —

Царства лисьи.

Зори — в кленах,

Солнце — в ивах.

Как рублевская икона,

Роща — в алых переливах!

Даниил Андреев

РОЗА МИРА *(отрывок)*

Однажды я предпринял одинокую экскурсию, в течение недели странствуя по Брянским лесам. Стояла засуха. Волокнами синеватой мглы тянулась гарь лесных пожаров, а иногда над массивами соснового бора поднимались беловатые, медленно менявшиеся дымные клубы. В продолжение многих часов довелось мне брести по горячей песчаной дороге, не встречая ни источника, ни ручья. (...) Со мной была подробная карта этого района, и я знал, что вскоре мне должна попасться маленькая речушка, — такая маленькая, что даже на этой карте над нею не обозначалось никакого имени. И в самом деле — характер леса начал меняться, сосны уступили место кленам и ольхе. Вдруг раскаленная, обжигавшая ноги дорога заскользила вниз, впереди зазеленела поемная луговина, и, обогнув кучу деревьев, я увидел в десятке метров перед собой излучину долгожданной речки: дорога пересекала ее вброд. Что за жемчужина мироздания, что за прелестное Божье дитя смеялось мне навстречу! Шириной в несколько шагов, вся перекрытая низко нависавшими ветвями старых раkit и ольшаника, она струилась точно по зеленым пещерам, играя мириадами солнечных бликов и еле слышно журча.

Швырнув на траву тяжелый рюкзак и сбрасывая на ходу немудрящую одежду, я вошел в воду по грудь. И когда горячее тело погрузилось в эту прохладную влагу, а зыбь теней и солнечного света задрожала на моих плечах и лице, я почувствовал, что какое-то невидимое существо, не знаю, из чего сотканное, охватывает мою душу с такой безгрешной радостью, с такой смеющейся веселостью, как будто она давно меня любила и давно ждала. Она была вся как бы тончайшей душой этой реки — вся струящаяся, вся трепещущая, вся ласкающая, вся состоящая из прохлады и света, беззаботного смеха и нежности, из радости и любви. И когда, после долгого пребывания моего тела в ее теле, а моей души — в ее

душе, я лег, закрыв глаза на берегу под тенью развесистых деревьев, я чувствовал, что сердце мое так освежено, так омыто, так чисто, так блаженно, как могло бы оно быть когда-то в первые дни творения, на заре времен. И я понял, что произошедшее со мной было на этот раз не обыкновенным купанием, а настоящим омовением в самом высшем смысле этого слова.